

ЦЕНТР «МОЛОДЁЖЬ ЗА СВОБОДУ СЛОВА»

БАЛТИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник научных трудов

Выпуск 1

Калининград
2002

УДК 947:948(08)
ББК 63.3(45)я43
Б207

Редакционная коллегия

И.О. Дементьев (Калининградский государственный университет & Центр «Молодёжь за свободу слова») – ответственный редактор;
И.И. Жуковский (аспирант кафедры истории России Калининградского государственного университета) – секретарь редакции; *В.И. Повилайтис*, кандидат философских наук (Калининградский государственный университет); *Л.В. Сыроватко*, кандидат педагогических наук (лицей № 49).

Рецензент: доктор исторических наук *Ю.В. Костяшов*, проф. кафедры зарубежной истории и международных отношений Калининградского государственного университета

Ответственность за достоверность публикуемых материалов несут авторы.

Балтийские исследования: Сборник научных трудов / Центр «Молодёжь за свободу слова». – Калининград: Изд-во КГУ, 2002. – Вып. 1. – 102 с.
ISBN 5-88874-290-2

В сборнике представлены научные статьи молодых исследователей-гуманитариев из Латвии, Литвы, Польши, России, Финляндии. Статьи посвящены различным проблемам истории Балтийского региона, в том числе истории культуры. В приложении печатается перечень тем дипломных сочинений по истории региона, защищённых в 1979-2001 гг. на историческом факультете Калининградского государственного университета.

Предназначается преподавателям и студентам вузов для использования в учебной и научно-исследовательской деятельности, а также всем тем, кто интересуется проблемами истории Балтийского региона.

УДК 947:948(08)
ББК 63.3(45)я43

© Коллектив авторов, 2002
© Центр «Молодёжь за свободу слова», 2002
© Г.И. Косс, оформление, 2002

ISBN 5-88874-290-2

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН: ВЕК ДВАДЦАТЫЙ	4
<i>Дубровский Ю.</i> Политические организации национальных меньшинств в законодательных учреждениях Латвии (1922-1934 гг.)	4
<i>Маслов Е.А.</i> Заселение Калининградской области и формирование религиозной структуры её населения.....	17
РАЗДЕЛ 2. БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН СЕГОДНЯ	34
<i>Брыц А.</i> Значение Калининграда во внешней политике России	34
<i>Олехнович Д.</i> Русификация. Лингво-историографическая постановка проблемы	41
<i>Сиданмаки В.</i> Инициатива ЕС – Северное Измерение. Укрепление единства Северного региона?	46
<i>Карабешкин Л.А.</i> Формирование архитектуры безопасности в регионе Балтийского моря. Перспективы российско-германского взаимодействия	49
РАЗДЕЛ 3. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ СТРАН БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА	53
<i>Сивкова А.В.</i> Основные лексические парадигмы в повести Н.В.Гоголя «Ночь перед Рождеством» и новелле Э.Т.А.Гофмана «Приключение в ночь под Новый год»	53
<i>Фонова Е.Г.</i> Чайновская гофманиада.....	60
<i>Мальцев Л.А.</i> «Дяды» Мицкевича: конфликт веры и рассудка	65
<i>Повилайтис В.И.</i> Концепция симфонизма в философии культуры Л.П.Карсавина	70
РАЗДЕЛ 4. НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ	77
<i>Дементьев И.О.</i> Пятый магистр Тевтонского ордена Конрад Тюрингский и его ближайшие родственные связи	77
<i>Новиков А.С.</i> Завоевание Судовии в прусских легендах («Легенда о колонне четырёх братьев»)	82
<i>Золошков К.А.</i> Некоторые особенности положения провинции Восточная Пруссия в Веймарской республике	85
РАЗДЕЛ 5. ИСТОРИОГРАФИЯ И БИБЛИОГРАФИЯ	90
Тематика дипломных работ по истории Балтийского региона, защищённых на историческом факультете КГУ (1979-2001)...	90
<i>Справки об авторах</i>	98
<i>Центр «Молодёжь за свободу слова»</i>	101

РАЗДЕЛ 1

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН: ВЕК ДВАДЦАТЫЙ

Ю. Дубровский (Рига, Латвия)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ЛАТВИИ (1922-1934 гг.)

Введение

В современной Латвии партии этнических меньшинств в чистом виде – исключение. «Русская партия Латвии», коалиция «ЗаПЧЕЛ», во фракции которой есть представители меньшинств, не может считаться таковой: как демонстрирует сравнение результатов выборов для «Русской партии» и «ЗаПЧЕЛ», голосование мотивировалось скорее языковой, чем этнической близостью. В первой Республике (1918-1934) существовали партии национальных меньшинств, пытавшиеся использовать этнический принцип в предвыборной кампании. Не у всех это получалось, так как структура латвийского общества была так же сложна, как и сегодня. Можно выявить несколько признаков, по которым делилось население Латвии [5]: классовый (социал-демократы и «Крестьянский союз», при этом деление не имело этнических границ: так, «Латышское национальное объединение» и немецкие партии классово были близки, вместе выступая за «минимальное» государство, об этом же свидетельствует и наличие у ЛСДРП организаций национальных меньшинств), этническое (иногда с религиозными отличиями) или региональное (вся Латвия и Латгалия со своими специфическими интересами, в том числе религиозными). Суммируя, можно произвести социально-экономическое и этническое деление, а также деление, обусловленное интересами города и села.

Местоположение территорий, ставших в 1918 г. Латвийской Республикой на берегу моря, обусловило ход их истории. Территории, которые населяли древнелатышские племена и ливы, были подчинены Орденом меченосцев в XIII в. Так на территории современной Латвии появились немцы¹. В XVI в. территория современной Латвии перешла к Польско-Литовскому государству, прибавив к уже жившим трём народам два новых – поляков и евреев. Шведско-польская война в начале XVII в. разделила территорию между двумя державами. Польша сохранила за собой Инфлянтию (Латгалию) и Курляндию (Курземе и Земгале), но

¹ В литературе на латышском и немецком языках для обозначения немцев балтийских стран используется понятие «балтийские немцы» (baltvāci, vācbaltieši; Deutschbalten).

потеряла Лифляндию (Видземе и большую часть современной Эстонии). Латгалия, отделённая от других частей современной Латвии, развивалась по-своему. Латгалы отличаются от остальных латышей тем, что говорят на собственном языке и принадлежат к Католической церкви (большинство латышей – лютеране). В результате Раскола Православной церкви в Латгалии осели русские-староверы. В XVIII в. все части современной Латвии были присоединены к России. Немцы и поляки являлись привилегированными группами соответственно в Лифляндии, Курляндии (немцы) и латышской части Витебской губернии (поляки). К 1920 г., когда к Латвии была присоединена Латгалия и состоялись выборы в Учредительное собрание (Satversmes sapulce), в Латвии жили: латыши, русские, немцы, евреи, поляки, белорусы, литовцы, эстонцы, цыгане, украинцы, ливы, а также представители других народов (табл. 1). Из вышеперечисленных групп партий² не было – ввиду малочисленности этнических групп – у цыган, украинцев и ливов³.

Этнические группы в Латвии в 1920-1930-х годах⁴ *Таблица 1*

Национальность	1920	1925	1930
Латыши	1161404	1354126	1394957
Русские	124746	193648	201778
Немцы	58113	70964	69855
Евреи	79664	95675	94388
Поляки	54567	51143	59374
Литовцы	25588	23192	25885
Белорусы	75630	38010	36029
Эстонцы	8769	7893	7708
Цыгане	–	2870	3217
Украинцы	–	512	1629
Ливы	–	1238	962

Источник: [14].

Партии национальных меньшинств в I Сейме (1922-1925 гг.)

В выборах в I Сейм принимали участие как партии и списки меньшинств, баллотировавшиеся в Учредительное собрание, так и новые списки. Кроме таких крупных партий, как социал-демократы (30 мест из ста), Крестьянский союз (17 мест в Сейме), «Национальный Центр Бес-

² Термин «партия национального меньшинства» используется в данной статье для обозначения партии, защищающей интересы данной национальной группы. Таким образом, в это понятие не входят еврейская социал-демократическая организация «Бунд», а также подобные ей национальные организации в рамках социал-демократической или коммунистической партий: немецкие, русские, польские и т.д.

³ Согласно законодательству восстановленной Латвийской Республики ливы являются государствообразующей нацией наравне с латышами, а не национальным меньшинством.

⁴ Здесь приводятся данные переписей населения 1920-1930 гг., данные переписи 1935 г. опущены, так как не относятся к описываемому периоду.

партийных» (4 мандата) и т.д., в выборах участвовали «Список трезвенников» и «Список сторонников полковника Янсона». Всего было подано 88 списков, из которых 42 не получили мест в Сейме. Национальные меньшинства были представлены 12 списками, 8 из них получили мандаты. В таблице 2 показано количество мест и голосов, набранных партиями меньшинств, прошедшими в I Сейм.

Таблица 2

Партии национальных меньшинств в I Сейме

Название партии	Количество мест	Количество голосов
Объединение партий балтийских немцев	6	42088
Объединённый русский список	2	14229
Комитет латвийских старообрядцев	1	12318
Польские партии	1	12473
Цейре Цион	1	5156
Еврейский национальный блок	2	16631
Агудас Изроэль	2	11429
Список литовцев и католиков	1	8490

Источник: [8].

Особенностью выборов в I и II Сейм являлась возможность баллотироваться не только от пяти избирательных округов (Рига, Земгале, Видземе, Курземе и Латгале), но и в виде «государственного объединения». От каждого избирательного округа выбиралось определённое количество депутатов в зависимости от числа жителей каждого округа. На «государственное объединение» приходилось три депутата.

Таблица 3

Количество депутатов от избирательных округов

Избирательный округ	I Сейм	II Сейм	III Сейм	IV Сейм
Рига	15	19	19	21
Видземе	26	23	24	23
Курземе	16	15	16	16
Земгале	15	15	16	15
Латгалия	25	25	25	25
Государственное объединение	3	3	0	0
Всего	100	100	100	100

Источник: [11].

2.1. Списки национальных меньшинств**А) Немецкие партии.**

На выборы в I Сейм, как, впрочем, и в Учредительное собрание и остальные Сеймы, немецкие партии вышли вместе. В блок входили: «Демократическая партия Балтийских Немцев» (D.-B. Demokratische Partei), «Реформистская партия Балтийских Немцев» (D.-B. Reformpartei), «Прогрессивная партия Балтийских Немцев» (D.-B. Fortschrittliche Partei) и «Народная партия Балтийских Немцев» (D.-B. Volkspartei). Соглашение о его создании подписали Пауль Шиман (D.B.D.P.), известный латвий-

ский политик и специалист по вопросам национальных меньшинств, Эдвин Магнус (Edwin Magnus) (D.B.R.P.), Петер Клуге (Peter Kluge) (D.B.F.P.), Вильгельм Фиркс (Wilhelm Fircks) (D.B.V.P.). Все партии были консервативны, их целью стала защита интересов немецкого меньшинства, переживавшего процесс трансформации из привилегированного класса в национальное меньшинство.

Кандидаты блока баллотировались по пяти избирательным округам Латвии. В результате немецкий блок получил шесть мест в I Сейме. Из пяти округов депутаты были избраны только от четырёх. В Латгалии за него было подано лишь 635 голосов.

Б) *Русские партии.*

Русский избиратель довольно часто игнорировал принцип этнической солидарности и голосовал за латышские партии. Это было отмечено уже после выборов в Учредительное собрание, когда было сравнено количество мест, полученных меньшинствами, и процентное соотношение русских и других этнических групп Латвии [2]. Этому, видимо, способствовала сильная фрагментация русского населения Латвии по религиозному и классовому признаку: православные⁵ и старообрядцы, большинство – рабочие, голосовавшие в том числе и за социалистические партии, крестьяне и лишь малая часть – интеллигенция. Впрочем, такое деление не мешало русским партиям получать места в Сейме. В выборах 1922 г. участвовали три списка, рассчитывавшие на поддержку со стороны русского избирателя, – «Объединённый русский список», «Комитет латвийских старообрядцев» и «Объединение беспартийных русских». Кандидаты «Объединённого русского списка» баллотировались в Рижском и Латгальском округах, в последнем были избраны два депутата. Создание «Объединённого русского списка» (П.Корецкий, А.Бочагов) являлось попыткой объединения всех русских партий, однако этого сделать не удалось, и в выборах участвовали три списка. Попытки объединить избранных представителей русских партий в одну фракцию также потерпели неудачу [3]. «Комитет латвийских старообрядцев» боролся за голоса избирателей в Риге, Латгалии и Земгале, депутат был выбран только от Латгалии. Кандидаты «Объединения беспартийных русских» (лидер В.Пресняков), не прошедшего в Сейм, баллотировались в Риге и Латгалии, набрав в итоге 1479 голосов. Депутаты от русских партий довольно часто менялись⁶; единственным депутатом, избранным во все четыре Сейма, был представитель старообрядцев Мелетий Каллистратов.

В) *Польские партии.*

Польский список, получивший один мандат, баллотировался в Риге, Курземе и Латгалии, причём депутат был избран в последнем из перечисленных округов: ведь большинство латвийских поляков жило именно

⁵ Православными в Латвии были не только русские, но и латыши, и представители других народов. Так, интересы православных избирателей, независимо от их национальности, в Сейме представлял архиепископ Я.Поммер.

⁶ Выбор различных депутатов не означал больших изменений в списках кандидатов. Чаще менялись названия списков, а не их состав.

в Латгалии. Целью польского списка, как и списков других меньшинств, была защита прав своего народа. «Союз поляков Латвии» выступал за равноправие с гражданами Латвии других национальностей, за национально-культурную автономию, за право пользоваться родным языком в учреждениях самоуправления тех областей Латвии, где польское население составляет большинство, а также в церквях, школах и организациях, служащих интересам польского меньшинства [15].

Г) *Еврейские партии.*

Как и в случае с русскими партиями, партии еврейского меньшинства не могли договориться и выйти на выборы единым списком. В выборах в I Сейм участвовали «Еврейский национальный блок», партия «Агудас Изроэль», «Цеире Цион» и «Еврейская Народная Партия». В «Еврейский национальный блок» входили позже выступавшие отдельными списками «Гистадрут-Гационит» («Всеобщие сионисты»), «Еврейская национально-демократическая партия», «Мизрахи». Сначала в блок входила и партия «Агудас Изроэль», однако она вышла из блока, так как, по словам лидера партии раввина М.Дубина, не могла принять разрешение членам одного списка агитировать друг против друга [1]. Еврейские партии в Латвии мало чем отличались от еврейских партий в других странах Европы. Правда, латвийская «Агудас Изроэль» («Объединение Израиля») в отличие от аналогичных партий в других странах интересовалась не только проблемами латвийского государства, но и проблемами Палестины [16]. Эта партия представляла интересы религиозных евреев. Партия «Мизрахи» – религиозная сионистская организация, а «Цеире Цион» («Молодежь Сиона») (один из руководителей М.Лазерсон, представитель партии в I, II и III Сеймах) по программным установкам была партией сионистов-социалистов, целью которой было построение в Палестине государства на основах демократического социализма. «Еврейская национально-демократическая партия» представляла состоятельных евреев, проблемы менее обеспеченных евреев её не интересовали, чем и объясняют некоторые авторы её неудачи на выборах во II Сейм [16]. «Гистадрут-Гационит» пыталась объединить всех сионистов: левых, религиозных и светских, но потерпела неудачу. Из четырёх списков только «Еврейская народная партия» не получила мест в Сейме; она баллотировалась в Латгалии и получила 47 голосов избирателей. «Еврейский национальный блок» принимал участие в выборах во всех округах, кроме Видземе, получил места от Риги и Курземе. «Агудас Изроэль», как и «Еврейский национальный блок», не выставившие своих кандидатов в Видземе, получили два места от Риги и Латгалии. Партия «Цеире Цион» баллотировалась во всех округах, но депутат был избран только от Латгалии.

Д) *Литовский список.*

Кандидаты «Списка литовцев и католиков» баллотировались от Рижского и Земгальского округов, депутат был избран от последнего.

Е) *Эстонский список.*

В выборах в I Сейм участвовала и «Эстонская группа», выставившая кандидатов в Риге (260 голосов) и Видземе (803). Количество голосов,

полученных группой (1603), было намного меньше общего числа эстонцев в Латвии. Эстонская группа не попала в Сейм.

Ж) *Белорусский список*.

«Белорусский список» рассчитывал на поддержку избирателей в Латгалии, где компактно проживали представители меньшинства, однако 1548 голосов, отданных за него, не хватило для избрания депутата.

Партии национальных меньшинств во II Сейме (1925-1928 гг.)

Для участия в выборах 1925 г. был подан уже 141 список, а места получили представители 93 списков. Национальные меньшинства были представлены 12 списками.

Таблица 4

Партии национальных меньшинств во II Сейме

Название партии	Количество мест	Количество голосов
Объединение партий балтийских немцев	4	42 248
Список старообрядческих кандидатов	2	20 843
Объединённый список русских волостных и общественных работников	1	11 614
Блок православных избирателей и объединённых русских организаций	2	10 245
Латвийский союз поляков, поляки-католики	2	17 537
Цеире Цион	1	6 422
Мизрахи	1	10 245
Агудас Изроэль	2	13 477

Источник: [9].

Списки национальных меньшинств

А) *Немецкие партии*.

Немецкий блок получил на выборах во II Сейм меньше голосов, чем в предыдущий. Следуя прежней тактике, блок выставил кандидатов во всех избирательных округах, но не получил мест в Сейме не только в Латгалии (589), но и в Видземе (2925) и Земгале (3334), где имел по одному голосу на выборах в I Сейм. Во время полномочий I Сейма с целью наделения крестьян землёй была принята аграрная реформа по варианту социал-демократов: создан Земельный фонд, в ведение которого переходили бывшие имения, не отвечавшие определённым критериям. В итоге земли были отчуждены без выплаты компенсации. Так как это прямо касалось интересов немецкого меньшинства, то партии балтийских немцев выступили за ревизию аграрной реформы.

Б) *Русские партии*.

На выборах во II Сейм русскому избирателю предлагалось четыре списка, из которых был отвергнут список «Русской Народно-Трудовой Партии» (образовалась в 1925 г.) под руководством бывшего депутата I Сейма П. Корещкого. Как и другие партии, эта выступала за ревизию аграрной реформы, правда, её цель отличалась от цели немцев или поляков. Партия требовала «пересмотра дел о наделении землёю граждан в целях отобрания земли от тех, кто на ней не живёт сам и не ведёт личного хозяйства и передачи её трудовому населению» [3, с.27]. Список был выставлен только в Курземе и набрал там всего 241 голос. Из списков,

попавших в Сейм, «Список старообрядческих кандидатов», баллотированный в Риге, Земгале и Латгалии, получил два мандата от Латгалии. В тех же округах выставил кандидатов и «Объединённый список русских волостных и общественных работников», депутат от которого был избран в Латгалии. «Объединённый список...», в отличие от конкурентов, баллотировался также в Курземе (628), правда, депутаты были избраны только от Риги и Латгалии. Целью списка под руководством Л.Шполянского было объединение представителей всех слоёв русского населения в одну партию, список выступал за национально-культурную автономию и ревизию аграрной реформы [15]. «Блок православных избирателей и объединённых русских организаций» выставлялся везде, кроме Видземе, получив по мандату в Риге и Латгалии.

В) *Польский список.*

Кандидаты от польских партий баллотировались везде, кроме Видземе, получив, в отличие от выборов в I Сейм, два голоса (по одному от Земгале и Латгалии). Поляки, как и немцы, считали себя обиженными результатами аграрной реформы, поэтому выступали за честную компенсацию за отчуждённую землю.

Г) *Еврейские партии.*

В отличие от выборов 1922 г., в 1925 г. еврейские партии не объединялись в блок. Было выставлено пять списков, из них «Еврейская национал-демократическая партия» и «Гистадрут-Гационит» не получили мест в Сейме. Первый был выставлен в четырёх округах (Рижском, Курземском, Земгальском и Латгальском), набрав в итоге 2723 голоса; «Гистадрут-Гационит» – только в трёх (Риге, Курземе и Латгалии) и набрал лишь 971 голос. В выборах 1925 г. впервые отдельным списком выступала сионистская организация «Мизрахи», выставив кандидатов во всех избирательных округах, но мандат получила только в Курземе. Партия «Агудас Изроэль» баллотировалась во всех округах, кроме Земгальского, кандидаты были избраны в Рижском и Латгальском округах. «Цеире Цион» выставила своих кандидатов в 1925 г. во всех округах, кроме Видземе, а депутат был избран только в Латгалии.

Е) *Эстонский список.*

На выборах 1925 г. эстонский список выступал под названием «Эстонская национальная группа избирателей» и выставил своих кандидатов только в Видземском округе, где было получено самое большое количество голосов на прошлых выборах, но на этот раз эстонский список получил только 605 голосов (в 1922 г. – 1063).

Ж) *Белорусский список.*

На выборы 1925 г. белорусские политические деятели во главе с К. Езовитовым, бывшим членом правительства Белорусской Народной Республики, вышли с «Объединённым списком латвийских белорусских безземельных работников и малоземельных граждан». В отличие от остальных списков меньшинств, в основном представлявших правый фланг, данный список был левым⁷. Кандидаты выставлялись в двух из-

⁷ Это объясняется как взглядами руководителей этого списка, так и тем, что большинство белорусов Латвии составляли крестьяне [13].

бирательных округах – Земгале и Латгалии. Список набрал 1910 голосов, но не прошёл в Сейм.

Партии национальных меньшинств в III Сейме (1928-1931 гг.)

Выборы в III Сейм проходили по новому закону. После предыдущих, для участия в которых был подан 141 список, изменились условия подачи списков, тем не менее их количество уменьшилось не намного (120 списков). В III Сейм были избраны представители 26 списков (из 43); семь партий представляли интересы национальных меньшинств. Из 100 мест Сейма партии национальных меньшинств получили 18. Представители «Объединения партий балтийских немцев» Балдуин Дистерло и Б. Берент занимали пост министра юстиции в правительстве Хуго Целминьша [17] (просуществовало с 1 декабря 1928 г. до 26 марта 1931 г.), сформированного партиями «Крестьянский Союз», «Партией Новохозяев и Малоземельных», «Латгальской демократической крестьянской партией», «Демократическим Центром», «Партией Крестьян-христиан и католиков» и «Объединением партий балтийских немцев», а представитель польских партий Ян Вежбицкий был товарищем министра внутренних дел [6]⁸. Остальные партии меньшинств находились в оппозиции.

Рассмотрим результаты выборов для партий национальных меньшинств, прошедших в Сейм. Отметим, что в выборах не участвовали белорусский и эстонский списки, но белорусская пресса агитировала избирателей голосовать за коммунистический список – «Партию независимых социалистов», получивший два места в Сейме⁹.

Таблица 5

Партии национальных меньшинств в III Сейме

Название партии	Количество мест	Количество голосов
Объединение партий балтийских немцев	6	43352
Список православных, старообрядцев и объединённых русских организаций	2	17006
Союз русских работников латвийских волостных и окружных самоуправлений	2	14592
Объединённый Старообрядческий Список	2	18150
Латвийский союз поляков-католиков	2	16197
Мизрахи	2	15145
Цеире Цион	1	7529
Агудас Изроэль	1	9 827

Источник: [10].

⁸ Эту должность он занимал ещё в правительстве Юрашевскиса во время полномочий II Сейма. В своё время посты в правительствах Латвии занимали и представители других партий национальных меньшинств.

⁹ Появление коммунистической фракции, в которую вошли депутаты от разных списков, ослабившее фракцию ЛСДРП, комментировалось основными соперниками (ЛСДРП и Крестьянским Союзом) по-разному. Каждый обвинял в этом соперника; к III Сейму обе партии стали терять голоса.

Списки национальных меньшинств**А) Немецкие партии.**

«Объединение партий балтийских немцев» выставило своих кандидатов в четырех избирательных округах: Рижском, Видземском, Курземском и Земгальском, оставив попытки получить место от Латгалии, и получило в первом три мандата и по одному в остальных.

Б) Русские партии.

Русские партии, получившие места в Сейме, – «Союз русских работников латвийских волостных и окружных самоуправлений» и «Список православных, старообрядцев и объединённых русских организаций». Первый список был выставлен только в Латгалии, где и были избраны два его представителя; второй – в трёх избирательных округах, Рижском, Земгальском и Латгальском – и получил по мандату в первых двух. Кроме этих списков, в выборах участвовал и получил два места «Объединённый Старообрядческий Список». Кандидаты от него баллотировались от Риги и Латгалии, но депутатов избрали только в Латгалии.

Кроме избранных в Сейм русских списков в выборах участвовали еще три: «Список русских малоземельных и безземельных крестьян Латгалии» (2068 голосов), «Объединение русских крестьян» (3976) и «Список православных и общественных деятелей» (1535). Все три списка баллотировались от одного округа: первые два от Латгалии, а последний от Видземе.

В) Польские партии.

Список «Латвийского Союза поляков-католиков» был выставлен во всех избирательных округах, но получил депутатские мандаты только в двух – Земгальском и Латгальском.

Г) Еврейские партии.

Еврейские партии были представлены сионистскими организациями «Цеире Цион», «Мизрахи» и «Агудас Изроэль». Партия «Цеире Цион» баллотировалась в двух округах – Рижском и Латгальском, получив свой мандат от последнего. «Агудас Изроэль» баллотировалась во всех, но депутаты от этого списка были избраны только в Риге. Сионистская организация «Мизрахи», получившая самое большое количество голосов из партий еврейского меньшинства, баллотировалась в четырёх округах: Рижском, Видземском, Земгальском и Курземском, и получила по мандату в Риге и Курземе.

В выборах, кроме трёх еврейских организаций, названных ранее, участвовали также «Еврейский демократический блок» и «Еврейский хозяйственный блок». Первый был выставлен в Риге и Курземе, набрав в итоге 2496 голосов, а второй – только в Латгалии, получив 667 голосов.

Д) Литовский список.

«Объединённый список литовцев и католиков» не получил мест в Сейме. Кандидаты баллотировались только в Земгале, где список получил лишь 2268 голосов.

Партии национальных меньшинств в IV Сейме (1931- 15 мая 1934 г.)

IV Сейм избирался осенью 1931 г. в условиях экономического кризиса, его работа была прервана 15 мая 1934 г. в результате государственного переворота, совершенного Карлисом Ульманисом. В IV Сейм вошли

представители 23 партий. Национальные меньшинства были представлены шестью партиями, что на одну меньше, чем в III Сейме; уменьшилось количество депутатов партий меньшинств (17). В отличие от предыдущего, в IV Сейме все партии национальных меньшинств находились в оппозиции (табл. 6).

Таблица 6

Партии национальных меньшинств в IV Сейме

Название партии	Количество мест	Количество голосов
Объединение партий балтийских немцев	5	38 805
Видземский список немцев Риги	1	6 138
Союз русских работников латвийских волостных и окружных самоуправлений	1	10 556
Объединение русских крестьян и русские общественные деятели	1	8 298
Православные избиратели	1	10 116
Русские старообрядцы-избиратели трудового народа	2	20 528
Латвийский союз поляков, поляки-католики	2	16 928
Агудас Изроэль	2	17 845
Мизрахи	1	11 761

Источник: [11].

Списки национальных меньшинств**А) Немецкие партии.**

В отличие от выборов в III Сейм в 1931 г. балтийские немцы были представлены двумя списками: «Объединением партий балтийских немцев» и «Видземским списком немцев Риги». Первый список, как и во время предыдущих выборов, был выставлен в трёх округах и получил пять мест в Сейме. Вторым списком был представлен в Видземе, где и был избран один представитель списка. В данный список входил представитель «Реформистской партии Балтийских Немцев» (партия состояла в блоке немецких партий) Лотар Шёлер (Lothar Schoeler).

Б) Русские партии.

Русскому избирателю на выборах в IV Сейм предлагалось выбирать из шести предвыборных списков: «Русские старообрядцы-избиратели трудового народа», «Союз русских работников латвийских волостных и окружных самоуправлений», «Православные избиратели», «Объединение русских крестьян и русские общественные деятели», «Православные, старообрядцы и объединённые русские организации», «Старообрядцы». Из этих организаций в Сейм прошли все, кроме списка «Старообрядцев», баллотировавшегося в Латгалии и получившего 3857 голосов. Наибольшее число мест в парламенте получил список «Русские старообрядцы-избиратели трудового народа» (2 места в Сейме), набравший 20528 голосов. Список был выставлен в Риге, Земгале и Латгалии, и именно в последнем округе были избраны два депутата (17721 голос). Остальные списки получили по одному голосу, причём три списка – «Православные избиратели», «Объединение русских крестьян и русские общественные деятели», «Союз русских работников латвийских волост-

ных и окружных самоуправлений» – баллотировались только в Латгалии, набрав примерно одинаковое количество голосов. Список «Православные, старообрядцы и объединённые русские организации» был выставлен в Риге и Земгале, набрав 12107 голосов, депутат был выбран в Риге (8490 голосов).

В) *Польские партии.*

Раскол в польском обществе Латвии¹⁰ выразился в наличии двух списков на выборах в IV Сейм: «Латвийский польский союз, поляки-католики» (большая часть старого объединения) и список «Поляки-католики», возглавляемый ксендзом Болеславом Лавриновичем. Более успешным оказался первый (два депутатских мандата), который был выставлен во всех округах, кроме Курземского, и набрал 16928 голосов, а депутаты были избраны, как и на прошлых выборах, в Земгале (4849) и Латгалии (6762). Конкурирующий список был выставлен только в Латгалии, где получил 4202 голоса.

Г) *Еврейские партии.*

Еврейскому избирателю предлагались 5 списков – «Агудас Изроэль», сионистская организация «Мизрахи», «Еврейское прогрессивное объединение», «Земгальский еврейский объединённый список», «Латвийская объединённая партия социалистов-сионистов». Из них в Сейм прошли два – «Агудас Изроэль» и «Мизрахи». Первая партия баллотировалась во всех округах, кроме Видземе, и получила в Сейме по месту от Риги (10443) и Латгалии (6649). «Мизрахи» был выставлен в Риге и Курземе, депутат был избран в Курземе (6406). Неизбранные списки баллотировались в каком-нибудь одном округе: так, «Еврейское прогрессивное объединение» баллотировалось в Риге (2116 голосов), «Земгальский объединённый еврейский список» – в Земгале (3700), а «Латвийская объединённая партия сионистов-социалистов», образовавшаяся в 1931 г. в результате объединения «Цеире Цион» и сионистов-социалистов [16], – в Латгалии (5274).

Д) *Литовцы и белорусы.*

На выборах в IV Сейм представители литовского и белорусского меньшинства выступали вместе в списке «Литовские католики и белорусы»; он был выставлен только в Земгале и получил 3105 голосов.

Партии национальных меньшинств в Сеймах Латвии (1922-1934 гг.)

Партии Первой Латвийской Республики можно разделить на шесть групп¹¹: левые, правые, латгальцы, центр, неопределённые и националь-

¹⁰ Раскол произошёл в результате скандала в католической церкви Илукстенской волости, месте компактного проживания польского населения Латвии. Созданная в мае 1931 г. специальная следственная комиссия Сейма пришла к выводу, что отдельные священнослужители и «Союз поляков» ополячивают население. «Союз поляков» поддерживали посольство и консульство Польши. Внутри «Союза» образовалась группа, выступавшая за тесное сотрудничество с латышской нацией в рамках католической церкви.

¹¹ Такое деление использовалось М.Скуйениексом, анализировавшим результаты выборов в I, II, III и IV Сейм. Другой вариант деления предложен политологом Я.Илкстенсом, он делит партии Латвии на шесть блоков: левые, центристы, аграрные партии, латгальцы, правые партии и меньшинства.

ные меньшинства. В четырёх Сеймах национальные меньшинства занимали 65 мест из 400 (табл. 7). Тем не менее количество избирателей, голосовавших за партии национальных меньшинств, постоянно росло, увеличившись с 127491 до 163229 в 1931 г.

Таблица 7

Количество голосов, отданных за партии меньшинств в 1922-1934 гг.

Сейм	Национальные меньшинства	Голоса за избранные партии	Голоса за неизбранные партии	Голоса за все партии меньшинств
I	15	112814	4677	127491
II	15	132631	6450	139081
III	18	141798	13010	154808
IV	17	140975	22254	163229
Всего	65	528218	56391	584609

На примере партий национальных меньшинств мы смогли наблюдать особенности партийной системы Латвии 1920-1930-х гг. Сложная структура общества и либеральный закон о выборах способствовали формированию большого числа партий, дробивших парламент, но никогда не доводивших систему до кризиса. Партиям национальных меньшинств свойственны все выделенные во введении признаки, разделявшие общество. Существовали партии, которые соединяли этническое и религиозное деление: «Агудат Изроэль» и «Мизрохи», организации православных и старообрядцев. В польских и литовских списках не было деления по религиозному признаку, но было по национальному. Классовое деление, переплетённое с национальным, было характерно для партии балтийских немцев и «Еврейской национал-демократической партии», а также белорусского списка Езовитова, представлявшего интересы села (следует заметить, что деление белорусов на православных и католиков не являлось политически значимым). Сюда же следует отнести партию «Цеире Цион» (в противовес «Еврейской национал-демократической партии») и «Русскую Народно-Трудовую партию», выступавшую на выборах в Курземе, где не было русских крестьян, только горожане.

Не следует забывать и региональный аспект: некоторые партии с самого начала были прикреплены к определённому региону, например, кандидаты эстонской группы баллотировались от Риги и Видземе, потому что только там жили эстонцы, а литовские списки по той же причине ориентировались на Ригу и Земгале, позже – только Земгале. Немецкие партии сначала пытались собрать голоса со всех округов, в том числе и в Латгалии, где немцев очень мало, но потом стали концентрироваться только на тех, где они могли рассчитывать на успех. Польские группы варьировали округа: в 1922 г. списки не подавались в Земгале и Видземе, но уже в 1925 г. был подан список в Курземе и получил 577 голосов, в 1928 г. польские партии подали списки во все округа, но уже в 1931 г. в Курземе опять не подали списков. Видно, что польские партии в основном поддерживали в Земгале и Латгалии, а список Б. Лавриновича из

Даугавпилса был явно региональным. Региональные списки были также у евреев, например, «Земгальский еврейский объединённый список» на выборах в IV Сейм или «Еврейское прогрессивное объединение», кандидаты которого баллотировались от Риги. Многие русские списки, поданные в разных округах, зависели от Латгалии. Таблицы свидетельствуют о том, что поддержка партий национальных меньшинств росла, однако сравнение результатов партий определённого меньшинства с количеством представителей данного меньшинства в Латвии может показать, что многие избиратели голосовали в соответствии с классовой или другой, но не этнической солидарностью. Увеличение числа избирателей можно частично объяснить принятием латвийского гражданства представителями разных этнических групп, а в 1931 г. – влиянием экономического кризиса, обострившим национальные отношения. Уменьшение количества населения, которое можно заметить по результатам переписей населения (в случае эстонцев или белорусов означавшее ассимиляцию), тоже не могло способствовать поддержке национальных партий (в случае эстонцев большую роль играло также принятие гражданства Эстонии).

Как было показано, партии национальных меньшинств в основном находились в оппозиции (их брали в коалицию, когда латышские партии уже испробовали все возможные варианты коалиций с латышскими или латгальскими партиями [5]). В отличие от Польши, где на выборах 1922 г. национальные меньшинства выступали единым списком, в Латвии такого не произошло. Правда, в Латвии были возможны союзы двух меньшинств (литовско-белорусский список на выборах в IV Сейм). Под влиянием польского примера вопрос о блоке обсуждался в преддверии выборов в I Сейм. Так, представители русских и еврейских партий (В.А.Пресняков, А.С.Бочагов и Л.Фишман) поддерживали идею создания блока, а представитель немецкого блока (П.Шиман) – нет. Несмотря на то, что блок создать не удалось, представители национальных меньшинств сотрудничали в Сейме. Видя, что с каждым выборами количество списков, например у русских и евреев, увеличивается, и они не могут договориться даже между собой (например, перипетии вокруг «Еврейского национального блока» и «Русского объединённого списка» или попытки «Гистадрут Гационит» объединить всех сионистов), трудно было бы представить, что они смогут объединиться в один блок с другими меньшинствами, например с белорусами, за которыми некоторые русские политики не признавали права считаться национальным меньшинством. Кроме выборов в Сейм, многие партии национальных меньшинств активно участвовали в выборах самоуправления, а некоторые – только в них.

Список литературы

1. *Кандидаты* меньшинств о своих задачах: Анкета // Сегодня. 1922. 3, 8, 10 сентября.
2. *Комментарии* к голосованию // Сегодня. 1920. 23 апреля.
3. *Русский календарь* на 1925 год. Рига, 1924.
4. *Freivalds O.* Latviešu politiskās partijas 60 gados // Mazaakumtautību Veesture Latvijā. Zvaigzne ABC, 1998.

5. *Ilkstens J.* Partiju darbības paradoksi Latvijā starpkaru periodā. Par 15.maija apvērsumu domājot. LZA Vēstis, 1999. 1./2./3. (600./601/602.) nr.
6. *Jēkabsons Ē.* Poļi Latvijā. Rīga, 1996.
7. *Latvju* enciklopēdija. X.sējums.
8. *Latvijas Republikas Saeimas vēlēšanu iznākumi* / M.Skujenieka teksts un redākcija. Rīga, 1923.
9. *Latvijas Republikas Saeimas vēlēšanas 1925.gadā* / M.Skujenieka teksts un redākcija. Rīga, 1926.
10. *Latvijas Republikas Saeimas vēlēšanas 1928.gadā* / M.Skujenieka teksts un redākcija. Rīga, 1929.
11. *Latvijas Republikas Saeimas vēlēšanas 1931.gadā* / M.Skujenieka teksts un redākcija. Rīga, 1933.
12. *Latvijas Statistikas gada grāmata uz 1920.gadu.* Rīga, 1921.
13. *Mazākumtautību vēsture Latvijā* / sastādītājs L.Dribins. Rīga, 1998.
14. *Salnītis V.* Ceturtā tautas skaitīšana Latvijā 1935.gadā. Rīga, 1936.
15. *Šalts A.* Die politischen Parteien Lettlands. Rīga, 1926.
16. *Šteimanis J.* Latvijas ebreju vēsture. Daugavpils, 1995.
17. *Treijs V.* Latvijas valsts un tās vīri. Rīga, 1998.
18. *Volkovs V.* «Krevi» graamataa // Mazaakumtautiibu Veesture Latvijaa. Zvaigzne ABC, 1998.

Е.А. Маслов (Калининград, Россия)

**ЗАСЕЛЕНИЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
И ФОРМИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ СТРУКТУРЫ
ЕЁ НАСЕЛЕНИЯ**

Закономерным последствием Второй мировой войны и вместе с тем важнейшим методом строительства сталинской империи было крупномасштабное перемещение населения. Миграционные потоки пересекали внешние рубежи Советского Союза в ходе репатриации и реэмиграции из многочисленных уголков мира, в результате депортации и эмиграции в Германию, Японию, Финляндию, Израиль и другие государства, вследствие оптации населением с Польшей, Чехословакией и Румынией, демобилизации армии и некоторых иных причин. Эти потоки приобретали внутри страны самые разнообразные направления.

Послевоенные передвижения населения в СССР пока еще не поддаются обобщённой количественной оценке, хотя некоторые миграционные процессы того времени уже имеют вполне обоснованные цифровые данные [23, с.210-211; 2, с.5; 16, с.391; 5, с.49-52]. Ясно одно – эти демографические сдвиги затронули десятки миллионов людей.

Миграции стали основополагающим фактором социального развития молодой Калининградской области. Проживавшие в её пределах немцы подверглись всеобщей депортации [12]. Их место заняли советские переселенцы, призванные включить новый российский край в социальную, политическую, экономическую и военную системы страны. Таким образом, за кратчайший срок на локальной территории произошла *тотальная* смена социополитической и социокультурной общности. В отличие

от большинства случаев, переселение в Калининградскую область оказалось результатом *свободного* волеизъявления основной массы прибывших сюда граждан Советского Союза. Примечателен ещё один момент – с точки зрения историко-культурного наследия территория бывшего Кёнигсберга и прилегающего к нему района стала для новых её насельников напрочь чужеродной, лишенной каких-либо национальных традиций – своего рода *tabula rasa*, которую надлежало заполнить.

Видимо, эти обстоятельства позволили авторам одного современного исследования прийти к следующему выводу: специфика формирования населения края и его культурные особенности не имеют аналогов в мире [7, с.4]. Разделяя в целом данное мнение, укажем, однако, что в демографической истории СССР есть регион, типологически однородный Калининградской области. Это Южный Сахалин с Курильскими островами.

Юго-восточная окраина России тоже была военно-дипломатическим приобретением Советского Союза. Равным образом её «очистили» от иностранного контингента. Правда, депортировав 296 тыс. японцев и айнов в Японию, группу поляков и одного японца-ксёндза – в Польшу, перемещённым сюда прежними властями корейцам разрешили остаться на островах [5, с.51; 17, с.70]. Как и Калининградскую область, Сахалин с Курилами заселяли преимущественно русские люди и в основном добровольно. На новом месте переселенцы имели схожие проблемы материально-бытового характера и трудности социокультурной адаптации.

Между двумя полярными (если смотреть по карте – диагонально-крайними) регионами существовали незначительные отличия. Южный Сахалин административно объединили с Северным, тогда как доставшуюся СССР часть бывшей Восточной Пруссии разделили на российскую Калининградскую область и литовскую Клайпеду с округой. В прошлом Южно-Сахалинской области всё же был русский период, хотя запечатлённых на местном пространстве его памятников оставалось крайне мало. Доминировало японское наследие – архитектура, кладбища, названия и пр.¹ В целом же условия демографического развития обоих регионов были очень близки, что позволяет нам в дальнейшем использовать материалы истории заселения Южно-Сахалинской области в компаративных целях.

Начало переселению в земли российской части бывшей Восточной Пруссии положили «вынужденные» мигранты, впоследствии осевшие здесь, – некоторые военнослужащие, члены их семей и репатрианты. Не позднее весны 1945 г. для восстановления предприятий местной промышленности стали прибывать рабочие и специалисты из различных республик СССР [13, с.82; 18, с.14-15; 21, с.13]. Общая численность со-

¹ Согласно данным Совета по делам религиозных культов при СМ СССР (далее – СРК), после войны в Южно-Сахалинской области (образована 2.01.1947 г.) насчитывалось 80 буддийских, 156 синтоистских, 5 католических, 7 православных храмов и 9 молитвенных зданий императорского культа [27, оп.3, д.34, л.114]. Указанные здесь православные храмы располагались в северной половине острова. На юге, судя по исследованиям сахалинских историков, оставались только японские памятники культовой архитектуры [17; 19; 22].

ветского гражданского населения к 1 ноября 1945 г. достигла 7 тысяч, а ко времени учреждения Кёнигсбергской области в составе РСФСР (7 апреля 1946 г.) выросла до 54 тысяч человек [11, с.40; 20, с.80; 21, с.13].

Со второй половины 1946 г. заселение региона приобретает сравнительно упорядоченный характер. Этому способствовали постановления СМ СССР «О мероприятиях по хозяйственному устройству Кёнигсбергской области» от 21 июня 1946 г. и «О первоочередных мероприятиях по заселению районов и развитию сельского хозяйства Калининградской области» 9 июля 1946 г. Отныне и почти на десятилетний период ведущими источниками формирования населения области стали два ведомства. Во-первых, это Главное переселенческое управление при СМ СССР с подчинёнными ему Переселенческим управлением при СМ РСФСР, Переселенческим отделом при Облисполкоме и Переселенческими отделами при райкомах. Они проводили набор в сельскую местность. Во-вторых, предприятия различных отраслей промышленности и транспорта комплектовались по линии Министерства трудовых ресурсов. Кроме того, право самостоятельной вербовки получили некоторые другие государственные структуры.

Согласно только плановым заданиям в сельской местности до конца 1946 г. было принято около 59 тыс. человек [26, оп.5, д.232, л.31-32]. К ним прибавилось значительное количество колхозников, приехавших в область, как тогда выражались, «самотёком», и общая численность сельского населения области к 1 января 1947 г. выросла до 132,2 тыс. человек². В источниках не обнаружены обобщённые данные о численности советских людей, прибывших во второй половине 1946 г. в города края. Возможно, цифра меньше, нежели по селу, но, судя по тому, что к 1 мая 1947 г. горожан было 203,4 тыс. человек, речь идёт о десятках тысяч граждан Советского Союза [24, оп.1, д.38, л.39]³.

Дальнейшее заселение Калининградской области регламентировалось серией постановлений правительства конца 1940 – начала 1950 гг.⁴ (см. прил., табл. 1).

² Данные взяты из документов Уполномоченного Госплана при СМ СССР [24, оп.1, д.15, л.1]. В источнике не оговорено, учтены ли в названной цифре немцы. Поэтому пока невозможно точно указать количество советских граждан, переселившихся в сельскую местность области во второй половине 1946 г.

³ Какую-то, не определяемую по источникам, долю горожан на тот момент составляли немцы. Следовательно, количество советских граждан, поселившихся во второй половине 1946 г. в городах области, тоже не поддаётся точному учёту.

⁴ Исключительно по Калининградской области вышли Постановления Совета Министров СССР №1099 от 21 апреля 1947, №2604 от 21 июля 1947 г., №3545 от 20 сентября 1948 г., №3626 от 21 августа 1950 г., №2104 от 20 июня 1951 г. На 1953 г. заселение области регулировалась общим по стране Постановлением СМ СССР «О государственном плане развития народного хозяйства СССР» от 18 декабря 1952 г. В последующие годы, по информации автора статьи, правительство не принимало нормативных актов, специально посвящённых вопросам заселения самого западного края советской России. Можно прийти к выводу, что московское руководство полагало данную проблему принципиально решённой.

Из соотношения последних двух показателей таблицы (механическое и естественное движение населения) видно, что с середины 1950-х гг. миграции становятся второстепенным фактором демографического развития области. Главную роль, как и в других регионах, начинает играть естественная динамика населения, поэтому численность его теперь растёт в основном за счёт превышения рождаемости над смертностью⁵. Кстати, остальные демографические показатели Калининградской области и в целом по стране начинают приходить в естественную, эволюционную норму именно с середины 1950-х гг. [5, с.53]. К этому времени сложился демографический строй области и оформились его системные элементы: половозрастная, социально-профессиональная, религиозная, национальная, образовательная и прочие структуры.

Характеристика религиозной структуры населения любого административно-территориального субъекта СССР и особенно Калининградской – задача, сопряжённая с большими трудностями источникового и методологического свойства. В демографической статистике советского времени, подвергавшейся регулярно разного рода подтасовкам и прямым фальсификациям, религиозное направление, возможно, было слабым разделом. Единственной попыткой масштабного статистического обследования религиозной структуры общества в Советском Союзе стала «забракованная» Всесоюзная перепись населения 1937 г. Она выявила всего 42,93% атеистов (на самом деле таковых насчитывалось гораздо меньше)⁶ и не исключено, что именно данный показатель оказался ключевым мотивом признания переписи диверсией «врагов народа» [1, с.143]. Во второй половине 1940 – начале 1950 гг., т.е. во время становления Калининградской области, чиновникам Совета по делам Русской Православной Церкви (далее – СРПЦ) и СРК при Совмине СССР напрямую запрещалось вести количественный учет верующих. Только с 1960-х гг. силами сотрудников Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС стало проводиться изучение уровня религиозности и вероисповедальной принадлежности некоторых социорегиональных групп. Калининградский регион остался вне поля деятельности ученых-атеистов, поэтому для характеристики религиозной структуры его населения послевоенного времени нельзя использовать

⁵ К подобному же выводу пришла Э.М. Колганова, не имевшая возможности работать с закрытыми фондами статистических ведомств [10, с.53-54].

⁶ Чиновники Госплана СССР отмечали, что по всей стране шла стихийная агитация как за откровенное признание гражданами собственного отношения к религии (в надежде на изменение атеистического курса политики), так и против самого участия верующих в переписи (из-за ожидания усиления антирелигиозной борьбы). В том и другом случае количество неверующих в итогах переписи уместно признать завышенным. Атеисту не было совершенно никакого смысла записываться в ряды приверженцев традиционных культов, а у некоторых верующих существовали серьёзные опасения за последствия своих откровений [3, с.16, 106-107, 220-222].

даже весьма спорный метод интерполяции позднейших оценок на предшествующий период⁷.

Способ решения проблемы, однако, существует. Демографическая система области складывалась за счёт миграционных потоков с территорий, имевших устоявшиеся религиозные традиции, обладавших в 1940-х – начале 1950-х гг. рядом косвенных признаков (количество открытых храмов, монастырей, ходатайств о регистрации церковных общин и пр.), суммарно свидетельствующих об отношении местного населения к вере и о приверженности его различным культам. Если переселенцы являлись *типичными*, с точки зрения среднестатистических показателей, представителями своей малой родины, то религиозная структура Калининградской области складывалась из доступных описанию региональных компонентов. Методика решения проблемы, таким образом, сводится к определению основных территориальных источников миграции в Калининградский край, к рассмотрению вопроса о типичности переселенцев для демографического облика мест выхода и, наконец, к характеристике конфессионально-церковного состояния и уровня религиозности этих регионов⁸.

Рассмотрим крупнейшие региональные источники миграции. Наибольшие трудности вызвала попытка выяснить, откуда приезжали советские граждане в 1945 – первой половине 1946 г. Сводных отчётов Переселенческого отдела и Статуправления области по этому периоду нет, а первичные материалы не поддаются обработке ввиду утраты многих документов и прочих причин. Настоящий пробел сглаживается одним обстоятельством – большая доля жителей области той поры относилась к категории временно командированных. По второй половине 1946–1947 гг. в архивных фондах есть точное указание на район выхода переселенцев, правда, только тех, что прибывали в сельскую местность⁹. Всего тогда было принято 20509 семей численностью 97132 человека. Согласно удельному весу в общем количестве переселенцев регионы выхода распределились следующим образом: Курская область – 1419 семей (6576 человек), Воронежская – 1354 (6125), Орловская – 1138 (5689), Пензенская – 1123 (5368), Брянская – 1066 (5323), Рязанская – 1050 (5053), Московская – 918 (4744), Тамбовская – 903 (4074), Калужская – 885 (3973), Горьковская – 822 (4049), Кировская – 707 (3301), Владимирская – 692 (3408), Костромская – 559 (2739), Гомельская – 553 (2667), Витебская – 547 (2607), Ярославская – 547 (2620), Новгородская –

⁷ В архивном наследии Института научного атеизма нет сколько-нибудь значимых материалов по Калининградской области [29, оп.1, д.4]. Это объясняется тем, что в Калининграде не было опорного пункта института.

⁸ В новейшей историографии встречаются и более простые методы определения религиозной структуры населения СССР. Например, в фундаментальном труде сотрудников Института географии РАН предпринята попытка характеристики религиозного состава населения Европейской России на 1989 г. по традиционной (с дореволюционных времен) вероисповедальной принадлежности этнорегиональных групп [5, с.452].

⁹ Переселенцев второй половины 1946–1947 гг., принятых в сельской местности, было, видимо, гораздо более 50% от всего числа. Такое предположение базируется на данных отозванного из Москвы отчёта за 1947 г. [24, оп.1, д.74, л.2–5].

546 (2649), Калининская – 541 (2596), Могилёвская – 537 (2712), Минская – 520 (2424), Бобруйская – 441 (1992), Ульяновская – 432 (2036), Полесская – 411 (1844), Великолукская – 405 (2092), Чувашская АССР – 395 (1717), Псковская область – 337 (1730), Мордовская АССР – 319 (1705), Куйбышевская область – 229 (1073), Марийская АССР – 195 (840), Ростовская область – 78 (308), Полоцкая – 50 (259), Сталинградская – 30 (107), Татарская АССР – 27 (103), Ивановская – 25 (107), Вологодская – 4 (9). Кроме того, в сельхозучреждения приняты 704 семьи (2513 человек), по которым не указывается место выхода. В их числе могли оказаться представители любого региона Советского Союза, а также репатрианты или демобилизованные военнослужащие¹⁰.

Период заселения области в 1948-1953 гг. лучше всего освещён источниками и позволяет сложить сравнительно полную картину распределения переселенцев по местам выхода¹¹. Выборочные данные по этому вопросу изложены в таблице 2 (см. прил.).

Далеко не все переселенцы, завербовавшиеся в Калининградскую область, остались там на постоянное место жительства. Довольно высоким был процент *обратничества*¹². В течение второй половины 1946-1947 гг. за пределы области и в неизвестном направлении выбыло 650 семей из 20509 прибывших в сельскую местность (3,2%). В 1948-1953 гг. выбыло 260174 человек из 510063 прибывших в область (51%) [26, оп.5, д.132, л.31-34; 25, оп.3, д.4, л.5-10; 25, оп.5, д.2, л.3-13; 25, оп.5, д.7, л.6-13; 25, оп.7, д.3, л.85-92; 25, оп.9, д.4, л.5-10; 25, оп.12, д.82, л.5-10]. Пока не будем останавливаться на причинах массового возврата переселенцев в места исхода. Отметим только, что это было общенациональное явление. На том же Сахалине из 135 тыс. человек, прибывших туда в 1950 г., вернулось назад 74 тыс., а среди 130,7 тыс. переселенцев 1953 г. обратников оказалось 115,3 тыс. человек [4, с.31]. Главное сейчас выяснить, не могло ли обратничество существенно перекроить карту регионов выхода переселенцев в Калининградскую область.

К сожалению, по имеющимся источникам точно не прослеживается, выходцы из каких регионов хуже всего приживались на берегах россий-

¹⁰ Подсчёты выполнены автором по документам Переселенческого отдела облисполкома Калининградской области за 1947 г. [26, оп.5, д.132, л.31-34].

¹¹ Разработку механического движения населения чиновники областного Статуправления вели по отрывным талонам адресных листков (основная методика – сплошное обследование текущих материалов, только изредка применялась выборка). Заполнение их прибывавшими и выбывавшими переселенцами было обязательным и находилось под контролем органов милиции. Правда, даже в пограничной и полностью паспортизированной Калининградской области многие умудрялись поселяться и уезжать, не оформляя положенные документы. Поэтому в расчётах передвижения населения статисты использовали поправочные коэффициенты – в разные годы от 0,5 до 5%. С 1954 г. в сводной отчетности Статуправления уже не регистрируется место выхода переселенца, поэтому нельзя определить, какие регионы пополняли область с середины 1950 гг. Впрочем, массовое заселение Калининградской области к тому времени закончилось.

¹² Слово взято из резолюции республиканского совещания начальников переселенческих отделов при облисполкомах, принятой 25 июля 1947 г. [4, с. 30].

ской Прибалтики. В документации Облстатуправления велся учёт выехавших согласно регионам, куда они выезжали [25, оп.3, д.4, л.5-10; 25, оп.5, д.2, л.3-13; 25, оп.5, д.7, л.6-13; 25, оп.7, д.3, л.85-92; 25, оп.9, д.4, л.5-10; 25, оп.12, д.282, л.5-10]. Сведения по обратничеству за 1948-1953 гг. приводятся в таблице 3 (приложение). Сопоставление данных второй и третьей таблиц приводит к выводу, что обратничество не имело ярко выраженной региональной окраски. Республики и области, активнее других пополнявшие калининградскую землю своими жителями, сильнее остальных притягивали их назад. Думается, за исключением непоказательных Москвы, Ленинграда и редких других примеров¹³, по преимуществу люди возвращались именно домой, т.е. оказались обратниками в прямом смысле слова¹⁴. Следовательно, обратничество принципиально не меняло вышеизложенный перечень крупнейших регионов миграции.

Рассмотрим теперь вопрос о типичности, т.е. о соответствии социального портрета переселенцев в Калининградскую область общему демографическому состоянию регионов их выхода. Заселение самого западного российского края складывалось из двух потоков: организованного (плановый набор) и стихийного [14, с.69]. Оба носили добровольный характер¹⁵. Исключения – распределение выпускников учебных заведений, перевод по службе номенклатурных работников, военных и т.п. Ведущей причиной переселения, безусловно, были голод и разруха в прежнем месте жительства¹⁶. Вербовщики обещали уютное жильё и продуктивное, особенно рыбное, изобилие, хорошо оплачиваемую работу и весьма ощутимые льготы¹⁷. Желание обрести эти блага объединяло всех людей после-

¹³ Бурное социально-экономическое развитие и особый «столичный» статус Москвы и Ленинграда обусловили то, что их население в послевоенный период формировалось главным образом вследствие высокого притока мигрантов [15, с.44]. Часть их вышла из Калининградской области, и вряд ли даже половина этих переселенцев были коренными москвичами и ленинградцами. Есть основания отнести данные наблюдения и к крупнейшим городам Украины – Киеву и Харькову. Кроме того, в категорию обратников, возвращавшихся в места выхода, не могли входить граждане, уезжавшие в «переселенческие» регионы – Сахалинскую, Крымскую, Грозненскую и некоторые другие области. Таких «профессиональных» переселенцев, движимых то ли охотой к перемене мест, то ли причитавшимися им льготами и привилегиями, насчитывалось немного. Например, в Крымскую область за 1948-1953 гг. выехало 2002 человек (0,77% от всех обратников), в Сахалинскую область – 675 (0,26%), в Грозненскую – 802 (0,3%) [25, оп.3, д.4, л.5-10; 25, оп.5, д.2, л.3-13; 25, оп.5, д.7, л.6-13; 25, оп.7, д.3, л.85-92; 25, оп.9, д.4, л.5-10; 25, оп.12, д.282, л.5-10].

¹⁴ К такому же выводу пришёл Ю.В. Костяшов [14, с.68].

¹⁵ По инструкции Переселенческого управления при СМ РСФСР переселения производились «на строго добровольных началах» [26, оп.5, д.3, л.32-34].

¹⁶ О тяжелой ситуации с жильём и продовольственным снабжением в областях – основных донорах миграции в Калининградскую область см. [8, с.55,62].

¹⁷ Переселенцам в сельскую местность полагались приличные льготы. Прощение недоимок по обязательным поставкам государству, налогам и страховым платежам; бесплатный проезд, провоз скота и имущества до 2 тонн на семью; освобождения на 3 года от налогов хозяйств, где работают переселенцы; пособие 1000 рублей на главу переселенческой семьи и по 300 на его домочадцев; цен-

военного времени без существенных ограничений по национальности, полу, вере, профессии и образованию¹⁸. Большинство переселенцев не предполагало оставаться надолго в бывшей Восточной Пруссии, надеясь вернуться назад, пережив лихую годину [14, с.74-75]. Таким образом, условия и мотивация переселений в Калининградскую область определялась случайными факторами – личным темпераментом, родственными связями, знакомствами, имущественным положением и прочими качествами мигрантов. Пользуясь социологической терминологией, можно сказать, что случайность «выборки» переселенцев свидетельствует об их репрезентативности демографической структуре населения мест выхода. Единственный показатель, серьёзно отличавший «среднего» переселенца от среднестатистического жителя малой родины, – возраст. Самой мобильной частью общества, склонной к перемене места пребывания, традиционно являлась молодёжь.

Высказанные наблюдения во многом подтверждаются данными Всесоюзной переписи населения 1959 г. Национальная стратификация Калининградской области (крупнейшие этнические группы: русские – 77,6%; белорусы – 9,4%; украинцы – 5,9%; литовцы – 3,5%) повторяет иерархию республик выхода переселенцев 1946-1953 гг. [9, с.312]. Гораздо выше

трализованная продажа зерна, носильных вещей и хозяйственных принадлежностей; демобилизованным военным выплачивалось единовременное пособие (офицерам – 3000 рублей, рядовому и сержантскому составу – 2000 рублей) на обзаведение хозяйством [26, оп.5, д.3, л.32-34]. Ещё в более выгодном положении оказались переселенцы, вербовавшиеся на предприятия промышленности. «По сравнению с колхозником рабочий был кум королю и сват министру. Его тоже везли бесплатно, выдавали то же безвозмездное пособие, но плюс к этому с момента выезда к месту посадки в вагон по день прибытия к месту работы ему начисляли заработную плату!... Да ещё выдавали суточные: 20 рублей главе семьи и пятерку иждивенцу... Ему полагался дополнительный отпуск в количестве 12 дней за каждый год работы, бесплатный проезд в любую точку Советского Союза раз в три года... По окончании договорного срока рабочий с семьёй при желании отбывал в родные... места по билетам, оплаченным предприятием» [4, с.27-28].

¹⁸ Мотивация послевоенных миграций в Калининградскую область, судя по всему, мало чем отличалась от причин выезда в другие переселенческие районы, особенно на Сахалин. В этой связи процитируем фрагмент из книги Константина Гапоненко, бывшего одним из первых переселенцев в Южно-Сахалинскую область: «Ехали сюда по командировкам советских, партийных, комсомольских, профсоюзных органов, по направлениям министерств и ведомств, ехали демобилизованные солдаты и офицеры, выпускники вузов и техникумов, восторженные романтики и бесшабашные искатели приключений. Ехали измученные войной люди, колхозники и рабочие, уставшие от тяжёлого труда, постоянного недоедания, безденежья и наготы. Ударив шапкой оземь, уезжали строптивцы, не желавшие угождать негодному председателю колхоза или сволочному мастеру.

И как в иной таёжный угол

Издалека вели сюда –

Кого приказ, кого заслуга,

Кого нужда, кого беда.

Ехали мужья, бросившие постаревших жён и обретавшие новых; ехали жёны, бросившие спившихся мужей. Ехали рвачи, пьянчужки, авантюристы, перекати-поле мужского и женского пола, которым всё равно было, куда ехать» [4, с.28].

только процент русских. Вероятно, увеличение произошло за счёт лиц, региональное происхождение которых неизвестно, а также ввиду наличия солидного количества русских людей среди переселенцев из остальных республик. Например, в Литве царил атмосфера, способствовавшая оттоку русских. Так, в докладах Уполномоченного СРПЦ по Литовской ССР встречаются неоднократные упоминания о конфликтах русско-православного населения с литовско-польско-католическим. Отмечены даже факты убийств лесными братьями в 1947 г. нескольких десятков семей по этноконфессиональному признаку [27, оп.1, д.262, л.45,65,66; 27, оп.1, д.405, л.6-7].

Половая структура и уровень образования населения Калининградской области были очень близки к показателям основных районов выхода её жителей: Северно-Западного, Центрального, Волго-Вятского, Центрально-Черноземного и Поволжского. Пропорции мужчин и женщин отличались на 0,1-0,2% (Калининградская область – 44,8 и 55,2%; сопоставляемые районы – в среднем 44,6 и 55,4%) [9, с.62-69]. Доля малограмотных взрослых людей (начальное, незаконченное 7-летнее и неполное среднее образование) имела большее, но также несущественное расхождение – 43,5 и 42,2% [9, с.109-112].

Социально-профессиональная структура области и сопоставляемых регионов не рассматривалась, поскольку она заметно искажалась в ходе переселений. Многие из приезжавших колхозников тянулись в город – на предприятия промышленности и транспорта, в сферу обслуживания и культуры. Среди тех же, кто осваивал село, часто встречались «крестьяне», ранее «соприкасавшиеся с землёй только ногами» [26, оп.5, д.135, л.24; 26, оп.5, д.136, л.38; 4, с.30].

Главная особенность демографического строя калининградского края, кардинально выделявшая его на фоне основных региональных источников происхождения переселенцев, – соотношение возрастных когорт населения. В области на конец 1959 г. поколения, рождённые и воспитанные в советское – «материалистическое» – время, занимали 54,8% в общей массе. По указанным выше российским территориям этот показатель достигал всего 45,4% [9, с.62-69]. Несмотря на данную особенность, на вопрос о типичности переселенцев в Калининградскую область демографической системе мест выхода ответим всё же положительно. Следовательно, можно перейти к характеристике религиозных качеств населения этих регионов. Согласно дореволюционной религиозной структуре России, среди территорий, основных доноров миграции в область, существенно преобладали православные земли. По переписи 1897 г. доля православных верующих в этих губерниях составляла: Московская – 93,8%; Санкт-Петербургская – 82,1%; Смоленская – 97,1%; Нижегородская – 91,6%; Тамбовская – 98,6%; Курская – 98,7%; Воронежская – 99,1%; Рязанская – 98,5%; Орловская – 99,2%; Пензенская – 94,6%; Вятская – 92,1%; Владимирская – 97,3%; Тверская – 98,8%; Ярославская – 98,7% и т.д. Примерно та же картина по областям выхода Белоруссии и Украины. Меньше всего православных было в Прибалтийских губерниях: Виленская – 26,1%; Ковенская – 3%; Курляндская –

3,8%; Лифляндская – 14,3%. Тут доминировало католическое и протестантское население. Высоким был процент иудеев [6, с.235-237].

Религиозная структура России серьезно изменилась за годы советской власти. Массовыми стали атеизм и безверие. Статистическую иллюстрацию данным переменам в интересующих нас регионах пока невозможно привести. Отметим, однако, что соотношение традиционных религиозных групп вряд ли принципиально нарушилось.

Литва, Латвия, западные районы Украины (до 20% переселенцев в Калининградскую область по этой республике в 1946-1953 гг.) и Белоруссии (около 40% по этой республике) вошли в состав советского государства в годы Второй мировой войны. Они не испытали разрушительной политики воинствующего атеизма, хотя верующие отдельных конфессий (главным образом православные) подвергались там притеснениям. Перечисленные регионы, наряду с Молдавией (0,38% от всех переселенцев в Калининградскую область 1948-1953 гг.) и Эстонией (0,63%), обладали самым высоким уровнем религиозности среди национально-территориальных образований СССР послевоенного времени.

Восточные земли Украины и Белоруссии, а также чуть менее половины российских доноров миграции в Калининградскую область находились в зоне полной либо частичной немецкой оккупации. Местное население имело особо острые стимулы для пробуждения религиозного сознания, и подкреплялись они практическими мероприятиями фашистов по возрождению церковной жизни у «порабощённых евреями и коммунистами славян». Действия нацистов, объяснявшиеся сугубо пропагандистскими целями, объективно привели к заметному росту религиозности, который явно превосходил (по численности открытых храмов, их прихожан и др. показателям) аналогичное явление в советском тылу. В отчёте СРК правительству за 1950 г. читаем: «Если взять дислокацию религиозных культов в республиканском разрезе, то... видно, что свыше 4/5 действующих на территории СССР молитвенных зданий религиозных культов приходится на те районы, которые были временно оккупированы гитлеровцами, а также и на те районы Советского Союза, в которых сравнительно недавно была установлена советская власть» [27, оп.3, д.68, л.174]. В СРПЦ эти области подлежали специальному статистическому учёту в качестве нетипичных административно-территориальных субъектов страны [27, оп.2, дд.71,81,87,96,103].

Вероисповедальная принадлежность населения регионов, бывших крупнейшими источниками миграции в Калининградскую область, таким образом, довольно очевидна. Среди них, с точки зрения историко-религиозной традиции, существенно преобладали православные земли. Причём российские области выхода переселенцев занимали доминирующие позиции в республике по масштабам распространения православного движения после войны. Об этом свидетельствуют численность открытых молитвенных зданий и количество ходатайств в органы власти о регистрации религиозных общин по РСФСР (приложение, табл. 4)¹⁹.

¹⁹ Молитвенные здания (храмы, часовни, моленные дома), согласно законодательству, открывались при наличии специального помещения, а также регист-

Подытожим: состояние источниковой базы и использованная методика изучения проблемы позволяют высказать самые общие, оценочные суждения о становлении религиозной структуры Калининградской области. Российский регион Прибалтики пополняли жители преимущественно православных и, что очень важно, обладавших высокой степенью религиозности населения территорий. Долю атеистов и безрелигиозных людей среди переселенцев установить трудно. Думается, она соответствовала среднему по стране уровню (учитывается «повышающий» – территориальный фактор и понижающий – возрастной), который в конце 1940 – начале 1950-х гг. был менее высоким, нежели выявила перепись 1937 г. Кроме того, места выхода переселенцев дали Калининградской области небольшое количество католиков (Литва, Западная Белоруссия и Западная Украина), старообрядцев и сектантов – прежде всего, евангельских христиан-баптистов (Тамбовская, Воронежская и особенно Курская области, которые, по выражению служащих СРК, были «гнездом российского сектантства») [28, оп.125, д.506, л.32; 27, оп.1, д.325, л.6-8]. В религиозной структуре Калининградской области были представители лютеранства (Латвия, Эстония), ислама (Татарская и Башкирская АССР), иудаизма и марийской традиционной веры, но они не составляли заметной доли в общей массе среди населения области²⁰.

рации религиозной общины («двадцатки») в органах местной власти и соответствующем правительственном учреждении (СРК, СРПЦ). В 1946-1947 гг. оба Совета взяли на учёт (т.е. юридически признали) церкви, фактически действовавшие с довоенных или военных времен во вновь присоединённых землях и на оккупированных территориях. Большинство ходатайств в 1944-1948 гг. отклонялось, но подавались вторичные и последующие. Таким образом, количество открытых молитвенных зданий и ходатайств демонстрирует степень активности верующих определённой территории, а возможно, и уровень её религиозности. Справедливости ради, признаем, что административно-территориальные субъекты СССР не совсем корректно сопоставлять по указанным показателям. Численность населения республик, краёв и областей не была пропорциональной. Однако высчитывать процент церквей и ходатайств на душу населения тоже спорно. Слишком большую роль играли субъективные факторы, не зависевшие от демографического состояния республик и областей. Например, в некоторых, самых различных по размерам, регионах предпринимались превентивные меры против движения церковного актива за легализацию своего положения. Следовательно, СРК и СРПЦ фиксировали далеко не все попытки верующих открыть церкви.

²⁰ Доля еврейского населения среди переселенцев не прослеживается, однако по Всесоюзной переписи 1959 г. оно занимало 5-е место в числе основных национальных групп Калининградской области (0,74% всего населения) [9, с.312].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

**Динамика заселения Калининградской области (1947-1956 гг.),
тыс. чел.²¹**

Год	Население на конец года		Прирост населения	
	Прибывшее	Убывшее	Механиче- ский	Естественный
1947	97,8	30,3	67,4	6,8
1948	136,5	34,3	102,1	12
1949	84,5	35	49,5	18,4
1950	78,4	44,9	33,5	16,7
1951	61	41,7	19,2	17,1
1952	69,3	55,5	13,8	19,2
1953	80,5	48,7	31,8	14,6
1954	73,7	55	17,7	16,8
1955	60,6	58,1	2,4	15,1
1956	61,6	53,9	7,7	14,9

²¹ Первым надёжным источником по демографической статистике Калининградской области служат данные Всесоюзной переписи населения 1959 г. Таблица составлена на основе материалов годовой и текущей отчётности Статистического управления и Уполномоченного Госплана Калининградской области, хранящихся в ГАКО: 1947 г. [24, оп.1, д. 73, л. 2 об., 34 об., 39-39 об.; д.74, л. 2-7; 25, оп. 17, д.21, л.2-4]; 1948 г. [25, оп. 3, д.4, л.5-10; 25, оп.17, д.21, л.2]; 1949 г. [25, оп.5, д.2, л.3-13; 25, оп.17, д.30, л.2]; 1950 г. [25, оп.5, д.7, л.6-13; оп.6, д.3, л.2]; 1951 г. [25, оп.7, д.3, л.85-92; оп.17, д.44, л.2]; 1952 г. [25, оп.9, д.4, л.5-10; оп.17, д.44, л.7]; 1953 г. [25, оп.12, д.282, л.5-10; д.281, л.2 об.]; 1954 г. [25, оп.12, д.379, л. 25,50,75,98,122,146,170,194,219,244,268,270-291; д.386, л.4 об.]; 1955 г. [25, оп.12, д.466, л.25,49,75,99,122,145; д.467, л.24,50,73,98,121,144; д.468, л.4-4 об.]; 1956 г. [25, оп.15, д.56, л.26,52,79,105,131,157; д.57, л.27,53,78,102,127; д.59, л.1]. Документация этих правительственных учреждений, несмотря на введение в пограничном калининградском крае сплошной паспортизации населения с 1947 г., страдает многочисленными погрешностями в расчёте цифр, порой – их противоречием друг другу. Например, при определении таких показателей, как общая численность населения и его механический прирост, учитывались переселения внутри области, что вело к существенному завышению реального количества жителей региона. Особо грубые ошибки содержал отчет Статуправления об итогах годовой разработки механического движения населения за 1947 г. Он вызвал резкую критику в Москве и решением обкома партии был отозван из ЦСУ Госплана СССР [24, оп.1, д.74, л.11; 13, с.84]. В таблице приведены цифры за вычетом внутриобластных переселений и депортации немецких граждан. Поскольку в отчётности Статуправления нет сведений о механическом движении населения в пределах Калининградской области за 1954-1956 гг., для расчётов использовалось среднее число по этому показателю за предшествующий период. В архивах не обнаружено информации о естественном приросте населения в 1952 г. Автор нашёл данные только по первой половине года (9,6 тыс. чел.) и удвоил их. Таким образом, указанные в таблице цифры являются оценочными, а за 1947 г. – даже условными, однако, по мнению её составителя, динамику заселения Калининградской области в целом отражают.

Таблица 2

**Количество переселенцев в Калининградскую область
согласно регионам выхода в 1948-1953 гг., чел.²²**

Регион, область	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1948-1953	
							чел.	%
Всего по СССР	136494	84527	78362	60951	69259	80470	510063	100
РСФСР	95937	51906	50079	38667	37806	2650	277045	54,3
БССР	12891	10054	7026	7954	8554	8056	54535	10,69
УССР	13500	4864	5532	3264	4822	12547	44529	8,73
СССР - без указания региона	7140	6344	4640	2996	8352	4670	34142	6,69
Литовская ССР	1981	5999	6033	3859	4531	5421	27824	5,46
Смоленская	4542	4970	4536	2645	1941	2274	20611	4,04
Ленинград	2053	2721	2479	2149	2481	1735	13618	2,67
Латвийская ССР	1660	2064	1902	1809	3104	2714	13253	2,6
Московская	4179	2019	1965	1462	1042	2506	13173	2,58
Горьковская	4451	1839	1547	1322	1565	1351	12129	2,38
Тамбовская	3331	2877	2391	1057	1286	869	11811	2,32
г. Москва	3245	2687	1112	1443	1393	1368	11248	2,21
Курская	3060	2306	1949	1071	769	782	9937	1,95
Брянская	3331	959	1611	1144	1129	1554	9728	1,91
Воронежская	3573	1240	1277	1223	1164	742	9219	1,81
Рязанская	3194	1456	1396	949	952	952	8899	1,74
Орловская	2659	1758	1721	1445	655	627	8865	1,74
Пензенская	2693	1684	1935	1414	453	614	8793	1,72
Кировская	2498	1935	1571	965	862	502	8333	1,63
Владимирская	3432	544	996	935	1215	676	7798	1,53
Калининская	3076	894	800	988	1110	827	7695	1,51
Великолукская	1808	827	759	1095	1231	787	6507	1,28
Ярославская	1745	1176	1046	755	670	831	6487	1,27
Краснодарский край	1537	1251	1101	738	916	743	6286	1,23
Саратовская	1176	903	924	1209	1070	940	6222	1,22
РСФСР без указания субъекта	823	1574	2423	364	709	39	5932	1,16
Витебская	1598	826	723	744	1005	979	5877	1,15

²² Подсчёты выполнены автором по материалам годовых отчётов Облстатуправления за 1948-1953 гг. [25, оп.3, д.4, л.5-10; 25, оп.5, д.2, л.3-13; 25, оп.5, д.7, л.6-13; 25, оп.7, д.3, л.85-92; 25, оп.9, д.4, л.5-10; 25, оп.12, д.282, л.5-10]. Не учитывается механическое движение населения внутри Калининградской области. Регионы ранжированы по удельному весу прибывших из них в общей массе переселенцев за 1948-1953 гг. В таблице указаны регионы (республики и их субъекты), доля выходцев из которых превышает 1% от всего числа прибывших.

Окончание табл. 2

Регион, область	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1948-1953	
							чел.	%
Калужская	2389	997	990	564	507	324	5771	1,13
Вологодская	904	1129	1082	874	856	755	5600	1,11
Гомельская	1465	1024	673	802	792	838	5594	1,11
Костромская	2172	431	965	721	623	600	5512	1,08
Ленинград- ская	1307	764	1089	841	542	829	5372	1,05
Могилёв- ская	966	1058	732	852	901	717	5226	1,02
Кемеров- ская	3778	140	242	357	446	247	5210	1,02

Таблица 3

Количество выбывших переселенцев из Калининградской области
в 1948-1953 гг. согласно регионам выезда, чел.²³

Регион, область	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1948 - 1953	
							чел.	%
Всего по СССР	34306	35061	44911	41733	55470	48693	260174	100
РСФСР	20597	18994	25097	25222	28497	26498	144905	55,7
СССР без указ. региона	6761	7199	7282	4376	10420	4150	40188	15,4
УССР	2639	2749	4304	3946	5110	6697	25445	9,8
БССР	1856	1455	2143	3563	5076	4256	18349	7
Литов- ская ССР	927	2026	2420	1596	2210	2540	11719	4,5
Москва	1710	1466	1526	2409	2062	954	10127	3,89
Латвий- ская ССР	632	1411	1713	1572	2280	1863	9471	3,6
Ленин- град	1029	1189	1267	2247	1802	1545	9079	3,49
Москов- ская	654	646	1678	1125	915	1427	6445	2,48
РСФСР без указ. субъекта	1023	1726	2416	327	739	77	6308	2,42
Смолен- ская	799	646	961	930	1130	1133	5799	2,23
Горь- ковская	888	684	798	911	1069	840	5200	2
Красно- дарский край	600	591	660	505	934	965	4255	1,64

²³ Подсчёты выполнены автором по материалам годовых отчётов Облстатуправления за 1948-1953 гг. [25, оп.3, д.4, л.5-10; 25, оп.5, д.2, л.3-13; 25, оп.5, д.7, л.6-13; 25, оп.7, д.3, л.85-92; 25, оп.9, д.4, л.5-10; 25, оп.12, д.282, л.5-10]. Не учитывается механическое движение населения внутри Калининградской области. Регионы ранжированы по удельному весу выбывших в общей массе обратников за 1948-1953 гг. В таблице указаны регионы (республики и их субъекты), доля выбывших в которые превышает 1% от всего числа обратников.

Окончание табл. 3

Регион, область	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1948-1953	
							чел.	%
Воро- нежская	700	527	539	633	788	614	3801	1,46
Кали- нинская	719	574	570	657	546	596	3662	1,4
Тамбов- ская	440	508	818	736	727	407	3636	1,4
Брян- ская	571	431	395	425	767	867	3456	1,33
Ростов- ская	430	408	527	590	606	815	3376	1,3
Моло- товская	429	431	526	433	373	992	3184	1,22
Саратов- ская	239	266	502	658	661	857	3183	1,22
Харьков- ская	241	468	710	540	517	692	3168	1,21
В том числе: Харьков	112	194	276	215	335	281	1413	0,54
Киев- ская	200	321	462	418	873	658	3032	1,17
В том числе: Киев	97	230	268	253	420	285	1553	0,6
Куйбы- шевская	516	311	423	509	621	615	2995	1,15
Курская	325	472	541	577	459	554	2928	1,13
Ленин- градская	3760	260	696	630	463	461	2886	1,1
Влади- мирская	461	267	412	483	732	510	2865	1,1
Велико- лукская	437	319	310	415	668	660	2809	1,07

Таблица 4
**Количество открытых православных молитвенных зданий
и ходатайств о регистрации православных общин (РСФСР, 1944-1948 гг.)²⁴**

Область	Общее количество открытых молитвенных зданий на 1.09.1948 г.	Количество молитвенных зданий открытых СРПЦ на 1.09.1948 г.	Количество первичных ходатайств о регистрации общин за 1944 - 1948 гг.	Общее количество ходатайств о регистрации общин за 1944 - 1948 гг.	Суммарное количество открытых молитвенных зданий и первичных ходатайств
Всего	3259	1171	5813	22873	9072
<i>Московская</i>	214	52	384	2020	598
<i>Рязанская</i>	86	68	407	2906	493
<i>Курская</i>	323	32	134	376	457
<i>Воронежская</i>	138	55	262	133	400
<i>Горьковская</i>	47	37	284	1277	331
<i>Краснодарский край</i>	238	16	92	271	330
<i>Калининская</i>	98	40	221	1682	319
<i>Ростовская</i>	243	17	63	141	306
<i>Ярославская</i>	149	11	153	613	302
<i>Тамбовская</i>	50	46	208	644	258
<i>Кировская</i>	85	70	171	1289	256
<i>Костромская</i>	99	32	136	510	235
<i>Владимирская</i>	75	41	137	506	212
Ставропольский край	137	0	55	55	192
Ивановская	57	40	133	1080	190
<i>Мордовская АССР</i>	31	27	159	648	190
<i>Пензенская</i>	33	31	156	421	189

²⁴ Таблица составлена по статистической отчетности СРПЦ [27, оп.2, д.71, л.7-14,26-29]; в неё вошли регионы, доля которых в суммарном показателе количества открытых храмов и первичных ходатайств о регистрации религиозных общин (одно такое ходатайство эквивалентно обычно потребности верующих в одном храме) превышает 2% от общего числа по РСФСР. Курсивом выделены регионы, являвшиеся основными местами выхода переселенцев в Калининградскую область в 1946-1953 гг.

Период 1944-1948 гг. избран не случайно. Он характеризуется самой либеральной политикой государства в отношении Русской Православной Церкви в течение 1920-1970 гг. За это время было открыто наибольшее количество храмов и поступило более всего ходатайств о регистрации религиозных общин. Динамика этих показателей выглядит так: действующие православные церкви в СССР: на 1.01.1949 г. – 14445 (высшая цифра за годы советской власти с начала гонений на Церковь до перестроечных времён), на 1.01.1950 – 14323, на 1.01.1951 – 13913, на 1.01.1952 – 13786, на 1.01.1953 – 13555, на 1.01.1954 – 13467 [27, оп.2, д.71, л.7-14; д.81, л.1-7; д.87, л.1-6; д.96, л.1-5; д.103, л.1-5]. Ходатайства православных верующих о регистрации религиозного общества: 1944 – 6702, 1945 – 6025, 1946 – 5105, 1947 – 3087, 1948 – 2526, 1950 – 2297, 1951 – 729, 1952 – 818 [27, оп.2, д.71, л.7-10; д.81, л.14-19; д.87, л.13-18; д.96, л.6-16]. При этом уже с середины 1948 г. отклонения ходатайств на местах стали достигать 82-97%. Основная масса ходатайств приходилась на РСФСР, особенно Рязанскую, Московскую, Калининскую, Кировскую, Воронежскую и Горьковскую области (находились в числе крупнейших источников миграции в Калининградскую область) [27, оп.1, д.290, л.147]. Похожая ситуация сложилась и по остальным культурам: в 1949-1950 гг. из 461 ходатайства в СРК ни одно не было удовлетворено [27, оп.3, д.68, л.171].

Список литературы

1. *Алексеев В.А.* «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М., 1992.
2. *Бугай Н.Ф.* Л.Берия – И.Сталину: Согласно Вашему указанию. М., 1995.
3. *Всесоюзная перепись населения 1937 г.* Краткие итоги. М., 1991.
4. *Гапоненко К.* Вслед за ушедшим днём: Очерки о сахалинских переселенцах 1946 – 1952 годов. Южно-Сахалинск, 1998.
5. *Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Моногр. сб. М., 2001.*
6. *Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние).* М., 1996.
7. *Дубова Н.А., Лопуленко Н.А., Мартынова М.Ю.* Калининградская область: современные этнокультурные процессы. М., 1998.
8. *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953 гг. М., 1999.
9. *Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.* РСФСР. М., 1963.
10. *Колганова Э.М.* Образование и развитие Калининградской области – интернациональный подвиг советского народа // Ленинская национальная политика в действии. Калининград, 1974.
11. *Колганова Э.М.* Партийное руководство образованием местных Советов в Калининградской области // Становление и развитие Калининградской области. Калининград, 1978.
12. *Костяшов Ю.В.* Выселение немцев из Калининградской области в послевоенные годы // Вопросы истории. 1994. №6.
13. *Костяшов Ю.В.* Заселение Калининградской области после Второй мировой войны // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. М., 1996. Т.2.
14. *Костяшов Ю.В.* О национальной структуре, этнографическом облике и социокультурной адаптации советских переселенцев в Калининградской области (1945-1950 гг.) // Национальные отношения в Новое и Новейшее время: теория и политическая практика. Калининград, 2000.
15. *Население СССР за 70 лет.* М., 1988.
16. *Полян П.* Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М., 1996.
17. *Потапова Н.В.* Христианство на Сахалине 1945-1991 гг.: Краткий исторический очерк // Христианство на Дальнем Востоке. Владивосток, 2000.
18. *Прошина Т.А.* Проблемы заселения Калининградской области в документах Центра хранения и изучения документов новейшей истории // Калининградские архивы: Материалы и исследования. Калининград, 1998. Вып.1.
19. *Савельева Е.И.* Вероисповедание и власть на Южном Сахалине после окончания Второй мировой войны // Духовная жизнь Дальнего Востока: Материалы региональной научно-практической конференции. Хабаровск, 2000.
20. *Справка Уполномоченного НКВД СССР по Восточной Пруссии генерал-майора Б.П.Трофимова об административном делении и экономике Восточной Пруссии от декабря 1945 г.* // Калининградские архивы. Калининград, 1998. Вып.1.
21. *Фарутин И.А.* Образование и становление области // Становление и развитие Калининградской области. Калининград, 1978.
22. *Федорчук С.П.* Римско-Католическая Церковь на Сахалине. Южно-Сахалинск, 1998.
23. *Шевяков А.А.* Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупационных зонах государств антигитлеровской коалиции // Население России в 1920-1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994.
24. *Государственный архив Калининградской области (далее – ГАКО).* Ф.180.
25. ГАКО. Ф. 181.
26. ГАКО. Ф.183.
27. *Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).* Ф.6991.
28. *Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ).* Ф.17.
29. РГАСПИ. Ф. 606.

РАЗДЕЛ 2

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН СЕГОДНЯ

А. Брыц (Варшава, Польша)

ЗНАЧЕНИЕ КАЛИНИНГРАДА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ¹

Калининградская область – необычная территория в РФ как с точки зрения её истории, так и геополитического положения. Особое значение имеет Калининградская область и во внешней политике России, прежде всего в контексте расширения НАТО и ЕС, и в процессе конструирования системы безопасности и стабильности в регионе.

Область появилась на карте после Второй мировой войны. На Потсдамской конференции Германия утратила территорию Восточной Пруссии в пользу СССР и Польши. Международный правовой статус области был подтвержден Заключительным актом ОБСЕ в договоре об объединении Германии, а также российско-германским договором о дружбе и сотрудничестве от 1992 г. [13, с.2].

После «переходного» периода, в течение которого Кёнигсберг был закрытым военным районом, 7 апреля 1946 г. он вошёл в состав РСФСР как Кёнигсбергская область, а 4 июля 1946 г. область была переименована в Калининградскую – в честь умершего М.И. Калинина, Председателя Президиума ВС СССР и одного из ближайших соратников Сталина [13, прил. 2].

Седьмого апреля 1948 г. произошли очередные перемены: Клайпедский край (территория, расположенная к северу от реки Клайпеда вместе с портовым городом, который с 1919 г. находился под международным управлением, в 1923-1924 гг. был присоединён к Литве, в 1939 г. возвращен Германии) снова был подчинён Литве, но теперь как Советской Республике. Решение об изменении границ имело исключительно *внутрисоюзный* характер и не повлекло за собой никаких последствий международного характера. В результате Калининградская область стала эксклавом РСФСР.

Во время холодной войны регион считался важным форпостом в конфронтации с НАТО. Область была одной из самых милитаризованных территорий в Европе. Она была недоступна для посещения иностранцами, ограничивалась свобода передвижения граждан СССР. Лишь 11 октября 1990 г. ВС СССР специальным указом ликвидировал статус области как закрытой территории [1, с. 90].

¹ Перевод с польского И.И. Жуковского.

На территории Калининградской области находилась главная база БФ, а также размещалась 11-я гвардейская армия.

После завершения холодной войны и распада СССР изменилась геостратегическая ситуация, новообразованные государства – Белоруссия и Литва – отделили регион от «Большой России».

Калининградская область – самая западная территория России, обеспечивающая доступ к акватории Балтийского моря и, тем самым, возможность прямого влияния на соседние государства. Положение эксклава и существующий военный потенциал позволяет Москве оказывать влияние на развитие ситуации в целом регионе и – на европейскую политику. Благодаря участию в со-формировании ситуации вокруг Калининграда Россия является важным игроком в этой части Европы.

В начале 1990-х гг. атмосферу вокруг области во многом определяли многочисленные дискуссии на тему границ и её принадлежности. В этих дискуссиях уделялось внимание не столько вопросам полномочий, прав и обязанностей субъекта в составе РФ, вытекающих из Конституции РФ и закреплённых в Федеративном Договоре и в Уставе Калининградской области, сколько последствия перемен в международном положении.

Хотя было выдвинуто много пожеланий касательно будущего эксклава, однако ни одно потенциально заинтересованное государство не отважилось на официальные претензии к РФ. Дискуссии на тему принадлежности эксклава продолжались относительно недолго, но на протяжении этого периода они во многом формировали соответствующую атмосферу вокруг региона и провоцировали реакцию официальной Москвы. Такая обстановка не способствовала развитию взаимных контактов и строительству атмосферы доверия [7, с. 443-449].

В самой области были активны структуры БРП – Балтийской Республиканской Партии, пропагандировавшей идею преобразования области в четвертое независимое Балтийское государство².

Проблема Калининградской области провоцировала немало противоречий в некоторых кругах немецкого общества. Немецкие чиновники и официальные лица воздерживались от чёткого выражения своей позиции, однако и не вмешивались в деятельность в регионе немецких экономических субъектов. Заинтересованность германских властей выражается в проведении двусторонних встреч представителей областной администрации и чиновников немецких земель, а также в предоставлении благотворительной и гуманитарной помощи.

Актуальную роль в дискуссиях играла и Литва. В стремлении к территориальному расширению не раз обвинялась (и не только за границей) националистическая партия «Молодая Литва». Эта партия продвигает идею присоединения к «метрополии» так называемой «Малой Литвы»

² Один из проектов преобразования КО в четвёртое независимое Балтийское государство принадлежит Томасу Венцлову (Tomas Venclovy). Он предлагал для этого государства названия Пруссия или Боруссия – старое литовское название этой местности.

Этим термином литовцы называют территории, расположенные между Неманом и Преголей, вместе со всем восточным побережьем Куршского залива, в прошлом принадлежавшие Восточной Пруссии. Небольшая часть Малой Литвы – Клайпеда и Клайпедский край – относились к Литовской Республике в 1929-1939 гг. Как пишут литовские историки, в XVI-XVIII вв. литовцы, а точнее, *lietuvininkai* (литовцы из Малой Литвы) составляли в восточных районах нынешней Калининградской области до 80% населения. Эти сведения касаются предместий современных городов Советск, Черняховск, Полесск. Литовские эмигрантские общества несколько раз после Второй мировой войны (последний раз в 1991 г.) обращались к правительствам западных стран с предложением разрешить вопрос о статусе и судьбе региона наиболее выгодным для Литвы путём.

В ответ российская сторона время от времени обращала внимание на то, что Клайпедский край как часть Восточной Пруссии передан в 1945 г. СССР, и на сегодняшний день эта территория *де-юре* принадлежит РФ как правопреемнице СССР.

Известное напряжение в российско-литовских отношениях существует в связи с неустановленными в аспекте международного права границами [8, с. 437-448]. Российская Государственная Дума до сих пор не ратифицировала межгосударственный договор. Такая российская политика связана с вопросом возможного затруднения транзита через территорию Литвы, – и эти вопросы являются приоритетными в российско-литовских отношениях³.

Россия может использовать сложившееся положение вещей в целях влияния как на Балтийские государства, так и на Североатлантический союз в процессе дальнейшего расширения НАТО. Ведь одно из условий членства в Союзе – урегулированность территориальных вопросов, таким образом, процесс расширения на Балтийские страны может быть заторможен.

Калининградская область имеет серьёзное значение и в политике безопасности России и, в целом, в формировании системы безопасности и стабильности в Европе. Военным присутствием в Калининградском

³ Транзитная политика Литвы сильно противоречива. С одной стороны, это государство выступает за стабилизацию экономической ситуации в Калининградском регионе. С другой – российский транзит из и до Калининграда – источник прибыли для региональных транспортных предприятий, конкурирующих с литовскими. Поэтому литовская сторона установила невыгодные тарифы для товаров, направляемых в Калининград, но выгодные для Клайпеды (разница составляет до 80%). Чтобы преодолеть такую зависимость от Литвы в вопросах транзита, российская сторона выступила с идеей строительства дополнительной трассы, связавшей бы Калининград с Белоруссией через относительно небольшой отрезок территории Польши. Хотя Россия никогда не выдвигала никаких прав экстерриториальности, это предложение было встречено в Польше резким неприятием.

регионе Москва старается обеспечить свои интересы и геостратегическое положение в регионе.

Военно-стратегическая роль области все еще значительно превышает её экономическое значение. Специфика и самобытность эксклава стали еще заметней после распада СССР.

Вопрос безопасности в регионе Балтийского моря и место в этой системе Калининградской области воспринимается по-разному [10, с.5]: если российские политики и специалисты обращают внимание на вопросы транзита и – в более широком контексте – возможности развития области, то западные специалисты концентрируются на вопросе «излишней милитаризованности региона».

С 1994 г. выдвигались идеи демилитаризации этой территории. Но с началом в 1996 г. очередного сближения России и Белоруссии, российское военное присутствие снова приобрело особое значение перед лицом интеграции российско-белорусских военных структур [9].

Россия подчеркивает стратегическое значение этой территории для ВМФ. Другие советские военно-морские базы в регионе Балтийского моря находились на территории новых независимых государств. После вывода войск только Балтийск – единственная незамерзающая военно-морская база в регионе.

Одновременно Москва обращает внимание на то, что военное присутствие в регионе в несколько раз ниже, чем это позволено Договором об ограничении обычных вооружений в Европе, и не превышает того, что необходимо для обороны [13, с.11].

В соответствии с этим договором область принадлежит к так называемой «расширенной центральной зоне», в любой точке которой Россия могла и может размещать все предусмотренные Договором системы вооружений. В соответствии с новым, модифицированным Договором, российская сторона обязалась не превышать потолок числа военнослужащих и вооружений выше заявленного 15 декабря 1999 г. в рамках Венского протокола ОБСЕ [5, с.34].

Думается, что, вопреки общераспространенному мнению, военное присутствие РФ в регионе носит характер стабилизирующий [5, с.17]. Полная демилитаризация региона может спровоцировать далеко идущие последствия. Такое развитие ситуации могло бы привести к возрастанию напряжения на северо-восточном участке границы Польши, активизации политических сил, подрывающих установленные Потсдамской конференцией изменения, созданию благоприятной атмосферы для дискуссий о политических и территориальных изменениях. Такие факторы являлись бы дестабилизирующими не только для ситуации в самой Калининградской области, но и в целом в регионе Балтийского моря, создали бы обстановку недоверия между странами Балтии и ЦВЕ.

Оказалось также, что проблема дальнейшего расширения НАТО (предполагавшая область как источник опасности в регионе) оказала существенное влияние на прояснение некоторых спорных проблем [11, с.363-404]. Одним из условий членства в Североатлантическом союзе

является урегулированность всех территориальных проблем. Такая постановка вопроса быстро погасила все дискуссии на тему границ и судьбы Калининградской области. Это же и обусловило уменьшение количества предложений о демилитаризации региона и превращении его в некий международный протекторат. В настоящий момент присутствуют опасения по поводу военной насыщенности, но одновременно увеличивается число голосов, утверждающих, что ситуация в регионе в целом нормальна.

Отношения между Россией и Балтийскими странами нормализуются и сосредоточиваются на вопросах политического и экономического взаимодействия. Хотя всё ещё просматривается тенденция относиться к этому региону с точки зрения так называемой «жёсткой безопасности», всё более очевидной становится взаимовыгодность сотрудничества.

Дискуссии на тему безопасности все чаще затрагивают вопросы невоенного характера, а именно: организованной преступности, нелегальной эмиграции, контрабанды, проблем экологического характера. Отчётливо проявляющиеся тенденции в регионе Балтийского моря указывают на то, что он будет иметь характер всё более немилитаризированный, во всё большей степени будет обращаться внимание на региональное сотрудничество, политическое и экономическое взаимодействие [6, с.7].

Россия рассматривает область как наиболее подходящую для сотрудничества и экономических контактов с Западом [5, с.11] и старается создавать возможности для её развития. Несмотря на тенденции спада в экономике, криминализацию общества, коррупцию, возрастание социальной напряжённости, власти Калининграда стараются привлекать иностранный капитал и создавать благоприятные условия для западных инициатив. Само положение области предполагает развитие контактов с соседними странами. Принципиальное значение имеет положение эксклава как своеобразного моста между РФ, странами Балтии, странами ЦВЕ и Западной Европы [15, с. 80-117].

Ключевое значение для развития международных контактов области имеет Концепция внешней политики РФ, принятая в 2000 г. [1]. Среди региональных приоритетов, зафиксированных в документе, ключевое значение имеют статьи, касающиеся усиления связей России с Беларусией, развитие отношений с ЕС. Концепция подчёркивает необходимость адекватного обеспечения интересов России в процессе расширения ЕС. Документ обращает внимание на развитие отношений России со странами ЦВЕ, акцентирует необходимость преодоления стагнации во взаимных контактах, а также даёт импульс сотрудничеству с Балтийскими государствами. Концепция особо оговаривает перспективность развития контактов с Литвой, Латвией, Эстонией.

Таким образом, в соответствии с Концепцией и особым положением области, приоритетными целями должны считаться: развитие контактов с Литвой, Польшей – непосредственными соседями; отношения с ЕС в контексте грядущего расширения и отдельными странами ЕС, главным образом Данией, Швецией, Германией [2].

В отношениях с непосредственными соседями большое значение имеют взаимные консультации в рамках треугольника Россия – Польша – ЕС и Россия – Литва – ЕС по вопросам, связанным с будущим членством этих стран в ЕС и последствиями этого для области. К наиболее острым относится желание России сохранить режим безвизового проезда граждан России через территорию Литвы, а также вопрос гарантий транзита через литовскую территорию.

В отношении с Белоруссией возможен переход к конкретным действиям в соответствии с соглашением о сотрудничестве Калининградской области с Белоруссией, хотя Минск и не находится среди основных торговых партнёров области. Отношения с Северными странами будут развиваться в рамках программы Северное измерение (СИ). Власти региона, осознавая неизбежность и необходимость расширения международных связей области, сами начали уверенные действия по установлению контактов с Чехией, Испанией, Исландией, Латвией, Великобританией.

Область зависима от товарооборота с остальной частью России через территорию Литвы и от товарооборота с Польшей и Литвой. После принятия этих стран в ЕС в отношениях с областью будут применяться правила, предусмотренные Шенгенскими соглашениями о трансграничном передвижении, что сможет изменить положение региона на «невыгодное» и даже привести к изоляции КО.

Но обе стороны – Россия и ЕС – выразили принципиальную готовность рассмотрения путей решения этой проблемы. 8 марта 2001 г. на встрече в Стокгольме с представителями ЕС министр иностранных дел Игорь Иванов призвал учитывать интересы Калининградской области в свете грядущих перемен. Россия настаивает на обеспечении транзита нефти, газа, электроэнергии, предоставлении безвизового коридора и коридора для телекоммуникационных линий.

Однако ситуация такова, что с российской стороны долгое время не было единого подхода к решению статуса области. Сформировались две противоположные позиции: первую озвучил С.Шахрай, назвавший регион «европейским форпостом России». Вторую – председатель областной Думы В.Устюгов, для которого Калининград – вольная провинция, пилотный регион России, поддерживающий тесные отношения с ЕС [3, с.96].

Позиция Москвы в отношении эксклава до определённого момента была не ясна. Среди федеральных властей также существовали разные мнения по поводу предназначения региона. Но теперь чётко просматриваются позитивные тенденции. Было дано разрешение на включение территории области в работу еврорегионов «Балтика» и «Шауляй»; сложности только с участием в проекте еврорегиона «Неман». Сотрудничество в рамках еврорегионов может оказаться чрезвычайно важным для области и официальной Москвы.

В рамках переговоров на тему «Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве» было предложено развитие контактов с граничащими регио-

нами России и ЕС. Один из трансъевропейских коридоров, а точнее, его рукав должен связать Ригу, Калининград, Гданьск.

Для обеспечения интересов области Россия предложила подписать специальное соглашение с ЕС.

Помимо вышеописанных действий, Москва начала работу над выработкой комплексной стратегии для решения проблем региона со своей стороны. Такая программа была представлена губернатором В.Егоровым и министром торговли и экономического развития Г.Грефом 22 марта 2001 г.

Калининградская область является важным фактором внешней политики России в контексте защиты интересов страны в русле расширения НАТО и ЕС на восток. Проблемы этого региона используются Москвой для усиления сотрудничества, продолжения диалога и продвижения выгодных решений, которые могут быть приняты в процессе европейской интеграции. В этом контексте действия Кремля по сопряжённым с Калининградской областью вопросам подчинены общим целям российской внешней политики, что способствует большей интеграции России и стран Балтийского моря, развитию сотрудничества и взаимного доверия в регионе.

Список литературы

1. Концепция внешней политики РФ // Независимое военное обозрение. 2000. №25.
2. Хлопецкий А., Фёдоров Г. Калининградская область: регион сотрудничества. Калининград, 2000.
3. Baryla T. Niezamarzający port nad Bałtykiem // Polska w Europie. Warszawa, 2000. №34.
4. Cichocki B. Obwód Kaliningradzki w kontekście rozszerzenia Unii Europejskiej. Anakizy OSW, Lipiec 2001.
5. Drozd J. Królewiec jako szczególny problem Środkowej Europy // Polityka Wschodnia. Warszawa, 2000.
6. Fedorov G. Kaliningrad alternatives today // ZEI Discussion Paper. Bonn, Center for European Integration Studies, 2000.
7. Forsberg T. Explaining Territorial Disputes: From Power Politics to Normative Reasons // Journal of Peace Research. Vol.33. Nr. 4.
8. Forsberg T. Settled and Remaining Border around the Baltic Sea // The NEBI Yearbook. Bjare Lindstroem, Lars Hedegaard. The Yearbook of North European and Baltic Integration. Berlin: Springer Verlag International, 1998.
9. Godzimirski J. Soviet Arbitrariness and Baltic Security: The Case of Kaliningrad // Paper presented at the NUPI Conference «long-term Security Prospects for the Baltic Sea Area». Oslo, May 23-24, 1997.
10. Joenniemi P. Kaliningrad as a Discursive Battlefield // Working Papers. Copenhagen: CORPI, 1999.
11. Moettoelae Security Around the Baltic Rim: Concepts, Actors and Processes // The NEBI Yearbook. Bjare Lindstroem, Lars Hedegaard. The Yearbook of North European and Baltic Integration. Berlin: Springer Verlag International, 1998.

12. *Obwód Kaliningardzki, Przegląd Faktów, Opinii, Wydarzeń* // Bieuletyn Towarzystwa Naukowego i Ośrodka Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego w Olsztynie. 1996. Nr.4.
13. *Pedersen K.* Kaliningrad: Armed Force and Missions // Kaliningrad: The European Amber Region. Aldershot, 1998.
14. *Sergunin A.* Russia and the European Union: the Case of Kaliningrad // Memo Policy Series Program on New Approaches to Russian Security. Harvard University, 2000. Nr. 172. <http://www.fas.harvard.edu/~ponars/POLICY%20MEMOS/Sergounin172.html>
15. *Zverev Y.* The Kaliningrad Region Of Russia // Waller M., Coppieters B., Malashenko A. *Conflicting Loyalties and the State in Post-Soviet Russia and Eurasia*. Frank Cass London, 1998.

Дм. Олехнович (Даугавпилс, Латвия)

**РУСИФИКАЦИЯ. ЛИНГВО-ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ**

*Можно благоговеть перед людьми,
веровавшими в Россию,
но не перед предметом их верования.*
Василий Ключевский

В современном мире, захваченном информацией, слова представляют собой нечто большее, чем «набор знаков между двумя пробелами». Слово не только несёт информацию, но и способно возбуждать (гасить) эмоции; слово – не графически отображённые мысли, но и поток эмоциональной информации; однако, согласно установкам кибернетики, информация, которой наделено слово, изменяется одновременно с произносящим и воспринимающим его. Наиболее сильные изменения происходят в эмоционально-психическом отношении к слову.

Изменения последнего десятилетия в Латвии наделили особой эмоционально-психической нагрузкой множество слов, но, думается, слово «русификация» (*rusifikācija* – русификация – лат.) приобрело, наряду со словом «оккупация», наибольшее количество значений, ассоциируясь уже не только с определёнными мероприятиями, но и с эпохой вообще¹. Как этот термин² понимался в различные эпохи на территории Латвии? Какие качественные изменения произошли в понимании данного термина, и с чем они были связаны?

¹ Например [19], или же программное заявление «Klubs 415» [10].

² Думается, что слово *rusifikācija* является термином, так как – *termins* – (лат. *tremminus – robeža* (граница – лат.) – *vārds vai vardu savienojums, kas precīzi apzīmē noteiktu zinātnes ... mākslas jēdzienu* (слово или словосочетание, которое точно обозначает определённое понятие науки ... искусства – лат.) [23].

Для рассмотрения обозначенных выше вопросов воспользуемся словарями, как энциклопедическими, так толковыми и орфографическими, составленными в различные эпохи и в различных государствах³. Думается, что в исследовании развития общества изучение словарей не менее важно, так как словарь, как и *любой другой текст*, является носителем информации об эпохе его *составления*.

Условно данные источники можно разделить на несколько групп:

- составленные в Латвии в 1918-1940 и в 1990-2001 гг.;
- составленные в СССР и ЛатвССР;
- составленные в РФ (в 1991-1999 гг.), Великобритании.

Основа данной классификации – политическая система, в рамках которой трудились составители словарей. Эта стратификация кажется наиболее приемлемой главным образом потому, что словарь, каким бы он ни был, является, во-первых, товаром, в его подготовку вкладываются инвестиции; во-вторых, словарь – товар массовый, и государственные идеологи могут быть заинтересованы в нём как средстве воздействия на массы. С другой стороны, цель данной работы – рассмотреть термин, значение которого в настоящее время политически ангажировано. Можно классифицировать словари, используя другие принципы, например тематический или хронологический. Думается, что эти классификации не подходят для данного исследования, а лишь дополняют представленную выше классификацию, являясь основой для выделения подгрупп.

К первой обозначенной группе относятся работы [11; 13; 15; 18]. Заметим, что все названные словари изданы на латышском языке. Ни в одном другом словаре этот термин не представлен, несмотря на то, что в данном случае мы рассматривали энциклопедические словари [11; 15], орфографические словари [18], специальные словари [13].

Ко второй группе относятся словари [1; 4; 5; 6; 7; 8; 16; 17; 20; 23]. Из них словари, изданные в период «преступного коммунистического (большевистского) режима» [3] – их четыре [4; 5; 8; 23] – поясняют значение слова *rusifikācija* (*русификация*). Отметим, что только один, изданный на латышском языке, даёт трактовку данного значения, предлагая вариант – *pārkrievošana* (*русификация* – лат.). Этот словарь является переводом изданного на русском языке в Москве в 1964 г.⁴ Словари [6] и [8], поясняя данное слово, указывают, что процесс русификации «в Царской России – насильственное подавление местной национальной культуры, внедрение в национальные меньшинства <...> православия, русского языка с целью ассимиляции». Пример – *русификация* была характерным проявлением царской политики» или же «в Царской России –

³ Автором были рассмотрены словари, изданные в Латвии, Великобритании, Российской империи, СССР и Российской Федерации в период с 1889 по 1999 г.

⁴ *Šī vārdnīca ir Maskava 1964. gadā iznākušā sestā... izdevuma tulkojums* (Этот словарь является переводом шестого издания, выпущенного в 1964 г. в Москве – лат.) [23].

насильственное распространение русского языка и культуры среди национальных меньшинств с целью ассимиляции» [6].

К третьей группе относятся словари [2; 12; 24; 25].

1. Īdēju vārdnīca / Anne-Lucie Norton red. Rīga: Zvaigzne ABC, 1999.
2. The World Book Encyclopedia. Vol.16. Chicago, London, Sydney, Toronto, 1994.
3. Judy Pearsall, Ed. The Concise Oxford Dictionary. New York: Oxford University Press, 1999.
4. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: НОРИНТ, 1998.

Из них [2] и [24] имеют сноску на искомый термин, однако трактовки его отличаются, и если в [25] мы видим: «*Rusification* – make Russian in character» («сделать русским по характеру» – англ.), то в [24] в качестве примера предлагается – *насильственная русификация*. Как [12], так и [25], приводя данный термин, также указывают на *насилие*, однако в первом случае данное значение коннотативно, а во втором – денотативно.

Несмотря на то, что в представленную выше классификацию не включены словари, составленные в Российской империи, следует отметить, что во втором издании словаря В.Даля (1889) данный термин не упоминается, однако в третьем издании (1949) [6] он приводится.

Мы видим, что ни в одном из вышеперечисленных словарей, разработанных латышскими специалистами, термин *rusifikācija* не поясняется. Не приводятся ни правило его правописания, ни его толкование. При этом слово используется как в публицистической (в том числе пропагандистской) литературе, так и в трудах специалистов историков [21; 26]. Насколько правомерен данный термин в литературе? Думается, что употребление его не совсем обосновано, так как в справочной литературе, а, по мнению автора, словари являются справочной литературой, этого термина нет! Употребление данного термина в русском или английском языках является правомерным, правда, при этом необходимо учитывать эмоциональную нагрузку, которое данный термин несёт, и обозначать им только *насильственные акты*. Однако не будем уподобляться средневековым реалистам [9]. По моему мнению, употребление данного слова в работах на латышском языке правомерно. Определение относится к пропагандистским работам, где, как известно, «громкоговоритель усиливает голос, не аргументы» (Ханс Каспер). Для научных трудов более приемлем термин *pārkrievošana*. На современном этапе развития исторической науки, этапе поиска новых терминов и определений, думается, употребление термина *rusifikācija* является всё же не только оправданным, но и правомерным, тем более, что современные авторы, исследуя процессы русификации на территории Латвии, подчёркивают ее командный, заданный сверху, насильственный характер.

Термин применяется как составителями словарей [14], например А.Алтементом и А.Виеньшем, так и исследователями этнических процессов на территории Латвии [22; 27]. Подобно *русификация* и *russification* он несёт негативный оттенок.

Авторы статьи в Латышском толковом словаре применяют этот термин, представляя ситуацию в Латвии в XVIII и XIX вв. В первую очередь они связывают процесс русификации с укреплением российского присутствия и влияния на вновь приобретённых территориях, однако указывается и на стремление латышей в противостояние балтийско-немецкому влиянию в Латвии увеличить влияние русское. Отмечая методы проведения русификации (главным образом административные), авторы не комментируют связь политики русификации с усилением позиций православия. Для них политика русификации – это политика российских самодержцев (начиная с 1710 г.), которая на начальном этапе была встречена латышами положительно; с развитием национального самосознания и одновременным усилением политики русификации, особенно в сфере образования, настроение населения полярно изменилось.

В своей монографии, посвящённой истории Латвии XIX – начала XX вв., А.Швабе пишет, что политика русификации⁵ была не только политическим, но и религиозным актом. На начальном этапе православие являлось одной из возможностей противостояния балтийско-немецким помещикам. Однако автор отмечает, что в полной мере русификация проявилась как акт политический, движение против помещиков. Русификация – явление не только российское. Аналогичное движение наблюдается и в других империях, в частности в Пруссии, где так же, как и в Балтии, основным инструментом реализации политики ассимиляции становятся церковь, школа и административный аппарат.

Современный латышский историк А.Плаканс рассматривает процесс русификации⁶ как процесс преобразований в культуре, которые проявились значительно сильнее, чем в сфере административной. По мнению автора, говорить о русификации в данный период (на рубеже XIX–XX вв.) неправомерно, так как латышей как этнической группы в то время не было, а существовала лингвистическая и отчасти территориальная общность. Согласно автору, происходит не русификация, а денационализация.

Указанные выше работы создавались не только в разное время (30, 50, 90-е годы XX века), но также и под влиянием различных социально-политических условий. Если авторы статьи в Латышском толковом словаре при рассмотрении русификации указывали на её значение как процесса главным образом политического, что можно объяснить подсознательными параллелями с проходившей в Латвии латышизацией, то А.Швабе, заявляя о всеобщности процесса русификации, действует в согласии с другими учёными-эмигрантами, которые, по выражению А.Плаканса, крайне категоричны в оценках русского. Думается, что наиболее последовательно, честно и обоснованно процесс русификации показал А.Плаканс. Вопрос «а были ли латыши» – является для него центральным и определяет направление исследований.

⁵ Он также использует термин *pārkrievošana*.

⁶ В своей работе он употребляет термин *rusifikācija*.

К сожалению, условия современной Латвии не способствуют развитию исторической науки, сводя её к агиографии. Политическая ангажированность, нежелание принять то, что выходит за рамки предложенной концепции, а зачастую и просто фальсификация распространены в среде латышских⁷ учёных, что является следствием несложившегося национального самосознания и развитого комплекса жертвы. Научное же исследование проблемы русификации – один из путей понимания процессов, происходящих сегодня в политике и культуре, поиска основы межнационального диалога.

Список литературы

1. Большая Советская энциклопедия. М., 1975. Т.22.
2. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.
3. Политика оккупационных властей в Латвии. 1939-1991. Рига, 1999.
4. Словарь русского языка. М., 1983. Т.3.
5. Словарь современного русского литературного языка. Л., 1961. Т.12.
6. Советская историческая энциклопедия. М., 1969. Т.12.
7. Советский Энциклопедический словарь. М., 1983.
8. Толковый словарь русского языка. М., 1939. Т.3.
9. Философский словарь / Под ред. И.Т.Фролова. М., 1987.
10. Eirorealists: www.klubs415.lv
11. Enciklopēdiskā vārdnīca / A.Vilka red. 8.sēj. Rīga, 1991.
12. Īdēju vārdnīca / Anne-Lucie Norton red. Rīga, 1999.
13. Īsa etnisko terminu vārdnīca // Apine I., Dribins L. Mazākumtautību vēsture Latvijā. Rīga, 1998.
14. Latviešu konversācijas vārdnīca. 16.sēj. Rīga, 1937-1938.
15. Latviešu konversācijas vārdnīca. 19.sēj. Rīgā, 1939.
16. Latviešu Literatūras vārdnīca. 62.sēj. Rīga, 1987.
17. Latviešu valodas vārdnīca. Rīga, 1987.
18. Latviešu valodas vārdnīca. Rīga, 1998.
19. Latvietis Latvijā. 1999. Nr.3.
20. Padomju Latvijas enciklopēdija / G.red. P.Jērāns. 8.sēj. Rīga, 1986.
21. Plakans A. Rusifikācijas politika 1855-1914 // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. 1996. Nr.2; 1997. Nr.1.
22. Švabe A. Latvijas vēsture. 1800-1914. Stokholma, 1958.
23. Svešvārdu vārdnīca / S.Lokšina red. (tukl.Cepurniece S u.c.). Rīga, 1969.
24. The Concise Oxford Dictionary / ed. by Judy Pearsall. New York, 1999.
25. The World Book Encyclopedia. Vol.16. Chicago, London, Sydney, Toronto, 1994.
26. Zīle L. Latvijas rusifikācija (1940-1990) // Latvijas Vēsture. 1991. Nr.1.
27. Zvidriņš P., Vanovska I. Latvieši. Statistiski demogrāfisks portrets. Rīga, 1998.

⁷ Не только. Думается, что данный процесс характерен для всех «новых» государств.

В. Сиданмаки (Хельсинки, Финляндия)

**ИНИЦИАТИВА ЕС – СЕВЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ.
УКРЕПЛЕНИЕ ЕДИНСТВА СЕВЕРНОГО РЕГИОНА?¹**

Регионализация – одно из проявлений усиления интеграционного процесса в Европе. «Европа регионов» уже стала частью повседневной риторики в Европейском Союзе (далее – ЕС). Районы регионализации в современной Европе могут быть разделены на три отдельные, весьма специфические части [7, с. 27-33]. Первая, в соответствии с традиционной Северной кооперацией, – это новая Северная ось, или Северный регион. Вторая, в соответствии со старой осью ЕС в Западной Европе, – Западная ось с Германией как главным инициатором. Третья часть – Восточная, объединяющая новые демократии в Центральной и Восточной Европе. Первый из вышеупомянутых районов регионализации, рассматриваемый здесь, Северная ось, включает Северные страны, страны Балтии, частично Россию (Северо-Запад) и северную часть Германии.

В первой части статьи анализируется инициатива Северного измерения (СИ), которая охватывает различные формы кооперации в Северном регионе: внедряются новые формы кооперации, район значительно укрепляет свое единство. Вторая часть статьи рассматривает возможность возникновения новой региональной идентичности, которая способна изменить Северный регион.

Содержание инициативы Северное измерение

Официальная политика ЕС в Северном регионе получила выражение в форме инициативы СИ. Это часть единой внешней политики и политики безопасности ЕС. Говорить о СИ в контексте ЕС – значит утверждать политически ориентированный или даже манипулятивный тезис. ЕС – не только структура безопасности или порядка, это учреждение, которое воплощает, реализует общую волю, действует во имя достижения общезначимых целей. ЕС неразрывно связан с СИ своими политическими и стратегическими интересами. ЕС также проводит различные акции и совместные инициативы «под одной крышей».

Когда СИ было представлено в 1997 г., это не была презентация нового учреждения, но предложение «инициировать решительные инновационные действия» [1, с.8]. ЕС естественным образом приобрёл «северное измерение» со вступлением Швеции и Финляндии в 1995 г. – соответственно возникла необходимость политики в этом направлении. Содержание инициативы было разработано заранее, от общих принципов до более конкретных проявлений. СИ несёт отпечаток некоторых специфических северных ценностей, таких как экологическая сознательность, прозрачность в административном управлении, социальное обес-

¹ Перевод с англ. И.И. Жуковского.

печение [9, с.14]. Официальные цели инициативы: стремление к развитию стабильности, укреплению безопасности и созданию благоприятных условий для расширения ЕС и позитивной взаимозависимости между Россией, странами Балтийского региона и ЕС.

Цели и смысл инициативы

Европейская Комиссия отмечала, что в рамках существующих договорных отношений², финансовых механизмах и региональных организаций СИ – концепция, которая сможет стимулировать рост ВВП в регионе. Существующие сейчас условия устанавливают пределы возможного сотрудничества и взаимодействия. Однако Комиссия предполагает возникновение возможностей для интенсификации взаимодействия с международными финансовыми организациями в отношении инвестиций и совместной финансовой деятельности [9, с.19].

Восприятие Северными странами СИ более прагматично, чем это кажется на первый взгляд. В ситуации, когда появляются новые международные и региональные вызовы, может показаться довольно естественным объединить ограниченные ресурсы в тех сферах, где могут быть совместные интересы. Но это проблематично по трём причинам [4, с. 175]. Во-первых, ограничены совместные интересы Северных стран. Во-вторых, создаётся впечатление, что Северные страны значительно усиливают приоритетность кооперации с не-Северными странами в вопросах общих интересов. В-третьих, думается, существуют последствия политической и экономической конкуренции между Северными странами. Всё это свидетельствует о возросшей необходимости координировать многочисленные усилия в регионе.

Как реагирует на это Россия? Участие ЕС через СИ было встречено ею не без противоречий. Некоторые обозреватели видели в этом заговор с целью дальнейшего разрушения и дробления России или даже «распространение западного неоимпериализма» [2, с.26]. Вызывает беспокойство и восточное направление расширения ЕС. Основной вопрос – как ЕС сможет расширяться без создания в Европе разделяющих границ; СИ попытается ответить на него, определяя Россию как игрока, который имеет свои законные интересы и ищет мирного сосуществования с Западом.

С точки зрения своих задач СИ особенно выделяет Калининградскую область. Она имеет возможность «разбивать лёд» в отношениях между ЕС и Россией [5]. Россию призвали к выработке единой федеральной стратегии по отношению к Калининградской области, которая позволит региону шире взаимодействовать со своими непосредственными соседями и делать это активнее. Таким образом, Россия имеет хорошую возможность развивать сотрудничество в контексте Соглашения о партнёрстве во имя мира и сотрудничества.

² Существующие структуры состоят из совместных и двусторонних программ стран-членов ЕС, так же как и деятельность финансовых учреждений и региональных корпоративных игроков – СГБМ, Арктический Совет.

Единый регион?

Сегодня район Балтийского моря и север Европы находятся среди регионов, имеющих наибольшее число международных организаций сотрудничества [3, с.1]. Их деятельность распространяется на все сферы и уровни общества. Они реализуют политические, экономические, военные, общественные, технические и культурные аспекты взаимодействия. Однако взгляд на деятельность учреждений в рамках региона не дает полной картины происходящего. Является ли Север Европы единым, и если да, то какая сила стоит за процессом регионализации?

Одна из причин интеграции – экономическая. В последние годы особое внимание уделяется «новому северному» (в экономическом смысле) содержанию Балтийских стран, Польши, Северо-Запада России и Северной Германии. Северное участие в этом регионе иногда рассматривалось и как средство стабилизации потенциального рынка. Однако экономического объяснения недостаточно, по моему мнению, для объяснения процесса интеграции. Необходимо взглянуть на то, как формируется новая идентичность.

Северная идентичность?

По мнению Козта (Coate), Север – это в одинаковой мере плод воображения и физическая или социальная реальность [5, с.2]. Регионы, как и отдельные люди, постоянно определяются и переопределяются. Как отметил Ницше, не то, что люди совместно помнят, делает их людьми, а, скорее, то, что они решили забыть [8, с.220]. Регионы и региональные идентичности, без всяких сомнений, создаются и сохраняются через восприятие и определение того, что находится «внутри» и «вне» них. «Вне» для Европы на протяжении долгого времени была Россия. Но в современной ситуации «отличие» России стирается, и новое понимание, измерение «непохожести» может быть выведено из так называемых проблем «мягкой безопасности» (*soft security*), таких, как экология и международная преступность.

Может ли СИ либо ЕС рассматриваться как пример преодоления исторически и культурно сложившихся границ и разделяющих «отличий» в Северном регионе? Joenniemi отметил, что существует новая примета «северности» в виде СИ [6]. Эта новая «северность» – граница в меньшей степени политическая, в большей – ментальная, отличная от старых понятий «западности».

Думается, что идентичность находится в движении и развитии. Историческая Северная идентичность базируется на схожих моделях поведения, общей истории, интенсивных торговых и экономических контактах. Европейская интеграция, однако, изменяет традиционную Северную идентичность, поскольку ориентация Севера сегодня – это быть более «европейским», нежели «северным». Северный регион становится более гетерогенным с тех пор, как вновь открывает себя благодаря Балтийско-Баренцевой кооперации.

Новая «северность» имеет серьёзную культурную и историческую основу. Культурные связи между Северным и Балтийским регионом существовали уже в Средние века, когда, к примеру, территории, что сейчас являются частью современной Эстонии или Латвии, были частью Дании и Швеции. Кальмарский Союз объединял некоторые из этих территорий в одно государство. Финский и эстонские языки довольно близки. Будущий образ и роль Северного региона во многом зависят, по моему мнению, от способности ЕС скоординировать уже существующие формы взаимодействия и включить Россию в свои программы.

Список литературы

1. *Blomberg J.* Foreword // Approaching the Northern Dimension of the CFSP: Challenges and opportunities for the EU in the emerging European security order / Jopp et al. (eds.) // Programme on the Northern Dimension of the CFSP. 1998. Vol. 1.
2. *Browning C.* (1999): Coming Home or Moving Home? «Westernising» Narratives in Finnish Foreign Policy and the Re-interpretation of Past Identities // UPI Working. 1999. Paper 16.
3. *Heurlin B.* Denmark and the Northern Dimension // DUPI Working paper. 1999. №11.
4. *Heurlin B.* Danish Hopes: From a fuzzy concept to a model case // The Northern EU. National Views on the Emerging Security Dimension / Programme on the Northern Dimension of the CFSP. 2000. Vol. 9.
5. *Joenniemi P.* The European Union's Northern Dimension: On the Introduction of a New Signifier // Paper presented at the International Studies Association (ISA) Congress. 2000. March 14-18.
6. *Joenniemi P., Dewar S. & Fairlie L.* The Kaliningrad Puzzle: A Russian Region within the European Union // COPRI Working Paper. 2000. №6.
7. *Lähteenmäki-Smith K.* Regionalization in the Cahnge of the European System // National Perspectives on the Regionalism in the North / Hettne, Björn et. al. (eds.). London, MacMillan Press Ltd., 2000.
8. *Neumann I.B.* Uses of Other. Manchester University Press, UK, 1999.
9. *Ojanen H.* How to Customize Your Union: Finland and the Northern Dimension of the EU //Northern Dimensions. The Yearbook of the Finnish Institute of International Affairs, 1999.

Л.А. Карабешкин (Санкт-Петербург, Россия)

**ФОРМИРОВАНИЕ АРХИТЕКТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ
В РЕГИОНЕ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ. ПЕРСПЕКТИВЫ
РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Германия и Россия имеют много общего в формировании приоритетов на Балтике. Очевидно, что для таких крупных государств с федеративным устройством этот регион является важным, но не самым приоритетным направлением внешней политики. В то же время земли ФРГ и субъекты РФ всё активнее участвуют в региональной кооперации.

Представляется, что сотрудничество Москвы и Берлина в регионе Балтийского моря может стать инструментом для использования и в других направлениях двустороннего и многостороннего взаимодействия.

В настоящее время продолжается формирование региона и архитектуры его безопасности. Данный процесс с самого начала задумывался как политический проект создания общей идентичности, в то время как реальные предпосылки политического сближения – экономические, транспортные, культурные – по большей части отсутствовали. Относительно перспектив региона с самого начала ощущался скепсис. Так, у многих вызывало сомнение, не поглотит ли Россия с её сверхдержавностью весь регион, насколько самостоятельны российские регионы в плане трансграничного сотрудничества. Аналогично и в России с опаской наблюдали за процессом эмансипации роли Германии в целом и её шагами в регионе Балтийского моря: в частности, не собирается ли Бонн/Берлин, прикрываясь региональным сотрудничеством, проводить политику нового экспансионизма? Особенно чувствительно воспринималась германская политика по «калининградскому вопросу».

Однако время показало, что самостоятельность российских регионов стала превышать разумные пределы, создавая проблемы для сотрудничества в связи с неспособностью и неготовностью местных властей контролировать социально-экономическую и криминальную ситуацию. Так, К.Паттен теперь именуется Калининград не иначе, как «центр организованной преступности». Повышение внимания федерального центра к Калининграду и большая инициативность Москвы на этом направлении, одним из результатов чего стала поддержка нового, более склонного к позитивному взаимодействию с федеральным центром и соседними странами, руководства в области, создало благоприятные условия для развития регионального сотрудничества.

При этом интерес к проблемам Калининграда, возросший в связи с расширением ЕС, является не только самостоятельной целью, но и инструментом в более широком контексте отношений России с ЕС, Германией, Литвой и Польшей. В этой связи примечательно скандальное сообщение «Дейли телеграф» о якобы имевших место секретных договорённостях по Калининграду между Россией и Германией: писалось о переговорах В.Путина и Г.Шрёдера в начале января, когда германский канцлер якобы предложил списать существенную часть 22-миллиардной задолженности Москвы Берлину в обмен на «обретение экономического доминирования» в Калининградской области. Для начала Шрёдер-де предложил предоставить области статус ассоциированного членства в ЕС.

За этим последовали опровержения как с российской, так и с германской стороны¹, однако некоторые заявления (если они действительно

¹ Посол ЕС в России Р.Райт сказал, что публикация о якобы имевших место переговорах Путина и Шрёдера является уткой недобросовестных английских журналистов, имевшая целью торпедировать программы углубления сотрудничества России и ЕС [2].

были) представляют определённый интерес. Так, представитель МИД в Калининграде А.Кузнецов заявил: «Российское правительство рассматривает ситуацию, если будет предложено взамен российского долга Парижскому клубу увеличить экономическое присутствие Германии в Калининградской области» [1]. Отметим три момента. Во-первых, Кузнецов сделал заявление практически от имени Правительства РФ. Во-вторых, данная сделка в целом укладывается в российские предложения по обмену долгов на акции предприятий. И, наконец, опровержения, в которых указано на то, что Калининград остаётся неотъемлемой частью РФ, несколько не противоречат идее, так как суверенитет России сомнению не подвергается. Косвенным подтверждением наличия неких российско-германских договорённостей является факт переговоров «Газпрома» с немецкой компанией «Фербунднец Газ. АГ» о создании совместного предприятия, которое займётся газификацией Калининградской области².

Авторы доклада «Победим враждебность», подготовленного влиятельными представителями польского внешнеполитического истеблишмента под эгидой Фонда Стефана Батория, также соотносят проблематику российского долга и «калининградский вопрос»: предлагается списать часть российского долга в обмен на расширение российских инвестиций в развитие эксклава. Так что информация «Дейли телеграф» не так уж и абсурдна. Наличие дискуссии по этому вопросу свидетельствует о большом потенциале, который несёт в себе диалог о Калининграде.

Очевидно, что Калининград – это и не конечная цель политики ЕС в регионе, а всего лишь тест. Наибольший же интерес на Балтике представляет крупнейший мегаполис – Санкт-Петербург. Недаром так горячо были поддержаны российские предложения сделать область «пилотным регионом», озвученные в Среднесрочной стратегии отношений РФ с ЕС в 1999 г. Правда, потом президент Путин не поддержал эту формулировку, и российские чиновники предпочитали не использовать данный термин. Глава МИД И.Иванов, выступая в Гамбурге 7 июня 2001 г., вернулся к термину «пилотный проект».

Германия, в свою очередь, оказалась не настолько активной. Й.Фишер отметил, что выступает против того, чтобы излишне «перегружать» балтийское направление внешней политики ФРГ. Позиция Германии сводится к тому, что нет необходимости в формировании дополнительных региональных институтов, а основное внимание нужно уделить процессу расширения ЕС: «Балтийское сотрудничество реально не начнётся до тех пор, пока регион Балтийского моря не станет внутренним морем ЕС» [3].

Приблизительно такую же позицию занимает и Комиссия Европейских сообществ, противясь превращению Северного измерения в самостоятельный инструмент. Финская инициатива пока так и остаётся малоэффективным механизмом координации уже существующих программ.

² См.: Коммерсант. 2001. 22 мая. Учтём, однако, что российско-германское СП создаётся в преддверии начала приватизации газовой отрасли в Литве.

Однако, как представляется, формирование региона Балтийского моря в целом соответствует интересам и России, и Германии. Для России это приемлемый способ сдерживания центробежных тенденций, которые будут усиливаться в случае более активной политики Европы в Северо-Западном регионе страны. Для Германии более активная балтийская регионализация может стать инструментом уменьшения чрезмерной ориентации стран Балтии и Польши на НАТО, тем более, что членство стран Балтии в НАТО, как кажется, не является приоритетной целью внешней политики Германии. Председатель Бундестага В.Тирзе, выступая в Сейме Латвии, заявил, что Латвии было бы непродуктивно вступать в НАТО, если это будет происходить в конфронтации с Россией (NATO politikas krahs, Diena – цит. по: Коммерсант-Санкт-Петербург. 2001. 30 мая). Проявившееся нежелание взять страны Балтии в НАТО произвело эффект разорвавшейся бомбы для тамошней политической элиты. При этом позиция Германии обусловлена как нежеланием поддерживать усиление США в регионе, осознанием стоимости процесса расширения НАТО, так и прагматичным анализом своих экономических интересов. Очевидно, что страны Балтии с их небольшими рынками для крупного немецкого бизнеса были бы интересны только в контексте проникновения на российский рынок.

Экономическое сотрудничество как один из аспектов мягкой безопасности представляет ещё одно перспективное направление взаимодействия России и Германии в регионе Балтийского моря. Не секрет, что при всех бравурных заявлениях о том, что США и Европа проводят непротиворечащую и взаимодополняющую политику, Балтийский регион стал ареной экономического противоборства Старого и Нового света. Достаточно назвать тенденциозную продажу нефтяного комплекса Литвы американской «Williams», происшедшую при грубом нажиме Вашингтона. Эстонская энергетика перешла под контроль опять же американской NRG Group. Совместные действия России и Германии как крупнейших стран региона, заинтересованных в повышении стабильности, могли бы исправить возникший дисбаланс.

Процесс регионализации стран Балтийского моря отвечает интересам как России, так и Германии. Позиция Москвы по поводу расширения НАТО находит отклик в Берлине. Процесс расширения ЕС несёт в себе не только угрозы, но и уникальные возможности для решения проблем, зачастую выходящих за рамки повестки дня. При этом разрешение «калининградской головоломки» должно стать тестом, а не самоцелью. Наконец, взаимодействие РФ и ФРГ, в частности в экономической сфере, представляет очевидную геоэкономическую выгоду для обеих сторон.

Список литературы

1. Редниц Т. Эксклав или анклав // Известия. 2001. 30 января.
2. Рябушев А. Евронакат на Калининград // Независимая газета. 2001. 25 января.
3. The Baltic sea Region – speech by Federal Minister Fischer to the Bundestag on 9 February 2001 (extracts).

РАЗДЕЛ 3

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

СТРАН БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА

А.В. Сивкова (Калининград, Россия)

**ОСНОВНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ
В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ»
И НОВЕЛЛЕ Э. Т. А. ГОФМАНА
«ПРИКЛЮЧЕНИЕ В НОЧЬ ПОД НОВЫЙ ГОД»¹**

Основанием для сопоставления двух произведений, помимо *единства исторического контекста* (эпохи романтизма), является *общность жанрово-тематического звучания* («святочная» фантастика) [5], а также известный *факт влияния мировоззрения и художественной стилистики* немецкого романтика на творчество раннего Гоголя. Относительно сходства стилистики интересно замечание А. Белого о гоголевской прозе: «Ландшафт Гоголя «японский», «он – движением видоизменён, в нём искание иных равновесий» [1]. То же самое можно сказать и о гофмановской прозе, в которой интуитивно воспринятые приёмы японской стилистики выявлены не менее ярко.

Говоря о жанрово-тематической общности произведений, необходимо отметить, что в русской литературе начала XIX века «были выработаны основные разновидности текстов со святочным сюжетом» [5, с.122], закрепившиеся в последующие десятилетия. Наряду с «*простонародным*» рассказом и *светской повестью с маскарадной интригой* развитие получила *фантастическая «святочная» повесть*, и именно на её становление, как полагают исследователи, большое влияние оказало творчество Гофмана – едва ли не самого читаемого в России автора того времени. К.В. Мочульский пишет в монографии «Гоголь», что в «Вечерах» автор «следует двум разнородным традициям, стараясь связать их единством стиля. Первая традиция – немецкая романтическая демонология: ведьмы, черти, заклинания, колдовство, с которыми Гоголь был знаком по повестям Тика и Гофмана; вторая – украинская народная сказка с её исконным дуализмом, борьбой Бога и дьявола» [8, с.12].

Цель статьи – показать, в результате каких особенностей лексической структуры текстов создаётся специфическое эмоциональное звучание

¹ Статья представляет собой текст доклада на Гофмановских чтениях, организованных Центром «Молодёжь за свободу слова» и Музеем Мирового океана в Калининграде в январе 2001 г.

каждого, а именно мрачная тональность новеллы Гофмана и ощущение игры и торжества света в повести Гоголя, и как достигаемый художественный эффект вписывается в идейную канву обоих произведений, отражая мировоззренческие позиции писателей разных культурных традиций.

Функционально-семантический анализ лексических структур двух произведений осложняется проблемой перевода, в связи с чем при подобной работе неизбежны определенные погрешности. Тем не менее необходимо отметить максимальную точность художественного перевода Л. Лунгиной [4, с.153-188; оригинал – 10, S.95-126]. При сравнительном анализе текстов именно этот перевод был взят за основу.

Лексическая структура художественного произведения может быть представлена в виде комплекса тематических пластов, создающих разнообразное, но вместе с тем слаженное и гармоническое звучание текста в соответствии с его семантическим единством. Вычленение лексических пластов как элементов языковой структуры текста позволяет раскрыть природу его «стилистического ядра» [2]. Эмотивную окрашенность произведения создают наиболее крупные пласты; при этом важно, во-первых, распределение собственно словарных единиц в ткани текста как каналов взаимодействия между пластами и, во-вторых, – в самих словарных единицах – возможное изменение внутренней структуры в разных контекстах.

В обоих произведениях по тематическому признаку выделяются следующие наиболее крупные лексические пласты: в тексте «Ночи перед рождеством» – это «*праздничная*» лексика, «*божественная*» и «*демоническая*», в тексте «Приключение в ночь под Новый год» – «*божественная*», «*праздничная*», «*демоническая*», теснейшим образом связанная с «*волшебной-романтической*», или «*мистико-романтической*», и пласт с семантическим ядром «*искусство*». В тексте гоголевской повести парадигма «искусства» тоже присутствует, но в редуцированном виде (к ней относятся лексемы, главным образом, из сферы деятельности главного героя – живописи. То же самое наблюдается и относительно «праздничной» лексики в тексте Гофмана: несмотря на название, актуализирующее семантику праздника и соответственно распространяющее её на весь текст, в самой нарративной ткани этот пласт узок, основная его функция – хронотопная номинация. В структуре обоих произведений довольно масштабен пласт «*бытовой*» лексики, создающей эффект достоверности, «присутствия» описываемых фантастических событий в реальной жизни, но он рассматриваться не будет, так как не дифференцирует особенности эмотивной окрашенности произведения.

Прежде всего, обращает на себя внимание явное тематическое сходство выделенных лексических пластов: в обоих текстах заявлена и через языковую ткань актуализирована основная культурная оппозиция – *Бог и дьявол*, которая включена в стилистический контекст волшебной сказки. При этом характер распределения лексем в тексте далеко не одинаков.

В «Ночи перед рождеством» «божественная» и «демоническая» парадигмы составляют чёткую смысловую оппозицию, будучи при этом включёнными в пласт «праздничной» лексики, являющийся главным «прагматическим компонентом» [9] семантики всего текста, т.е. основным создающим его эмоциональное звучание. Включённостью тематически оппозиционных пластов в парадигму «праздничной» лексики определяется и сам характер противопоставления – это борьба тёмных и светлых сил на фоне игры, карнавала, т.е. положительно маркированного текстового пространства.

Утверждение о так называемой включённости основывается, во-первых, на возможности употребления лексем из двух оппозиционных пластов в одном контексте со словами, входящими в праздничную парадигму.

Например: «Месяц величаво поднялся на небо посветить добрым людям и всему миру, чтобы всем было *весело колядовать и славить Христа*» [3, с.153]; «А пойдёт ли бывало *Солоха* в праздник в церковь...» [3, с.163]; «Не мудрено, однако ж, и смерзнуть тому, кто толкался от утра до утра в *аду*, где, надевши колпак и ставши перед очагом, будто в самом деле кухмистр, *поджаривал он грешников* с таким удовольствием, с каким обыкновенно баба жарит на *рождество* колбасу» [3, с.162].

Из этих примеров видно, что лексемы «праздничной» парадигмы (*колядовать, праздник, рождество*) могут находиться в одном **микрoконтексте** с лексемами двух других парадигм, выступая, таким образом, в смысловом отношении частью обеих или же, наоборот, включая в себя их элементы.

Во-вторых, включённость может обнаруживаться *на уровне одной лексемы*: для того, чтобы это установить, требуется анализ внутренней структуры самого слова, его лексического значения. Например, «рождество»: с одной стороны, мы относим это слово к «праздничной» парадигме, с другой – к «божественной».

В результате такого двухуровневого взаимодействия (уровень микроконтекста и уровень лексемы) составляющие «божественной» парадигмы утрачивают свою строгую, сугубо религиозную смысловую окраску, а в лексемах «демонической» парадигмы разрушается однозначно негативный прагматический компонент смысла. Таким образом, описанное взаимодействие в тексте складывается как бы «в пользу» «праздничной» семантики, которая имплицитно на весь текст и придает ему соответствующее эмоциональное звучание.

Вне рамок «праздничной» парадигмы текста сочетание в одном контексте лексем из «божественного» и «демонического» пластов – явление редкое и направлено на актуализацию сем, по которым происходит *противопоставление*. Например, «При сем слове он *сотворил крест*, и *чёрт* сделался так тих, как *ягнёнок*» [3, с.178]: в этом микроконтексте за счет параллельного употребления, с одной стороны, лексем «божественной» парадигмы (*сотворил крест, ягнёнок*), с другой – лексемы «демонической» парадигмы (*чёрт*) происходит подчеркивание противопоставлен-

ности бога и черта. Лексемы разных пластов, таким образом, не только не пересекаются, но именно *отталкиваются* друг от друга, обнаруживая свою принадлежность к разным парадигмам. Интересно, однако, обратить внимание на пример: «А пойдет ли, бывало, *Солоха* в праздник в церковь...» [3, с.163]. Здесь в одном микроконтексте сталкиваются лексемы всех трех парадигм, но оппозиция между лексемами «Солоха» и «церковь» не подчеркивается, более того, это сочетание достаточно органично. В данном случае это связано с особенностями семантики имени собственного Солоха: с одной стороны – ведьма, с другой – обыкновенная женщина, мать набожного кузнеца Вакулы (феномен дуальности народного представления).

Однако *универсальный характер* «праздничной» парадигмы в повести «Ночь перед рождеством» создается не столько благодаря наличию двухуровневой системы взаимодействия с другими лексическими пластами, сколько за счёт *наивысшей частотности составляющих её лексем*. Ср.: «божественная» парадигма – 32 лексемы, частотность употребления 155 раз, «демоническая» – 22 лексемы, частотность – 180 раз, «праздничная» – порядка 40 лексем, частотность – 204. Приблизительность количественного состава последней парадигмы обусловлена семантической смежностью некоторых ее лексических единиц с лексемами оппозиционных парадигм, а также с лексемами так называемых минипарадигм, например, «одежда», «еда и напитки», «искусство». Иными словами, одна и та же лексема может принадлежать сразу к нескольким лексическим пластам, поэтому чёткое разграничение невозможно и говорить следует лишь о *тяготении* к тому или иному.

В пласте «праздничной» лексики можно выделить две составляющие: уровень *собственно «праздничной» лексики*, который, будучи представлен словоформами и дериватами лексем «праздник» и «рождество», является основой для формирования второго уровня – «праздничной» *атрибутики*. Праздничную атрибутику (безотносительно к тексту) можно подразделить на *первичную* (ту, которая всегда сопутствовала обрядовому действию: песня, танец, наличие определенного числа людей, места собрания, еды и напитков как акта жертвоприношения и т.д.) и *вторичную* (ту, которая не всегда и не обязательно сопровождала это действие: смех и понятие веселья как такового)². Именно за счёт уровня «праздничной» атрибутики главным образом таких лексем, как «смех», «хохот», «шутка», «шалость», «выдумка», «радость», «веселье» и их производных, в структуре лексического значения которых прагматический компонент преобладает над когнитивным (т. е. эмотивный план – над познавательным), «праздничная» лексическая парадигма и становится наиболее обширной, получая универсальный характер и создавая тем самым положительно маркированную эмоциональную окраску текста.

² При разделении использовалось определение «праздника» Н.Б.Мечковской [7].

Отсюда – кажущаяся несерьёзность центрального конфликта повести, заявленного при этом на лексическом уровне совершенно однозначно (добро, маркированное определенной атрибутикой, четко отграничено от зла со своей и только ему присущей атрибутикой), – и это создает эффект волшебной сказки. Такая интерпретация конфликта, в свою очередь, восходит к глубинным истокам русской культуры, связанным с православной традицией, неизменным отличительным признаком которой является четкая ценностная оппозиция «верх-низ» и отсутствие некоего «срединного поля», что отмечал в своих работах ещё Ю.М.Лотман [6].

Противоположное эмоциональное впечатление производит новелла Гофмана, даже в переводном варианте которой четко визуализировано иное распределение лексических пластов и их элементов в структуре текста. Здесь явно доминирует «демонически-мистическая» лексика, тесно связанная с другими структурными элементами текста. Пласт «праздничной» лексики, как уже отмечалось, редуцирован, и функция составляющих его лексем сводится к номинации хронотопа: «канун Нового года» (*der Silvesterabend*), «дни рождества и новогодних празднеств» (*Weihnachten und Neujahr*), «эти праздничные дни» (*das sind Festtage*) и т.д. «Праздничная» атрибутика, благодаря которой главным образом происходит количественное расширение «праздничного» пласта в тексте гоголевской повести, почти полностью сосредоточена на периферии с «демонически-мистическим» пластом. Особенно это касается лексем «смех» (*das Lachen*) и ее дериватов, а также синонимичных лексем, например «хохот» (*das Gelächter*).

Интересно отметить, что данная лексема в тексте оказывается более предпочтительной, чем «*das Lachen*», что, возможно, связано с закрепившимся в немецком языке (как и в русском) пониманием громкого смеха как атрибута дьявольщины (во всяком случае, гофмановский текст позволяет это предположить). Смеются и улыбаются чаще всего персонажи, наделённые демоническими чертами. Например, советник юстиции, лексическая структура образа которого двойственна (с одной стороны, он помогает чёрту, с другой – он сам как чёрт), в одном из контекстов описывается так: «Вид у него был *лукав* до чрезвычайности, он так и расплывался в *наиблагожелательнейшей улыбке*» [4, с.157]. «Странная улыбка» в данном контексте с учётом макроконтекстуальных и внеконтекстуальных значений выступает явным признаком чертовщины и наполняет образ советника юстиции соответствующей семантикой. «Демонически-мистический» пласт взаимодействует с другими пластами по той же схеме, что и пласт «праздничной» лексики в повести «Ночь перед рождеством», ассимилируя и включая в свою парадигму их элементы. Взаимодействие это имеет также *двухуровневый характер*, т. е. осуществляется как на уровне контекста, так и на уровне одной лексемы. Вот еще один пример нивелирования прагматического компонента «праздничной» лексики и включения её в пласт «демонически-мистической» на уровне контекста: «У него (я имею в виду советника юстиции) в *канун*

Нового года всегда собирается большое общество, и по случаю праздника он старается каждому доставить особое удовольствие, но делает это так неуклюже и бездарно, что всё так тщательно задуманное *веселье* оборачивается какой-то *тоскливой несуразицей*» [4, с.156-157]. Здесь соединение в одном контексте, с одной стороны, лексем «канун Нового года», «праздник» и «веселье», а с другой – словосочетания «тоскливая несуразица» («*komischem Jammer*» – дословно «смешная, странная досада»), семантически связанного с двусмысленным значением местоимения «у него» в начале предложения (как бы случайная оговорка с отсылкой на «чёрта») разрушает прагматический компонент значения слов парадигмы «праздник», оставляя нетронутым лишь когнитивный компонент, т. е. остается только формальное обозначение явления без соответствующей эмоциональной наполненности.

Таким образом, в структуре большей части лексем «праздничного» пласта (особенно – относящихся к уровню «праздничной» атрибутики) происходит нивелирование положительно маркированного прагматического компонента значения, следствием которого является переход данной лексемы в пласт с негативной маркированностью.

Такого же рода изменения наблюдаются и в словарных единицах других пластов, в частности «божественной» лексики, которая, однако, в тексте чаще всего пересекается с «праздничной», например: «небесная радость», «рождественские лавчонки», «деревянные ангелы» и т. д. (очевидная периферийность их семантического значения).

Соотношение пластов «божественной» и «демонически-мистической» лексики – наиболее интересный аспект в сравнении двух произведений. Если в лексической структуре гоголевского текста выстраивается чёткая оппозиция, заявленная, в частности, через невозможность сочетания без противопоставления в одном микроконтексте лексем из этих пластов, то в тексте Гофмана эта оппозиция размыта. Лексемы семантически противоположных пластов могут сочетаться в микроконтекстах, при этом в структуре лексического значения слов «божественной» парадигмы происходит разрушение положительно маркированного прагматического компонента. Это особенно видно при анализе образов персонажей. Контекстуальное соединение делает сам образ еще более ужасным, чем если бы он описывался только благодаря негативно маркированным лексемам. Например: «Прежде чем переступить порог двери в музыкальную гостиную, Юлия обернулась, и мне почудилось, что её *ангельское*, исполненное девического очарования *личико искажено саркастической гримасой...*» [4, 159]. Здесь в одном микроконтексте сочетаются лексемы «ангельское» «личико» (*das engelschöne ... Gesicht* – дословно «ангельский образ, лицо») и «саркастическая» «гримаса» (*hohnenden Spott* – дословно «язвительная насмешка»), при этом характеризуя один и тот же образ. В итоге здесь нет того смыслового взаимоотношения оппозиционных лексем, которое наблюдается в тексте Гоголя, и именно за счёт этого происходит стирание четких границ между пластами и, как следствие, усложнение образа героини. Подобные

контаминации на лексическом уровне – основной художественный приём. «Демонически-мистическая» парадигма сильнее всего влияет на эмоциональную окрашенность текста и обладает *включающим характером* – таким же, каким в «Ночи перед рождеством» обладала «праздничная» лексика. Масштабность пласта «демонически-мистической» лексики ощутима при первом же прочтении. Если в повести Гоголя «праздничная» парадигма, будучи наиболее крупной по количеству составляющих её лексем, все-таки незначительно превосходит пласты «божественной» и «демонической» лексики, то в тексте Гофмана «демонически-мистический» пласт доминирует, при этом тотальность проникновения относящихся к нему словарных единиц в другие пласты еще больше расширяет его границы. В лексическом значении элементов рассматриваемого пласта прагматический компонент маркирован явно отрицательно, отсюда – распространение негативной эмоциональной окрашенности на весь текст. «Ужас» (*das Entsetzen, das Grauen*) – одна из наиболее частотных лексем, встречающихся почти на каждой странице.

Стирание оппозиции между «божественной» лексической парадигмой и «демонически-мистической» и доминирующий характер последней – стилистические приёмы, использованные автором для того, чтобы создать ощущение реального присутствия страха в мире, лишённом представлений о добре и зле. Фантасмагорическая мрачность бытия осознается человеком без чётких ориентиров, оформленных в понятия добра и зла (бога и дьявола). И это как раз то, что отличает просвещённое сознание западноевропейского автора. Если сопоставить произведения с точки зрения жанра, то гоголевский текст окажется тесно примыкающим к сказке с её извечной борьбой темных и светлых сил и с итоговым торжеством последних, произведение Гофмана – настоящая *романтическая мистерия*. В основах своих разное мироощущение писателей, тем не менее очень похожих, опирается на культурные традиции народов, к которым они принадлежат. Расшатавшийся гофмановский мир, в котором человек стирается и гибнет, что можно увидеть, в частности, в «Приключении в ночь под Новый год», находится в «культурной конфронтации» с религиозным миром раннего Гоголя, явленного в «Ночи перед рождеством», где чётко заявлена оппозиция «бог-дьявол», где «бог» – основа, поддерживающая и спасающая душу, а «дьявол» может быть не страшен и даже смешон.

Таким образом, анализ лексической структуры текста позволяет обнаружить специфику его эмоционального звучания, что, в свою очередь, является средством раскрытия содержательной стороны произведения и выводит на внеконтекстуальный уровень и уровень интертекста.

Список литературы

1. Бельый А. Мастерство Гоголя: Исследование. М., 1996.
2. Виноградов В.В. Этюды о стиле Гоголя // Виноградов В.В. Поэтика русской литературы: Избранные труды. М., 1976.
3. Гоголь Н.В. Ночь перед рождеством // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 8 т. М., 1984. Т.1.

4. Гофман Э.Т.А. Приключение в ночь под Новый год // Гофман Э.Т.А. Песочный человек / Сост., предисл., примеч. Р.Грищенко. СПб., 2000.
5. Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб., 1995.
6. Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992.
7. Мечковская Н.Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов. М., 1998.
8. Мочульский К. Гоголь. Соловьёв. Достоевский. М., 1995.
9. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
10. Die Abenteuer der Silvesternacht / Hoffmanns Erzählungen. Verlag der Nation, 1969.

Е.Г. Фонова (Калининград, Россия)

ЧАЯНОВСКАЯ ГОФМАНИАДА

Свою статью, посвящённую Чайнову, отечественный исследователь Вл. Муравьёв называет «Творец московской гофманиады» [3]. Для такого сопоставления имеются веские основания.

Примечательно, что оба рассматриваемых нами писателя вступили на литературную стезю довольно поздно: Гофман опубликовал свою первую новеллу «Кавалер Глюк» в возрасте тридцати трёх лет, «История парикмахерской куклы, или Последняя любовь московского архитектора М.» Чайнова вышла в свет, когда её автору было тридцать, тогда как романтики, как правило, начинали писать в юности. Гофман и Чайнов пришли к идеям романтизма, накопив уже определённый жизненный опыт, освоив разнообразные профессии и проявив себя в других областях деятельности. Так, Гофман был юристом (выбор predetermined family tradition), композитором, дирижёром, художником, государственным служащим и т. д.; Чайнов, тоже следуя семейной традиции, окончил Московский сельскохозяйственный институт, был коллекционером произведений изобразительного искусства, занимался гравюрой по дереву, написал множество работ по живописи, истории, экономике, сельскому хозяйству и др.

Следует отметить, что как для прозы Гофмана, так и для произведений Чайнова характерно сочетание реального и фантастического. Вл. Муравьёв называет это «документальной фантастикой» [3, с.17]. Так, главные герои произведений Гофмана помещены в гущу повседневной действительности, с удивительной точностью описанной автором. В его берлинских новеллах точно воспроизведены названия ресторанов, магазинов, имена их владельцев (например, в «Приключениях в новогоднюю ночь»). Выпадают из реальности лишь некоторые герои и, как правило, неясно, происходили ли описываемые события на самом деле или это лишь плод фантазии героя, порождённой больным сознанием. Здесь

можно наблюдать некоторое балансирование на грани реального и ирреального.

Для романтических повестей Чайнова характерны очень точная топография местности и исторический фон описываемого времени: названия церквей и общественных зданий, реальность маршрутов его героев, имена исторических личностей (артистов, профессоров, вельмож, трактирщиков). Так, например, в «Истории парикмахерской куклы, или Последней любви московского архитектора М.» только в прологе читаем: «Тверской бульвар», «Страстная площадь», «Тверская», «цветочный магазин Степанова и Крутова», «Петровка», «Трубная площадь», «Казанский», «Коломна». Таким образом, фантастические события развёртываются в исторически достоверном мире. Герои чайновских произведений, как и герои Гофмана, выпадают из современной действительности в водоворот приключений, видимых лишь ими самими. Перед читателем возникает некое двоемирие: мир реальности и мир, созданный сознанием героя.

Как уже было сказано выше, художественное время произведений Гофмана – современность. Что касается романтических повестей Чайнова, то действие «Истории парикмахерской куклы...» и «Венецианского зеркала, или Диковинных походов стеклянного человека» разворачивается в начале XX века, а «Венедиктова, или Достопамятных событий жизни моей», «Необычайных, но истинных приключений графа Федора Михайловича Бутурлина» и «Юлии, или Встречи под Новодевичьим» относится к концу XVIII – началу XIX века. Таким образом, в первых двух нами названных произведениях Чайнов, как и Гофман, описывает современную ему действительность.

Подробнее остановимся на первой романтической повести Чайнова «История парикмахерской куклы, или Последняя любовь московского архитектора М.». На ней имеется посвящение: «Памяти великого мастера Эрнеста Теодора Амадея Гофмана посвящает свой скромный труд автор» [3, с.15]. Таким образом, писатель указывает на истоки литературной традиции, которой он следует. Вл. Муравьев в вышеуказанной статье отмечает, что «это посвящение стоит на наименее «гофмановской» из всех его (Чайнова) повестей» [3, с.15]. Это утверждение представляется нам неверным, так как в произведении можно выявить ряд близких творчеству Гофмана черт и провести параллель с его новеллой «Песочный человек».

Главным героем романтической повести Чайнова «История парикмахерской куклы...», как видно из названия, является московский архитектор Владимир. Натанаэль – студент, писатель-романтик – главное действующее лицо новеллы Гофмана «Песочный человек». Оба героя – творческие личности. Жизнь их до начала страсти к куклам шла своим чередом. Натанаэль был помолвлен с Кларой. Владимир в начале повести также собирается жениться, но вдруг он чувствует, что это «ненужно и нудно» и что «он уже стар». Совершенно неожиданно для них самих и окружающих герои влюбляются в кукол. Это увлечение всецело погло-

щает их. Так, у Гофмана: «Образ Олимпии витал перед ним в воздухе, выступая из-за кустов, и большими светлыми глазами глядел на него из прозрачного родника. Облик Клары совершенно изгладился из его сердца; ни о чем более не думал, как только об Олимпии...» [1, с.311-312], хотя до вторжения Коппелиуса с его оптическими приборами Олимпия виделась Натанаэлю лишь «прекрасной статуей».

Вообще, оптические инструменты в произведениях Гофмана имеют большое значение. Очки, зеркала, подзорные трубы, увеличительные стекла и т. п. деформируют восприятие мира. Внушенные ими ложные представления приобретают гипнотическую власть над человеческим сознанием, парализуют волю, толкают на роковые поступки. Н. Жирмунская пишет: «Мёртвый предмет, построенный на основе физических законов, «хватает» живое существо. Тем самым стирается грань между живым и неживым в окружающем мире, пограничной зоной становится психика человека с ее непознанными «безднами», точка пересечения физических и духовных начал» [2, с.13]. Лишь увидев Олимпию через подзорную трубу, проданную ему Копполой, Натанаэль испытывает неподвластное ему желание видеть её постоянно («неволью он поглядел в комнату Спаланцани» [1, с.310], «Натанаэль как *заворожённый* стоял у окна, *беспристрастно* созерцая небесно прекрасную Олимпию» [1, с.311], «словно *побуждаемый непреодолимою силою*, он вскопчил, схватил подзорную трубку Копполы и уже не смог более отвести взора от прельстительного облика Олимпии» [1, с.311]..).

На балу в доме Спаланциани Натанаэль был окончательно поглощён этой безумной страстью: он не видел ничего и никого кроме своего идеала, забросил учебу, Клару, друзей. Он не слушал ни своего сердца, которое подсказывало ему то, что его возлюбленная неживая («как лёд холодна была рука Олимпии; он содрогнулся, почувствовал ужасающий холод смерти...» [1, с.313]; «Он поцеловал руку Олимпии, он наклонился к её устам, холодные как лёд губы встретились с его пылающими! И вот он почувствовал, что ужас овладевает им, как и тогда, когда он коснулся холодной руки Олимпии; легенда о мёртвой невесте внезапно пришла ему на ум...» [1, с.314]), ни своего лучшего друга, который не раз пытался объяснить ему, что его страсть есть лишь «деревянная кукла», «восковая фигура».

Владимиру образ его возлюбленной явился следующим образом: «Вдруг он остановился как вкопанный. Знакомое чувство приближения волнующей страсти содрогнуло все его существо. Перед ним была «Большая московская парикмахерская мастера Тюнина», сквозь тусклое стекло большого окна которой на него глядела рыжеволосая восковая кукла» [4, с.28]. Как и у Гофмана, в чаяновской романтической повести герой влюбляется, увидев Её через стекло. В образе прекрасной куклы для Владимира соединились все женщины, он нашел для себя идеал женской красоты, и вся жизнь его с этого момента переменялась: его цель была найти оригинал, так как «совершенно очевидно, что у этого воскового изваяния был живой оригинал, дивный, чудесный» [4, с.29].

Владимир посвящает поискам всё своё время и силы: он растратил состояние, осунулся и постарел, казался «человеком, продавшим свою душу дьяволу» [4, с.48]. Забыл о своей работе, друзьях. Свою возлюбленную он находит в Венеции. Примечательно противопоставление двух художественных пространств у рассматриваемых нами авторов: Германии и Италии у Гофмана и Москвы и Венеции у Чайнова.

Для Гофмана Италия, с одной стороны, согласно общеромантической традиции, – тёплый южный край, родина искусств, некая противоположность прозаически будничной атмосфере немецкой действительности. С другой стороны, Италия Гофмана – это и родина графа Калиостро, страна, таящая в себе тревожное, зловещее начало, губительное для наивных немецких простаков. Как правило, в новеллах, где художественным пространством выступают Италия и Германия, главный герой – личность творческая. Эти черты характерны и для его новеллы «Песочный человек». Действие происходит в Германии, но в жизни главного героя, простака Натанаэля, роковым образом появляются персонажи-итальянцы. С одной стороны – это Джузеппе Коппола, торговец барометрами и оптикой, преследующий его всю жизнь сначала Песочным человеком из нянюшкиного рассказа, затем отвратительным адвокатом Коппелиусом и, наконец, Копполой. Для Натанаэля это был единый дьявольский образ, повинный в смерти отца, безумной страсти к восковой кукле-автомату (ведь именно Коппола продал ему подозрную трубу), сумасшествия и самоубийстве героя. С другой стороны – это профессор Спаланцани, смастеривший удивительную механическую куклу. Образ создателя механических игрушек становится демонической фигурой, имеющей тёмную, зловещую власть над другими по мере того, как бесхитростная детская забава превращается в пугающую своим сходством имитацию человека. Он напоминал «портрет Калиостро, гравированный Ходовецким». Таким образом, Италия, пусть опосредованно, сыграла в судьбе героя свою роковую роль.

У Чайнова основным местом действия можно назвать Москву. Сам писатель изучал её историю и градостроительные проблемы, опубликовал ряд московедческих работ («Петровско-Разумовское в его прошлом и настоящем», «История Миусской площади», «Московские собрания картин сто лет назад»). Свой художественный подход к изображению Москвы Чайнов объяснял так: «Совершенно несомненно, что всякий уважающий себя город должен иметь некоторую украшающую его Гофманиаду, некоторое количество своих «домашних дьяволов» [3, с.18]. В других романтических повестях ему прекрасно удаётся это сделать. Но в рассматриваемом нами произведении, как и в новеллах Гофмана, Чайнов противопоставляет Москве Италию, в частности Венецию. Он описывает этот город в чисто гофмановской манере: «Через минуту гондола уносила его по черным водам каналов великого города масок,

призрачных зеркал¹, молчаливых дождей, героев Гольдони, персонажей Гоцци и великих венецианских живописцев» [4, с.39]. Образ Италии у Чайнова, как и Гофмана, воспринимается двояко: с одной стороны, Венеция для главного героя-архитектора – город итальянских зодчих и место, где он провел дни своей первой любви. С другой стороны, здесь происходят роковые для него события.

Итак, в Венеции он находит свою возлюбленную. Через окно отеля он видит надпись: «Паноптикум – Американ. Ново! Чудо природы! Ново! Поразительный феномен! Сестры Генрихсон!» [4, с.40]. Его любовь – Берта – одна из сиамских близнецов. В ней он видит свой идеал женской красоты: «Все мечты Владимира о конечном женственном, о том, к чему все пройденные женщины были только отдаленным приближением, казалось, были вложены в это тело» [4, с.42]. На первый взгляд, объекты любви Натанаэля и Владимира совершенно различны: у немецкого студента – механическая восковая кукла, у московского архитектора – живая женщина, которая лишь в начале предстала перед ним в образе восковой куклы. Но сестры Генрихсон по сути были игрушками, развлечением для публики всю свою жизнь, разъезжая с цирковыми труппами и паноптикумами с тринадцати лет. Как и их восковые двойники, они веселили и ужасали людей своим уродством. На забаву своим студентам и профессор Спаланцани устроил «большой праздник, концерт и бал», чтобы познакомить всех со своей дочерью – механической куклой-автоматом. Для удовольствия горожан был сделан и говорящий турок в новелле Гофмана «Автоматы».

Страсть Натанаэля пробуждает к жизни Олимпию, но это ощущает лишь он один, это начало его безумия, его сумасшествия. Любовь Владимира также разрушительна. Из-за всепоглощающей страсти его возлюбленная погибает при родах. Оставшаяся в живых посредством оперативного вмешательства Китти, вторая сестра, просит сказать Владимиру, что все умерли – и Берта, и она, и маленькая Жанета. Он сходит с ума: «Владимир чувствовал себя манекеном, марионеткой, которую невидимая рука дёргала за верёвочку. Друзья его не узнавали. Он вёл замкнутый образ жизни. Заказы, однако, он принимал, и этот последний период его деятельности подарил Москве несколько причудливых и странных зданий» [4, с.51]. Такова безумная, дьявольская «последняя любовь московского архитектора М.». Почувствовав приближение смерти, Владимир решает ещё раз посетить Венецию, и ему снова является призрак его Афродиты: из окна отеля «на противоположном берегу канала, там, где некогда стоял паноптикум, он увидел огромное витро роскошной парикмахерской, сквозь зеленоватое стекло которого на него смотрели восковые головы сестёр Генрихсон, забытые им когда-то во

¹ Одно из таких «призрачных зеркал» будет описано Чайновым в романтической повести «Венецианское зеркало, или Диковинные похождения стеклянного человека».

время бегства из Венеции» [4, с.52-53]. Безумие преследует его до самой смерти.

Страсть Натанаэля приводит его к самоубийству. Когда герой прозревает и видит, что прекрасная Олимпия – лишь механический автомат, он окончательно сходит с ума. Его преследует страшный призрак дьявольской куклы. Он прыгает через перила башни и разбивается насмерть. Это тоже последняя любовь.

В других романтических повестях Чайнова также прослеживаются сюжетные линии произведений Гофмана. Так, например, в «Венецианском зеркале, или Диковинных похождениях стеклянного человека» и «Юлии, или Встречах под Новодевичьим» можно отметить черты гофмановской новеллы «Приключения в новогоднюю ночь».

Список литературы

1. Гофман Э. Т. А. Песочный человек // Гофман Э. Т. А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1994. Т. 2.
2. Жирмунская Н. Новеллы Э. Т. А. Гофмана в сегодняшнем мире // Гофман Э. Т. А. Новеллы. Л., 1990.
3. Муравьев Вл. Творец московской гофманиады // Чайнов А. В. Венецианское зеркало. М., 1989. С. 5 – 23.
4. Чайнов А.В. История парикмахерской куклы, или Последняя любовь московского архитектора М. // Чайнов А. В. Венецианское зеркало. М., 1989.

Л.А. Мальцев (Калининград, Россия)

«ДЗЯДЫ» МИЦКЕВИЧА: КОНФЛИКТ ВЕРЫ И РАССУДКА

Жанр «монодрамы», классическим первообразом которому послужил «Фауст» Гёте, решает проблему самоутверждения человека в мироздании посредством разума и (или) веры. «Манфред» Байрона раскрывает трагический результат усилий человеческого разума. «Дзяды» Мицкевича в контексте «Фауста» и «Манфреда» есть «пострационалистический» момент духовных исканий человека, переход самого Мицкевича от байронического индивидуализма и валленродовского макиавеллизма к христианству. Друг Мицкевича А.Э. Одынец подтвердил слова поэта, что речь Конрада в 3-й части «Дзядов» является «поворотным пунктом байронизма в поэзии, в котором гордый разум достигает последних своих границ, и только покорная вера и христианская любовь Ксёндза Петра защищает Конрада от окончательного падения и гибели» [7, S.342]. Символично множественное число в самом названии «Дзядов», которое в сопоставлении с индивидуализмом «Фауста» и «Манфреда» указывает на преимущественную роль в произведении начала солидарности и взаимопомощи между людьми.

Мицкевич реализует театральную концепцию, которая, по его замыслу, органически соединит специфические славянские и христианские общечеловеческие черты, антропоцентристское и теоцентристское мировоззрение, романтический жанр «монодрамы» и средневековый жанр мистерии. В славянском театре Мицкевича именно вера становится бытийной опорой человека. Не случайно основоположник нового религиозного сознания В.С.Соловьёв считал религиозную высоту преимуществом польского поэта.

Преобладание веры над рассудком, начиная балладой «Романтика», стало философской аксиомой поэта. Но если в виленско-ковенских «Дзядях» Мицкевич противопоставил искреннюю и подлинную веру рационалистическому догмату, то в дрезденских осознает взаимосвязь веры и догмата. Мицкевич критикует католических священников за излишнюю рассудочность, которая означает одновременно и недостаток веры. В 4-й части на вопрос Ксёндза: «С Евангелием знаком?» – Густав отвечает вопросом: «А ты несчастье знаешь?» [2, с.42]. Ксёндз, христианство которого — номиналистическое, отвлеченно-книжное, полагает, что Густав игнорировал первый вопрос. На самом деле главный герой сформулировал вопрос Ксёндза иначе, восприняв страдания Христа на Голгофе в реально-жизненном содержании, сблизив сказанное в Священном Писании с собственным положением и с положением современного человека. В целом, по верному замечанию З.Судольского, «Дзяды» Мицкевича есть «евангелизация несчастий, личного и национального» [7, S.340]. Отечественная исследовательница Л.А.Софронова пишет: «Происходит соприкосновение смысла истории и Евангелия, мистерия и история проникают друг в друга и сливаются» [4, с.144].

Ксёндз из 4-й части оказывается лицемерно верующим и мнимо просвещенным священнослужителем. Загробный мир для него не более чем фикция, и он отказывается вернуть народный религиозный обряд. Между тем для Мицкевича вера в жизнь после смерти – мерило человеческого добра и милосердия, способности сопереживать ближнему. Поэтому верующий бунтарь Густав противопоставлен в виленско-ковенских «Дзядях» фактически неверующему Ксёндзу. В дрезденских «Дзядях» ведущая пара персонажей как бы меняется местами: с одной стороны, Ксёндз Петр, твердо верующий в Провидение, а с другой – бунтарь Конрад, подозревающий Создателя в нелюбви к человеку.

Виленско-ковенская и дрезденская вариации прямо или опосредованно восходят к белорусскому религиозному обряду поминовения усопших, из которого Мицкевич, наряду с языческой ритуальностью, извлекает опыт, совместный с христианской традицией. «И во всех этих чудовищных вымыслах можно было уловить определённые моральные стремления и определённую идею, образно выраженную простым людом» [2, с.12], – пишет Мицкевич в предисловии к части 2. На пересечении христианской традиции и нравственных представлений простого народа в поэзии Мицкевича кристаллизуется жанр притчи, который находит выражение в «Дзядях» и наиболее полно – в созданных по образцу

Евангелия «Книгах народа польского и польского пилигримства». Сказалось стремление Мицкевича стать пророком своего народа, т.е. «жрецом» и поэтом в одном лице. Во второй части эту двуединую роль исполняет кудесник, тогда как в четвёртой и следующей за ней дрезденской части жрец (священник) и поэт оказываются не только разными людьми, но едва ли не антагонистами.

Отмечен избранничеством, сопряжённым со страдальческой судьбой, образ Густава из 4-й части. Он совершает самоубийство, тяжелейший по христианским законам грех, но, с другой стороны, его проникновенная исповедь являет трагедию человеческого чувства и доносит до слушателя подлинный смысл евангельского утверждения о законе для человека, а не человеке для закона: нормы морали не могут быть безразличными к жизни человеческого сердца. И облик, и речь Густава пронизаны скрытой евангельской символикой: («Я бедный путник. Я с чужбины еду» [2, с.64]. Густав объясняется загадочными словами-символами, которые далеки от сознания Ксёндза, замкнутого в повседневном быте.

Притчевые образы в виленско-ковенских «Дзядях» резко контрастируют с устоявшимися церковными догматами. Изображением двух младенцев-ангелочков Мицкевич показывает внутреннее несоответствие слов о «блаженстве младенцев» и «горчичном зерне веры» и обращается не к схоластике, но к народной мудрости: «Тот, кто горя не познал на свете, после смерти радость не познаёт» [2, с.17]. Образ помещика, нутро которого клюют хищные птицы – души умерших крестьян, – содержит миф, контрастный прометеевскому: подвергается истязанию угнетатель, а не освободитель. Таким образом автор свободой своего поэтического вымысла, опираясь на фольклорные мотивы, высказывает мысль о возмездии. Согласно евангельской символике хозяин дома (помещик) есть аллегория Творца мироздания, его раб – человек. Тогда крестьянин, сорвавший плод в лесу пана и за это строго наказанный, соответствует ветхозаветному Адаму. В истории, которую рассказывает Сова, помещик нарушает христианский обычай гостеприимства, изгоняя нуждающуюся мать с малолетним ребенком. За это хозяин должен претерпеть мучения на том свете. Рефрен: «Пан, не знал ты милосердия» [2, с.22], – это в скрытом виде инвектива Конрада из Большой импровизации.

Душа Густава, как и его последователя Конрада, находится между полюсами, с одной стороны, милосердия и терпения, с другой – озлобленности и мстительности. Любые проблемы, как частные, так и национально-исторические, оба героя стремятся решать с позиции этического максимализма, путём возведения в ранг глобальных. По словам З. Стефановской-Треугутт, «любое нарушение справедливой гармонии – несчастная любовь или национальная трагедия – вызывает череду вопросов в высшей степени принципиальных и ставит перед Густавом, ставит перед Конрадом проблему теодицеи» [5, с.112].

Сюжетная ситуация дрезденских «Дзядов» осложняется участием ангелов и демонов, которые в традиции жанров мистерии и моралите означают вертикальную организацию драматического пространства и симво-

лизируют подсознательный мир человека. Вера Ксёндза Петра способствует его пронизательности в отношении этих сил и в конечном итоге – его внутренней свободе. Недоверие к Создателю делает Конрада, напротив, подвластным миру духов и приводит его к трагической расколото-сти души. Монологическая цельность суждений Конрада в импровизации контрастирует с краткими отрывочными репликами ангелов и демонов, в которых раскрывается внутренний мир Конрада как арена противоборства добра и зла. Большой импровизацией Конрад вступает в область «последних вопросов», решая окончательно проблему собственной значимости в мире.

Большая импровизация Конрада в жанре диатрибы есть обвинительная речь против Бога. Иоанн Павел II сказал об этом явлении нового времени: «Бог создал человека свободным и разумным, таким образом поставил себя перед человеческим судом. История спасения есть также неустанный суд человека над Богом. Не просто проблемные вопросы, но настоящий суд. Первообразом этого суда является ветхозаветная книга Иова» [6, S.62]. Конрад, как и Густав, знает личное несчастье, но особенно сетует, что его народ оказался на месте Иова, обвиняет Создателя во враждебности к Польше и недостаточной любви к человечеству в целом, на основании чего отождествляет мироустройство с государственной властью (см. финал импровизации: «Не отец вселенной Ты, а... царь!» [6, S.149]).

Конрад – это и античный Прометей, и ветхозаветный Иов, и персонаж, во многом подобный байроновскому Каину. Присутствует и иной мотив: Конрад – Иаков, борющийся с Господом, в темноте видящий в нем скорее врага, чем покровителя. Иаков – прародитель израильского народа. Мессианское предназначение стремится избрать себе Конрад:

Как пламенную песнь, я мой народ создам,

Когда над душами, как Ты, восторжествую [6, S.145].

Конрад требует у Творца власти для реализации своих благих намерений. Герой провоцирует Создателя, переходя иногда к волевому нажиму, на однозначное обоснование или, напротив, опровержение претензий на первенство среди людей и равенство Богу. Соблазн властью служит отправной точкой морального падения персонажа.

В Большой импровизации намечены философские проблемы, характерные для творчества Достоевского, прежде всего его «Великого инквизитора». Конрад и инквизитор исповедуют культ власти, якобы необходимой для счастья человечества. Но речь инквизитора, исполнившего программу порабощения людей, полностью ретроспективна, Конрада – потенциальна. У героя импровизации велик разрыв между намерениями и практикой. Ксёндз Петр охарактеризовал Конрада: «Подобна мысль твоя, в одежде грязных слов, царице свергнутой» [6, S.161]. Инквизитор указывает на чудо как на главное средство порабощения человечества, тогда как Конрад, как всякий поэт, желает властвовать не чудом («в чуде правды нет»), но чувством.

Герои двух произведений по-разному интерпретируют ответное молчание Бога. Инквизитор видит в нем признак собственной правоты и бессилия Бога. Конрад также считает себя абсолютно правым, но вынужден признать всемогущество метафизического оппонента. Конрад констатирует равнодушие Бога к человеку и, следовательно, абсурдность мироустройства, при котором Творец не считается с людьми – «ошибками в вычислениях» при сотворении мира. При этом Конрад, как и инквизитор, неверно объясняет молчание Бога. Трудно согласиться с позицией И.Г.Неупокоевой: «Герой ставит перед Богом всё новые и новые вопросы, ответом на которые является молчание того, кому нечего ответить на предъявляемое обвинение, – молчание побеждённого» [3, с.264].

Ремарка молчания – распространённый и очень действенный прием «Дзядов», который предполагает глубинную аналогию Божественного молчания и целого ряда сцен молчания земных персонажей. В образе юноши-самоубийцы из пролога 2-й части молчание – признак смерти, но только мнимой, кажущейся. В сознании окружающих молчание порождает тревогу. В 4-й части в доме детства главного героя «царит молчание, как в полночь на погосте» [2, с.67]. За земным «покрывалом» мироздания, природы таится в молчании «жизней целая громада» [2, с.83]. Это метафоры Густава, успешно доказывающего в метафизическом споре с Ксёндзом, что природа одухотворена, «в ней есть язык», по знаменитой формулировке Тютчева.

На собрании филаретов в бывшей келье базилианского монастыря (1-я сцена, ч. 3), в рассказе Яна Соболевского, где особенно силен евангельский подтекст реальных событий, ремарки долгого молчания и минутной паузы фигурируют после каждого упоминания рассказчиком небесных или адских сил, будучи подтверждением их неслышимого участия в разговоре. В сцене 7-й в варшавском салоне один из молодых людей рассказывает историю заточения Циховского, который четыре года терпел нажим следствия: «И защищаться он молчаньем мог одним» [2, с.184]. Наконец, в сцене 8-й молчание Ксёндза Петра свидетельствует о его несогласии с земной властью:

Терпеть безмолвно власть, не значит власть принять.

Бог может эту власть и злему духу дать [2, с.207], –
что является ответом на призыв Конрада к Богу: «Дай мне такую власть» [2, с.145].

Приёмы умолчания содержатся и в цифровой символике «сорок и четыре» из Видения Ксёндза Петра (сцена 5-я), и в притче о Боге, зёрнах и происках сатаны, рассказанной филаретом Жеготой (Игнатием Домейко) в 1-й сцене.

Таким образом, знак молчания доступен человеческому осмыслению, здесь заложена идея соучастия человека планам Творца. Молчанием Создатель как бы признает за человеком потенциал творческой свободы. Не случайно Ксёндз Петр, носитель близких автору идей, оправдывает устремлённость Конрада к действию, не признавая за ним права на метафизический бунт. Сам Конрад называет Петра другом, явившимся в

сновидении. Поэтическим вдохновением Мицкевича создан возвышенный идеал священнослужителя, отвечающий полноте христианского вероучения.

Религиозное самосознание Мицкевича нашло выражение не только в крупных произведениях, но и в шедеврах лирики (образ Мирзы в «Крымских сонетах») и является весьма интересной типологической параллелью русской поэзии XVIII и XIX столетий, о которой Гоголь писал: «Наши поэты видели всякий высокий предмет в его законном соприкосновении с верховным источником лиризма – Богом» [1, с.69].

Список литературы

1. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. М., 1990.
2. Мицкевич А. Избранные произведения: В 2 т. М., 1955. Т.2.
3. Неупокоева И.Г. Революционно-романтическая поэма первой половины XIX века. М., 1971.
4. Софронова Л.А. Польская романтическая драма (Мицкевич, Словацкий, Красинский). М., 1992.
5. Стефановская-Треугутт З. Личность и общность в «Дзядях» Мицкевича // Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973.
6. Jan Paweł II Przekroczyć próg nadziei. Lublin, 1994.
7. Sudolski Z. Mickiewicz. Opowieść biograficzna. Warszawa, 1995.

В.И. Повилайтис (Калининград, Россия)

КОНЦЕПЦИЯ СИМФОНИЗМА В ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ Л.П.КАРСАВИНА¹

Становление философской мысли в Литве в первой половине XX века сопровождалось заметным «русским» влиянием. Связано это и с определённой популярностью русской философии среди литовских мыслителей², и с деятельностью русских философов-эмигрантов в самой Литве в 20-40-х годах. Василий Сеземан³, Владимир Шилкарский⁴, Лев Карсавин оказались на долгие годы соединёнными с литовской культу-

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, код проекта – 01-03-00164.

² Мы можем говорить об определённом влиянии идей Вл. Соловьёва на построения литовского философа-неотомиста С. Шалкаускаса (1886-1941). С ним близко сошёлся и Карсавин сразу после переезда в Литву.

³ В. Сеземан (1884-1963) до революции работал в Петроградском университете, в начале 1920-х гг. преподавал в Берлине, позже перебрался в Литву и сотрудничал с Каунасским (1923-1940) и Вильнюсским (1940-1950; 1958-1963) университетами.

⁴ В. Шилкарский (1884-1960) – до революции был профессором Юрьевского (Дерптского) университета, после перебрался в Ковенский университет, а затем – в Бонн.

рой. Рамки статьи ограничивают возможности комплексного анализа данной проблемы и заставляют сконцентрироваться на концепции одного философа – Карсавина, «литовское» наследие которого отечественному исследователю недоступно. Подобное сужение проблемы является недостатком, исправить который планируется в дальнейших исследованиях.

Лев Платонович Карсавин родился в 1882 г. в Санкт-Петербурге. Он был вторым ребёнком в семье артиста Мариинского театра Платона Карсавина и Анны Карсавиной, в девичестве Хомяковой. Его старшая сестра Тамара Карсавина – известная балерина. После окончания с золотой медалью Пятой петербургской гимназии, в которой он учился в 1892-1901 гг., Карсавин поступает на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1906 г. молодой учёный с отличием оканчивает университет, и его оставляют на кафедре всеобщей истории. Магистерская (1912) и докторская (1915) диссертации позволяют Карсавину войти в элиту российской исторической науки.

События семнадцатого года заставляют его перейти к активной философской, а позже – и политической деятельности: он участвует в движении евразийцев, формулирует его философскую базу, разрабатывает идеологию. Раскол и кризис евразийства, спровоцированный, по мнению многих исследователей, самим Карсавиным, совпавший с этими событиями переезд философа в Литву заставил его отойти от активной политической борьбы, вернуться к философским и историческим занятиям. Годы, проведённые в Литве, для Карсавина-учёного были крайне плодотворны: он выпускает на русском языке свои главные философские сочинения («О личности», «Поэма о смерти»). Философско-исторические идеи реализуются в работах, написанных по-литовски (это пятитомная «Europos kultūros istorija» («История европейской культуры») и сохранившаяся в рукописи «Метафизическое бытие»⁵), изданных в 1920-е годы Литовским Союзом литовской государственности после Второй мировой войны поставило крест на относительно свободной и спокойной жизни русских эмигрантов. В 1949 г. Карсавина арестовывают и приговаривают к 10 годам лишения свободы. В 1952 г. он умирает в инвалидном лагере Абезь (Коми АССР).

В данной статье делается попытка понять философию культуры Карсавина как традиционалистскую и продемонстрировать единство его общественно-политических проектов и взглядов на методологию науки. Размышления об идеократической перспективе русской культуры только на первый взгляд имеют мало общего с предпринятым в литовский период фундаментальным исследованием истории западноевропейского средневековья. На деле их объединяет общее, предопределяемое религи-

⁵ Это название условно: сама рукопись (519 машинописных страниц, дополненных и исправленных рукой автора) не закончена и не озаглавлена.

озной традицией (конфессиональностью) понимание природы человека, власти, общества⁶.

Карсавину, несомненно, близка идея связи социальных институтов с определёнными доктринами, которые, по определению другого крупного традиционалиста – Рене Генона, «оправдание своего существования видят в более или менее непосредственной, но всегда осознаваемой зависимости» от религиозной или метафизической системы [1, с.21]. Карсавин – религиозный философ, для которого Бог умирает в человеке, с тем чтобы человек умер в Боге, приблизившись к нему через строгую иерархическую структуру различных подсистем, называемых личностями (класс, народ, церковь). Культура в карсавинской трактовке также является личностью, воплощающей высшую идею. Поэтому в своей специфичности всякая культура выражает в доступной ей форме всё человечество. Необходимым условием самовыражения культуры становится универсальный для Карсавина и оформившийся в рамках его метафизики принцип жертвенности. Диалектика бытия-небытия становится не только метафизическим принципом, описывающим взаимоотношения Бога и человека, но и алгоритмом развития всех социальных общностей, методологическим принципом исторического исследования.

Карсавин всегда считал каждую культуру неповторимым выражением Абсолюта, его воплощением в структурах реальной истории. Поэтому и в прошлом, и в будущем он не представляет культуру вне Церкви, выражающей себя «во всех сторонах жизни и развития человечества» [7, с.352]. По мнению А.Л. Ястребицкой, именно это делает возможным разговор «о религии, религиозности, церкви как историко-культурном феномене, который не следует игнорировать ни в ходе изучения исторического процесса, ни в общественно-политической практике» [10, с.58]. Карсавин и во времена бурной общественно-политической деятельности в Париже, и в своих научных работах в Литве сохранял верность этому принципу, признавая важность всех культур и считая их многообразие результатом неспособности любой традиции целиком и полностью реализовать в себе Абсолют.

Именно *тварность, потенциальность, греховность* человека приводит к появлению *самобытности* (самостоятельного, оторванного от подлинного бытия существования). Самобытность культуры порождается ограниченностью человеческой природы. Поэтому, говоря о русском народе как субъекте русской культуры и государственности, Карсавин не придает этому термину этнологического смысла: для него русский народ есть единство «частью существующих, частью исчезнувших, частью на наших глазах определяющихся или ожидающих самоопределения в будущем народностей, соподчиненных – пока что – великороссийской» [3, с.65]. Анализируя развитие европейской культуры, Карсавин также утверждает во всех своих исследованиях примат религии над го-

⁶ Карсавин это прямо признаёт, указывая на разработанное им учение о личности как методологию «Истории...» [11, т.2, р.116].

сударственностью: для него история европейской культуры есть история западного христианства. Становление культуры в его концепции превращается в раскрытие некоего *всепространственного* и *всевременного* субъекта (церкви), а эффективность этого процесса предопределяется близостью традиции к Абсолюту как её истоку. Принципиальная неполнота, ограниченность культур делает их взаимодействие необходимым фактором развития, так как даже *русская идея* для Карсавина определима лишь в диалоге с западной и восточной традицией.

По Карсавину, основой русской самобытности является восточное христианство, которое с VIII века и донныне пребывает в состоянии потенциальности, что вызвано ориентацией на охранительный вариант развития, доминирующий в православии после раскола церквей. Перешедшее по наследству от Византии к русской культуре это качество трансформировалось в то, что Карсавин называет исконной, органической русской пассивностью. Европейская культура также превращается в самостоятельный культурный феномен в VIII веке [11, т.2], но реализуются в нём иные тенденции (активность, экспансивность). Пассивность русской культуры не объясняется спецификой национального характера и последствиями крепостного права, но, напротив, выводится из характерной для России устремленности к абсолютному, которое из-за своей недоступности «как-то отчетливее воспринимается сквозь дымку дремы, окутывающей конкретную действительность» [3, с.111]. Божеское устройство мира должно основываться не на *соглашении* человека с человеком (*горизонталь*), а на *согласии* всех людей с высшими метафизическими принципами (*вертикаль*). В карсавинской интерпретации именно эта связь с высшими принципами скрепляет общество, определяя содержание понятия *соборность*, противопоставляемого *парламентаризму*, идея которого вне религии и поэтому не легитимна. Не был Карсавин и апологетом тоталитаризма, появление которого на русской почве он не без оснований связывает с «европеизацией» самой русской государственности, доведенной до «идеально сухой формулы коммунизма» [2, с.372]. Напротив, искомый Карсавиным путь России должен содержать в себе совершенно иные основания и, по его мнению, будет проходить «не через растворение народностей в первичном смешении, а через развитие и раскрытие народностей» – их *симфоническое* (в духе средневековья) единство [4, с.99].

Для Карсавина на любом этапе его творчества была неприемлема идея «автономной» – вне метафизики и религии – морали. Напротив, внутренняя логика традиционализма требовала от него признания не только морали, но всего социального порядка *вторичным* по отношению к доктрине, что, в оценке Генона, является и отличительной чертой, и достоинством «раннего Христианства, которое может быть названо "интегральным" и которое в те времена ещё предполагало метафизическую реализацию» [1, с.39]. Это замечание европейского традиционалиста позволяет понять, что роднит карсавинское видение европейского сред-

невековья с принципами идеократии: идея безусловной, абсолютно легитимной, сакральной связи всех компонентов общества, их подчинённости высшему началу. Современная Европа единство с традиционными доктринами утратила почти полностью. Связь с ними в религиозном элементе сохраняется отчасти и извращённо: религия черпает свою легитимность в социальном порядке, а не наоборот. На смену теократической идее «Священной империи» приходит идея «государственной религии». Сравнение рационалистических западноевропейских утопий с теократическими проектами Карсавина чётко показывает, что для русского философа мир, построенный на знании в ущерб вере, превращается в антимир, антиутопию. Методологическим фундаментом подобных рассуждений является представление о принципиальной неполноте исключительно научного, «изолирующего» понимания мира [5]. Всякая разъединённость является злом, поскольку понимается как раскол, распад исходного всеединства. Это объясняет, почему оформление самостоятельной светской культуры на закате средневековья Карсавин оценивает как неизбежный, но негативный процесс [11]. Построения русского философа – попытка интерпретировать в эсхатологическом ключе процессы, сопровождавшие переход к Возрождению, суть которого ему видится в деградации *символа*, потерявшего религиозную легитимность. Об этом, правда, избегая апокалиптических интонаций, говорит и М. Фуко, разглядевший зарю Ренессанса в распаде готической символики: «мир готики с его завязанными в тугой узел духовными значениями начинает словно бы затуманиваться», готические формы «умолкают, перестают вещать, взывать и наставлять» [9, с.38]. Но если для Фуко этот процесс вызван к жизни перегрузкой, разрастанием символа, то для Карсавина это прямое следствие его обеднения, отрыва от того, что он призван символизировать, и созиданию нового общества, нового социального порядка должно предшествовать восстановление этой связи и её сакрализация.

Это не значит, что идеал общественного развития отрицает всё то, что не является *буквально* церковным. Он подразумевает в себе развитие всех своих аспектов с той лишь оговоркой, что «Церковь и есть всяческое, т.е. и государственное, и культурное, и религиозное, и церковное всеединство», которое нельзя создать «путем уничтожения культурных, национальных, религиозных и других особенностей» [3, с.121]. Это значит, что ни одна из существующих ныне культур не выражает идеала общественно-политического развития полностью. Существование такого универсального и, как следствие, абстрактного оптимального идеала, по Карсавину, и невозможно, поскольку даже в совершенном виде всякая традиция, являясь моментом, будет хотя и полным, но в то же время односторонним воплощением всеединства.

Осуществление цели человечества, таким образом, возможно «только через осуществление и целей данной культуры и данного народа, а эти цели, в свою очередь, осуществимы лишь через полное осуществле-

ние каждым его собственного идеального задания во всякий и прежде всего в данный момент его бытия» [3, с.130]: всё это означает не отрицание западной цивилизации (этот путь – тупиковый), а продолжение начатого Западом построения общечеловеческой цивилизации на основе собственной традиции.

Это возможно для Карсавина при опоре на государство, воспринимаемое «как форма единства некоторого народного или многонародного культурного целого» [7, с.424]. Примером такого единства в прошлом можно считать «Священную империю» Карла Великого, реализовавшую идею Града Божьего на земле в форме теократического государства; его достижение в будущем для Карсавина возможно на путях идеократии. Сближение понятий культуры и государства характерно не только для карсавинских построений и имеет в русской историософии определенную традицию: К. Леонтьев, исходя из определения формы (в том числе и государственной) как выражения *деспотизма внутренней идеи*, приходит к признанию того, что «государственная форма у каждой нации, у каждого общества своя; она в главной основе неизменна» [8, с.80]. Следуя духу традиционализма, Карсавин не только связывает понятия Церкви и культуры, но и определяет их иерархию, указывая при помощи Церкви государству на его идеальную задачу, используя религиозную философию в качестве инструмента познания *русской идеи*, в основании которой идея единой, вселенской Церкви. Отстав от этого движения, Россия или «раскроет только <...> своё, т.е. подобно Западу – ограниченно актуализирует всеединство», или «останется на распутьи в состоянии потенциальности, упорно ли не приемля чужого в закостенелости староверия или в чужом теряя свое, обезличиваясь в европеизации, в том и в другом случае погибая» [3, с.124].

В этих словах отчетливо звучит утверждение Карсавиным особой роли русской культуры в мировом общественно-историческом процессе, исполнение которой подразумевает наиболее полную актуализацию всех моментов, что заставляет его делать акцент на православии и идеократии как модели государственного устройства, реализующего эту культуру наиболее полно. Из этого следует, что «государство и есть необходимая форма личного бытия для всякого соборного субъекта» [7, с.430]. Нашему миру, по Карсавину, свойственно противоречие, в нем существует трагический разлад. Его преодоление возможно при согласованности действий Церкви и государства, определяемой как *симфония*. Можно говорить лишь об определенном приближении к этому идеальному по своей природе состоянию. Для достижения такого состояния в настоящем и будущем необходимо сделать Церковь «деятельным и действительным соучастником всей культурной жизни» [7, с.439] и иначе по сравнению с католичеством определить ее место, избежав отношения к эмпирическому бытию как к средству, к чему-то, не ценному само по себе. В этих глубоко утопических проектах, реализация которых должна была бы создать предпосылки нового государственного устройства, сходятся все философские, религиозные, исторические взгляды мыслителя. Оче-

нивая большевизм с этой позиции, он считает его индивидуализацией «некоторых стихийных стремлений русского народа, часто в виде деформированной западной идеологии» [6, с.310].

В идеократических построениях Карсавина нам видится постановка реальных проблем, вызванных к жизни модернизацией российского общества на рубеже XX века. Карсавинская версия традиционализма в действительности не изоляционизм, но попытка диалога с европейской цивилизацией, попытка замещения традиции ценностями современной цивилизации и идея, способствующая становлению новой концепции национального самосознания и формированию новых парадигм гуманитарных наук.

Список литературы

1. *Генон Р.* Очерки метафизики и традиции. СПб., 2000.
2. *Карсавин Л.П.* А.С. Хомяков // Карсавин Л.П. Малые сочинения. СПб., 1994.
3. *Карсавин Л.П.* Восток, запад и русская идея // Историк-медиевист – Лев Платонович Карсавин. М., 1991.
4. *Карсавин Л.П.* Ответ на статью Н.А.Бердяева об «евразийцах» // Путь. 1926. №2.
5. *Карсавин Л.П.* По поводу рефлексологии и споров вокруг неё // Культурный слой. Калининград. 2001. Вып.2.
6. *Карсавин Л.П.* Философия истории. СПб., 1993.
7. *Карсавин Л.П.* Церковь, личность и государство // Карсавин Л.П. Малые сочинения. СПб., 1994.
8. *Леонтьев К.* Византизм и Славянство // Леонтьев К. Избранное. М., 1993.
9. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997.
10. *Ястребицкая А.Л.* Л.П.Карсавин об изучении истории и современная медиевистика // Историк-медиевист – Лев Платонович Карсавин. М., 1991.
11. *Karsavinas L.* Europos kultūros istorija. Vilnius, 1991-1998. T.1-5.

РАЗДЕЛ 4

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

И.О. Дементьев (Калининград, Россия)

ПЯТЫЙ МАГИСТР ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА КОНРАД ТЮРИНГСКИЙ И ЕГО БЛИЖАЙШИЕ РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ

В ранней истории Тевтонского ордена найдётся немного значительных должностных лиц, принадлежавших к высшей европейской знати. Одно из исключений – пятый великий магистр ордена Конрад, ландграф Тюрингский (ок. 1204 или 1206/7 – 1240) – младший сын Германа I (ок. 1155-1217), пфальцграфа Саксонского и ландграфа Тюрингского, от второго брака – с Софией Баварской (ум. 1232 или 1238) [2, I-1, S.179].

Конрад вступил в Тевтонский орден в Марбурге в 1234 г., по словам орденского хрониста Петра из Дусбурга, «со всей придворной братией» [1, с.15]. Среди этой вдохновлённой примером сюзерена братии был и вассал ландграфа Конрад фон Тирберг, ставший магистром Тевтонского ордена в Пруссии в 1274-1279 гг. [1, с.303]. Пётр передаёт нам случай из жизни «сиятельного ландграфа» в миру: взяв город Фрицлар силой, ландграф позже настолько сильно раскаивался в этом, что «решил понести наказание, так что босым и с непокрытой головой пошёл во главе процессии в упомянутом городе и встал перед воротами церкви, протягивая посох, который держал в руке, людям, чтобы каждый вволю побил его. Никто к нему, однако, не прикоснулся, кроме одной старухи, нанёсшей ему много ударов» [1, с.192]. Путь в орден ландграфу указал сам папа Григорий IX.

Конрад стал великим магистром в 1239 г. после смерти предшественника – знаменитого Германа фон Зальца. Руководство Конрада приходится на ранний этап орденской экспансии в Прибалтике; именно он назначил в Пруссию магистром Поппо фон Остерна, который основал замок Бальгу и возвёл ещё ряд укреплений, для того чтобы предотвратить вторжение монголов [3, р.32-33].

Пятый великий магистр умер в Риме 24 июля 1240 г. [1, с.192; 3, р.33], останки его были перевезены в Марбург и захоронены в церкви Святой Елизаветы. В этой церкви сохранился скульптурный портрет великого магистра.

Брат Конрада и его жена. Братом и наследником ландграфства был Людвиг IV Тюрингский (1200-1227), муж Св. Елизаветы (1207-1231), канонизированной в 1235 г. [1, с.334; 3, р.32]. Елизавета была прислана к будущему мужу в возрасте четырёх лет, т.е. в 1211 г. [3, р.411]. Она от-

личалась необыкновенной добродетельностью и подарила супругу троих детей – наследника ландграфства Германа, Софию, герцогиню Брабантскую и ещё одну дочь, которая окончила свои дни аббатисой в Ольденбурге [3, p.411]. Елизавета работала для бедных, раздавала им зерно, сама жила некоторое время в крайней нищете. Рано овдовев, она довольно быстро последовала за супругом – скончалась 19 ноября 1231 г. (день её памяти) и была похоронена в Марбурге. Канонизация Елизаветы произошла во многом благодаря хлопотам великих магистров – Германа фон Зальца и Конрада Тюрингского.

Сёстры Конрада. Одна сестра Конрада – Агнесса (ум. до 1247) – была в первом браке супругой Генриха, принца Австрийского (1208-1228) [2, I-1, S.116], а потом стала второй женой Альбрехта II Аскания, герцога Саксен-Виттенбергского (ум. 1261) [2, I-1, S.159]. У Агнессы были дети от обоих браков. С Асканиями связана и судьба другой сестры магистра – Ирмгард (ум. ок. 1244), которая стала женой Генриха I, графа Анхальтского (ум. 1252) [2, I-2, S.332].

У Конрада была также сводная сестра по отцу – Ютта Тюрингская (ум. 1235), которая вышла замуж за Дитриха III, маркграфа Майсенского (ум. 1221). Их сын и племянник магистра Генрих III (ум. 1288) стал маркграфом Тюрингским [2, I-1, S.185].

Родственники Конрада по отцовской линии. Отец пятого магистра – Герман I – был, в свою очередь, сыном ландграфа Тюрингского Людвига II Железного (1128-1172) и Ютты фон Гогенштауфен (ум. 1191). Семейство Гогенштауфенов прославилось благодаря сводному брату Ютты – Фридриху фон Барбароссе. Таким образом, магистр ордена приходился внучатым племянником самому известному германскому императору и правнуком Фридриху II, герцогу Швабскому [2, I-1, S.17].

Братом Германа I был Фридрих Тюрингский (ум. 1229), граф фон Цигенхайн и Вегебах. Его дочь Юдит Тюрингская (ум. 1220) вышла замуж за Фридриха II Веттина (ум. 1221), графа цу Веттин-Брена [2, I-1, S.184]. Фридрих II вступил в другой знаменитый рыцарский орден – Тамплиеров – и погиб в Святой Земле. Ему наследовал сын Дитрих I (ум. 1266/1267), приходившийся пятому магистру двоюродным племянником. Семейная история Дитриха связана с судьбой Прибалтики. Женившись на Евдокии, он стал зятем Конрада, герцога Мазовецкого (ум. 1247), пригласившего в Пруссию тевтонских рыцарей.

Наконец, сестра Германа I – Ютта – вышла замуж за второго графа фон Равенсберг Германа (ум. 1221) [2, I-2, S.487]. Их сын и кузен пятого магистра Людвиг (ум. 1249) стал также графом Равенсберг-Билефельд, за которым следует вереница потомков с графским титулом.

Дальние родственники Конрада по отцовской линии. По другой линии Конрад становится родственником богемских королей. Сестра Людвига II Железного – Ютта Тюрингская (ум. после 1174) – вышла замуж за Владислава II (ум. 1175), короля Богемии. Их сыном был король Оттокар I Пршемысл (1155-1230) [2, I-1, S.82]; тот, в свою очередь, стал отцом следующего короля – Вацлава I (1205-1253) – и дедом Оттокара II

Пршемысла, в честь которого был назван основанный рыцарями ордена замок в устье Прегеля – Кёнигсберг. Король Богемии Оттокар II (1230-1278), таким образом, приходится троюродным племянником пятому магистру Тевтонского ордена.

Линия графов Тюрингских восходит к прапрапрадеду пятого магистра Тевтонского ордена Людвигу I Бородатому (ум. 1080): традиция устанавливает его происхождение не то от Каролингов, не то от бургундских королей Вельфов [2, I-1, S.178]. Магистр происходит от сына основателя рода – Людвигу II (ум. 1123), ставшего дедом Людвигу II Железному. Но у родоначальника была также дочь – Хильдегарда, вышедшая замуж за Поппо I, графа Хеннебергского и бургграфа Вюрцбургского [2, I-1, S.173]. Семейная чета дала жизнь целой цепи графов: сын Поппо Гудебольд II стал отцом Бертольда I, тот – Поппо VI, последний – Поппо VII. Поппо VII (ум. 1245), кстати, во втором браке был женат на сводной сестре пятого магистра Ютте Тюрингской [2, I-1, S.174]. Сам Поппо VII приходился Конраду в то же время братом в пятом колене.

На этом не оканчивается линия графов фон Хеннеберг. Поппо VII имел сына от первого брака – Генриха III, графа цу Хартенберг-Шлойзинген (ум. 1262). Вся эта семья тесно связана с Тевтонским орденом. Генрих III вступил в брак с Софией фон Майссен-Веттин и стал отцом Бертольда V, Германа II фон Хеннеберг и Генриха IV фон Хартенберг. Бертольд V (ум. 1284) имел сыновей-рыцарей: Бертольда VI (ум. 1330), приора ордена Иоаннитов в Польше и Богемии, и Генриха VII, комтура Тевтонского ордена. Герман II (ум. 1292), в свою очередь, стал отцом Бертольда VIII, комтура Тевтонского ордена в Нюрнберге, и Поппо X (ум. 1361), комтура Тевтонского ордена во Франконии. Наконец, третий брат – Генрих IV (1252-1317), граф цу Хартенберг, также стал отцом рыцаря Тевтонского ордена – Генриха V [2, I-1, S.175-176].

Родственники Конрада по материнской линии: дяди и тётки. Мать пятого магистра – София Баварская (ум. 1238) – была дочерью Оттона I (ум. 1183), герцога Баварского, и Агнессы фон Лооц-Ринек (ум. ок. 1192) [2, I-1, S.119]. В семье баварского герцога было несколько детей, чье потомство тесно переплетается в веках.

Оттону наследовал его сын Людвиг I (1174-1231), женатый, кстати, на Людмиле Богемской, племяннице короля Оттокара I [2, I-1, S.81]. Их сын – кузен пятого магистра – Оттон II (1206-1253) стал герцогом Баварским в 1231 г., а его отпрыск – Людвиг II (1229-1294) – женился на Матильде, дочери короля Рудольфа I, и таким образом соединился с фамилией Габсбургов [2, I-1, S.120].

Другая дочь Оттона I – Хайлика – вышла замуж за Адальберта II, графа фон Диллингена, прародителя династии графов Вюртембергских [2, I-2, S.256]. По этой же линии возникает связь с другой влиятельной семьёй, обосновавшейся позже в Пруссии, – Гогенцоллернами. Сын Адальберта и Хайлики граф Гартман IV фон Диллинген (ум. 1258) стал отцом Удильхильды, приходившейся пятому магистру Тевтонского ордена двоюродной племянницей. Удильхильда вышла замуж за Фридриха

V цу Хехинген (ум. 1289), сына графа Фридриха IV Гогенцоллерна, бурграфу Нюрнбергского, известного своим прозвищем «Адмирал» [2, I-1, S.245]. От брачного союза Фридриха V и Удильхильды фон Диллинген происходит целая линия Гогенцоллернов – графов фон Хехинген.

Наконец, ещё одна дочь баварского герцога Оттона I и тётка пятого магистра – Рихардис фон Виттельсбах (ум. в 1231 г. как аббатиса цу Рёрмунд). Рихардис вышла замуж за Оттона I, графа фон Гельдерн-Цютпфен (ум. 1207) [2, II-1, S.2]. Среди их детей – кузенов пятого магистра – следующий граф фон Гельдерн-Цютпфен Герхард IV (ум. 1229) и дочери Адельгейда, Матильда и Ирмгард. Адельгейда (ум. 1218) стала первой женой Вильгельма I (ум. 1222), графа Голландского и участника третьего крестового похода вместе с Фридрихом Барбароссой в 1189-1191 гг. [2, II-1, S.8]. Сын Вильгельма и Адельгейды – Флоренц IV (1210-1234) – наследовал отцу и стал посредством дочери основателем династии графов фон Геннегау [2, I-1, S.9]. Ещё одна дочь Оттона фон Гельдерн-Цютпфен и кузина пятого магистра – Матильда, вышедшая замуж за Генриха II, графа Нассауского (ум. 1251) [2, I-2, S.307]; двоюродные племянники магистра Вальрам II и Оттон I стали графами Нассауские. Последняя кузина Ирмгард (ум. после 1230) вышла замуж за Адольфа I фон Берга (ум. 1249), графа фон Марк-Альтена [2, I-2, S.480].

Дальние родственники Конрада по материнской линии. Дед Конрада Оттон, герцог Баварский, был сыном Оттона IV, графа фон Виттельсбах (ум. 1156) и его кузины Эйлики фон Бургленгенфельд. Граф фон Виттельсбах, принадлежавший к династии Луитпольдинеров, также сопровождал Барбароссу, но на сей раз в Италии в 1154/1155 гг. [2, I-1, S.119]. Помимо Оттона Баварского он имел также дочь Гедвигу (ум. 1174), вышедшую за графа фон Андекс Берхтольда V (ум. 1188) [2, I-1, S.118].

Среди их детей – наследник Берхтольд VI (ум. 1204), герцог Меранский, граф фон Андекс, женатый на Агнессе фон Майсен из дома Веттинов; дочери София и Кунигунда. София (ум. 1218) вышла за графа фон Хеннеберг Поппо VI. Таким образом, соединились две линии: пятый магистр ордена был одновременно двоюродным племянником Софии фон Андекс и четвероюродным племянником её мужа (см. выше) [2, I-1, S.173]. Кунигунда, другая дочь Берхтольда V, стала супругой Эберхарда II фон Эберштейна и родоначальницей множества домов.

Таким образом, Конрад, ландграф Тюрингский, тесно связан родственными узами с целым рядом германских фамилий; среди его ближайших родственников – основатели нескольких родовитых семей. По знатности с ним можно сопоставить лишь нескольких великих магистров – 18-го магистра Лютера Брауншвейгского (в 1330-1335 гг.), 36-го – Фридриха Саксонского (в 1498-1510 гг.) и 37-го – Альбрехта Бранденбургского (в 1510-1568 гг.). Из них Фридрих Саксонский был сыном Альбрехта, герцога Майсенского, и через него прапрапрапраправнуком Генриха III, маркграфа Тюрингского, уже известного нам как племянника пятого магистра Конрада [2, I-1, S.191]. Таким образом, Фрид-

рих Саксонский, занявший в 1498 г. пост великого магистра Тевтонского ордена, приходился пятому магистру племянником в девятом колене.

Список литературы

1. *Пётр* из Дусбурга. Хроника земли Прусской / Пер., статья, прим. В.И.Магузовой. М.: Ладомир, 1997.
2. *Erzählende genealogische Stammtafeln zur europäischen Geschichte* / verfaßt und zusammengestellt von A.Thiele. Frankfurt: R.G.Fischer Verlag, 1992 (в ссылках римской и арабской цифрами указываются номер тома и полутома).
3. *Salles F. Annales de l'Ordre Teutonique ou de Sainte-Marie-de-Jérusalem*. Genève-Paris: Editions Statkine, 1986.

Схема родственных связей Фридриха Барбароссы и Конрада Тюрингского

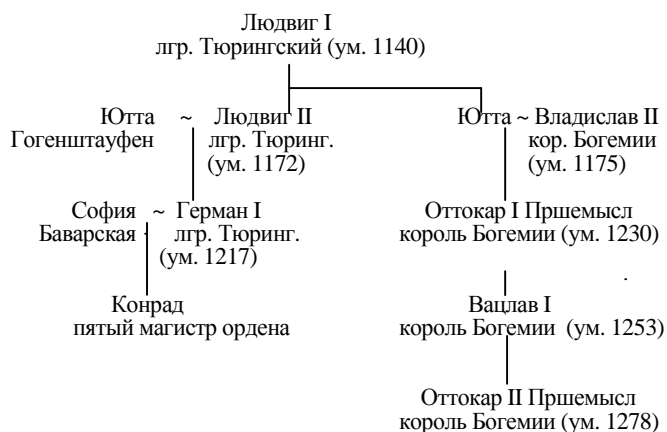

Схема родственных связей Оттокара II и Конрада Тюрингского

А. С. Новиков (Калининград, Россия)

**ЗАВОЕВАНИЕ СУДОВИИ В ПРУССКИХ ЛЕГЕНДАХ
(«ЛЕГЕНДА О КОЛОННЕ ЧЕТЫРЁХ БРАТЬЕВ»)**

Изучение так называемых «пруссских легенд» – одно из наименее разработанных направлений краеведения. Между тем многие из них являются отражением реальных фактов, в том числе «Легенда о колонне четырёх братьев», которая впервые переводится полностью на русский язык:

«В Фитхаузенской, или Капорской, пустоши, неподалеку от Кёнигсберга, стоит деревянный, высотой в 12 локтей столб, который называется “Столбом четырёх братьев”. От его высокой верхушки отходят крест-накрест четыре ответвления, каждое из которых несёт бородатую голову в шлеме. Все головы обращены к вершине столба, над которой возвышается куполообразное навершие. Однако истории неизвестно, что должны означать эти головы, да и легенда рассказывает об этом немного. В 1295 г. – так повествуют некоторые – остановились для трапезы отправившиеся в путь Мартин фон Голин, храбрый рыцарь Ордена, со своими четырьмя товарищами по оружию: Дюфелем, Стобемелем, Кударом и Накаймом. Как только они беспечно принялись за трапезу, на них внезапно напал отряд судафов и сразил четырёх из них, прежде чем они вскочили и смогли защищаться. Лишь Голин с трудом ускользнул. Он доставил Ордену траурное известие и потребовал кроваво отомстить судавам. На месте смерти своих сражённых товарищей по оружию он установил чёрный крест. Позднее ландмейстер Кверфурт вместо него воздвиг столб.

Другое предание говорит так: будучи из-за [своей] гордости уверенными в победе, братья Ордена в своём первом походе против судафов вывели в поле небольшое войско и потерпели серьёзное поражение. Мстя за это, четыре знатных брата Ордена – Мартин Голин, Конрад Енткин, Якоб Стобемел и Малахиас Кобленц – с храбрым отрядом ночью проникли в Судовию, где они убили 90 знатных особ этой земли, которые спали, опьянев на пиру, и унесли богатую добычу. В память об этом смелом деле четырёх братьев Ордена и установили этот столб.

Некоторые также говорят, что на этом месте были казнены четверо братьев, другие, напротив [утверждают], что четыре брата разошлись отсюда [путешествовать] по миру и [спустя] время должны здесь встретиться. Таких преданий множество.

Государственный округ в Капорне был вынужден вновь восстановить столб, который был повален или повреждён; при этом раньше су-

ществовали [выполняемые] четыре [раза] церемонии, которые теперь устарели, а именно: работники, которые должны были [что-либо] строить у столба, [должны были] прежде всего торжественно кланяться ему» [8, S. 88].

Столб, с которым связывается приведённая выше легенда, действительно существовал. Он был воздвигнут в 1620 г. в районе Капонирской пустоши – местности между Фитхаузенем и Меденом (современные Приморск и Логвино). В 1898 г. он был заменён бетонным обелиском с поясными портретами героев и стихотворным посвящением им. Его сегодняшняя судьба неизвестна [2, с. 128, 130; 6, с. 149]. Сама легенда, как видно из её содержания, состоит из нескольких вариантов, первые два из которых могут быть атрибутированы как искажение некоторых сообщений хроники о наёмниках Ордена, т.е. крещёных пруссах, выступавших на его стороне против своих соотечественников с целью наживы. Имена героев этого варианта соотносятся следующим образом: Мартин фон Голина – с Мартином из Голина (причём его социальный статус неизвестен), Дюфель – с Конрадом «по прозвищу Дьявол», Стобемел – с Стовемелем, Кудар – с «Кударом из Судовии» [4, с.130]. «Этот Мартин с четырьмя мужами тевтонскими и 11 пруссами захватил одну деревню в земле Судовии, взяв в плен и убив людей. И когда, <...> сидя за столом с товарищами своими, он подкреплялся после битвы, враги, внезапно напав на него, убили четырёх его товарищей-тевтонов; прочие спаслись <...>. После этого судовы сильно возрадовались; Мартин же, разгневанный, бродил по лесу, пока не созвал своих уцелевших товарищей <...>. Ему удалось, когда враги спали, выкрасть у них щиты, мечи и копья, завладев которыми, он подкрался со своими людьми и убил всех на ложе их <...>. И вот с прежней добычей и оружием упомянутых язычников и прочим он вернулся» [4, с. 130]. Из текста хроники следует, что погибли некие «тевтоны», а не пруссы-наёмники, кроме того, их гибель была отомщена. Второй вариант легенды можно сопоставить со следующим сообщением хроники: около 1286 г. «один литвин по имени Пелусе <...> пришёл к братьям (Ордена. – *A.H.*) в землю Самбии», будучи обижен одним литовским «корольком». За это он провёл «Мартина из Голина, Конрада по прозвищу Дьявол и одного человека по имени Стовемел и 20 других смелых людей» к усадьбе своего обидчика. «Когда они подошли к усадьбе <...>, то выяснили, что туда на свадьбу были приглашены почти все соседние нобили королевства Литвы, и когда по обычаю они все, охмелев, покоились на ложе, те напали на них и убили 70 корольков с хозяином, не считая прочих <...>. Жениха и невесту и жён корольков с чадами и домочадцами и сто коней с золотом и серебром и со всей домашней утварью они увели» [4, с. 140-141]. Как видно, и здесь текст хроники значительно искажён легендой: местом действия на самом деле была Литва (атрибутировать Конрада Енткина и Малахиаса Кобленца не удалось).

Тем не менее можно проследить возникновение легенды, если обратить внимание на то, что оба варианта связаны с этнонимом «судовы».

Этот народ занимал вплоть до конца XIII в. обширные территории По-неманья и Побужья. Не будучи этническими пруссами (т.е. жителями Самбии и соседних с нею земель), они были пруссами в политическом смысле – как одна из племенных группировок, населявших территорию между Вислой и Неманом [5, с. 21] (вопрос о соотношении этнонимов «судовы», «ятвяги», «дейнове», «полешане» здесь не рассматриваются). Покорением судовов в 1283 г. было закончено покорение Орденом Пруссии, после чего их земли на подконтрольной Ордену территории стали превращаться в пустыню, «которая должна была предохранять владения Ордена от внезапных нападений со стороны литовцев и поляков» [1, с. 26]. Сами судовы выселялись в Самбию [4, с. 136-137], образовав там так называемый «Судовский угол» [1, с.26; 2, с. 147] (в районе современного мыса Таран). На картах середины XVI в. это место обозначалось «Sudau» или «Sudaw», а с конца XVI до конца XVIII в. – как населённый пункт с аналогичным названием [7] (Шальбен – ныне п. Октябрьское Гурьевского р-на). Целями подобного компактного размещения были, вероятно, борьба с набегами литовцев через Куршскую косу, активизировавшимися с конца XIII в. [4, с. 36], и охрана янтарных промыслов. Знать судовов получила в Самбии земельные пожалования, поэтому представление о том, что судовы были вывезены «на безжизненные песчаные доны», где и «нашли свой конец» [2, с. 147], является неверным. Так, около 1288-1299 гг. магистром Пруссии Мейнхардом Кверфуртским судовскому нобиллю Гедете были пожалованы «земли близ Меденике в округе Варген в Самбии» [цит. по: 3, с. 286]. Это пожалование и стало, видимо, причиной появления легенды. Дате пожалования соответствует год одного из вариантов легенды (1295). Это год последнего прусского восстания [4, с. 153-154], и не исключено, что Гедете получил земли для закрепления его лояльности к Ордену. Память о магистре Мейнхарде фон Кверфурте стала причиной появления в легенде «ландмейстера Кверфурта» (это не мог быть Бруно фон Кверфурт, как полагает В.И. Кулаков [2, с. 128], – миссионер Бруно был убит пруссами ещё в 1009 г.). В легенде точно локализуется местность – Капорнская пуца, то есть «земли близ Меденике». В итоге можно сделать вывод, что легенда о «столбе четырёх братьев» возникла вследствие привязки одного эпизода войны с судовами из биографии Мартина из Голина к факту наличия в Самбии компактного поселения судовов и их земельных владений (следует также иметь в виду, что вдова Накама, товарища Мартина, вторично вышла замуж за самба [3, с. 286], а другой его товарищ – Кудар – сам происходит из Судовии). На это наложился другой эпизод биографии Мартина, на этот раз из войны с Литвой. Позднее это и повлекло за собой установку специального знака – «колонны четырёх братьев» – возможно, на месте знака границы владений (сомнительно, что на этом месте находился языческий идол, как предположил В.И. Кулаков [2, с. 130]). Всё это говорит о глубине следа, оставленного в истории Пруссии покорением Судовии.

Список литературы

1. *Зинкявичюс З.* Польско-явьяжский словарь? // Балто-славянские исследования, 1983. М., 1984.
2. *Кулаков В.И.* Дорогами Ульмеригии. Калининград, 2001.
3. *Матузова В.И.* Прусские нобили и Тевтонский орден (жалованные грамоты прусским нобилим и эпизоды «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга) // Древнейшие государства на территории СССР, 1982. М., 1984.
4. *Пётр из Дусбурга.* Хроника земли Прусской. М., 1997.
5. *Суворов В.С.* История Юго-Восточной Прибалтики в VI-XIII вв. (племена пруссов по материалам Калининградской области): Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1985.
6. *Hermanowski G.* Ostpreußen. Wegweiser durch ein unvergessens Land. Würzburg, 1989.
7. *Jäger E.* Prussia – Karten 1542-1810. Stuttgart, 1982.
8. *Ostpreußische Sagen / Hrsg. Von C.Hinze und U.Diederichs.* München, 1991.

К.А.Золошков (Калининград, Россия)

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛОЖЕНИЯ ПРОВИНЦИИ
ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ В ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ**

После революционных событий 1918 г. республиканское правительство одной из главных своих задач провозгласило создание новой конституции. Первый президент республики Ф.Эберт привлёк к подготовке проекта профессора государственного права Г.Прейса, считающегося в советской традиции сторонником умеренного либерализма. Политическим и государственным идеалом Прейса была американская конституционная модель [2, с.31-33]. Он утверждал, что главный порок германского государства в том, что оно «не воспитывало народ» для участия в политической жизни. По мнению Я.С.Драбкина, под «народом» Прейс подразумевал прежде всего буржуазию, оттеснённую юнкерством от «большой политики» [2, с.31]. Таким образом, Прейс вновь обозначил конфликт, возникший ещё в XIX веке [8, с.31-38].

Существенными чертами плана Прейса было стремление разделить Пруссию, объединить карликовые государства на юге, юго-западе и севере страны, а также усилить роль парламента, уменьшив тем самым влияние бюрократического аппарата. Однако ни Прейс, ни М. Вебер, ни другие высшие лица молодой республики не решались уничтожить традиционную прусскую бюрократию [2, с.33].

Чиновники сумели приобрести прочное положение в прусском ландтаге. Например, во фракции немецкой народной партии в 1919 г. они составляли 57%, в 1928 г. – 50%. Фракция демократов в 1919 г. имела в

своих рядах 38,4% чиновников, в 1928 г. – 37,9%. Рост их числа был существенным и в социал-демократической фракции: с 9,5% в 1919 г. до 19,2% в 1932 г. [13, S.267-297]. Таким образом, косная, в основной своей массе, чиновничья прослойка занимала значительное положение в ландтаге, что сказывалось на его работе.

Остро стоял вопрос о сохранении и развитии бюрократии, непосредственно связанный с управлением экономикой и политическим курсом всей Германии, для Пруссии и её восточной провинции имел всё же гораздо большее значение. Во-первых, потому, что необходимо было по-новому строить взаимоотношения с центральной властью и реформировать архаичные структуры – привести их в соответствие с республиканским строем, федеральными нормами, а главное – с демократическими принципами [10]. При этом сильным было желание максимально сохранить старую систему власти. Во-вторых, его разрешение требовало само положение Восточной Пруссии. В центральном и земельном правительствах должны были учитывать, что провинция может оказаться в центре вооружённого противостояния соседних государств. Оторванность от основной территории и бездействие центральных органов власти заставило восточнопруссского обер-президента Адольфа Торгиловича фон Батоцки-Фрибе в конце 1919 г. основать «Восточно-германскую народную службу» («Ostdeutsche Heimatdienst») или «Восточнопрусскую службу при имперском и государственном министерстве» для защиты интересов провинции перед государством. В марте 1920 г. служба создала Центральный комитет, председателем которого был избран Макс Шойбнер-Рихтер [11, S.86]. Как пишет У. Ширер, «он взял себе фамилию и титул жены и величал себя не иначе, как Макс Эрвин фон Шойбнер-Рихтер. Этот сомнительный тип, как и Розенберг, провёл большую часть жизни в прибалтийских провинциях России. После войны он вместе с другими беженцами переехал в Мюнхен, где вступил в нацистскую партию и сделался одним из приближённых Гитлера» [6, с.94]. Впоследствии фон Шойбнер-Рихтер принимал деятельное участие в подготовке «Пивного путча» и был убит при его подавлении.

После того, как стало ясно, что деятельность службы не приносит результатов, а правительство республики не принимает решительных шагов для изменения положения провинции, окружение Батоцкого и А.Виннига, к которому также принадлежал военный историк Г.Дельбрюк, высказало мнение, что на восточной границе нужно создать два федеративных государства (заметим, что Винниг имел опыт в международных делах и обладал широкими связями в прибалтийских государствах, так как занимал там должность генерального уполномоченного германского правительства [3, с.94]). Государства должны были охватывать территорию Восточной и Западной Пруссии в районе реки Нетце. Помимо этого, к Восточной Пруссии отходили бы Лифляндия и Курляндия, а к Западной – Силезия с административным округом Позень. Эти замыслы были поддержаны майором фон Виллизеном, начальником штаба Центрального ведомства пограничной охраны – отделение Вос-

ток. Однако положение Восточной Пруссии особо не оговаривалось; нерешённым оказался и вопрос о территориальном переустройстве.

Такое отношение к провинции центральных властей способствовало росту недовольства, главным образом среди высших лиц, которые поддержали Капповский путч. Однако население оказало отпор путчистам. В Кёнигсберге и Эльбинге были организованы стачечные комитеты. Особые надежды Каппа и Лютвица на Восточную Пруссию не оправдались [5, с.105]. В отечественной историографии до сих пор неоднозначно трактуется позиция обер-президента Восточной Пруссии, социал-демократа А. Виннига. Одни учёные полагают, что во время путча он занял нейтральную позицию [1, с.390]. Другие считают, что Винниг с первого же дня примкнул к путчу и даже заверил Каппа, что окажет полную поддержку «национальному движению», направленному против веймарского правительства. Такой же точки зрения придерживаются и некоторые немецкие историки [5, с.69,105; 9, S.37].

После окончательного установления режима Веймарской республики в 1919 – конце 1923 г. последовал период относительной стабилизации в экономической и политической жизни. Нормализовалась обстановка и в восточной провинции. Большую роль в этом сыграло принятие плана Дауэса, рассчитанного на крупных землевладельцев. Это было особенно важно для Восточной Пруссии, так как она была аграрным регионом с большой долей крупного землевладения. Однако в начале обсуждения плана Дауэса юнкеры резко выступили против: они опасались, что американский хлеб составит конкуренцию местному. Угрожая срывом плана Дауэса, восточнопруссские и заэльбские юнкеры требовали от правительства проведения выгодной крупным аграриям таможенной политики.

Большую роль в политической жизни Восточной Пруссии и всей Германии сыграл кризис, связанный с договором между прусским правительством и домом Гогенцоллернов. Предполагалось вернуть бывшим монархам десятки тысяч гектаров лучшей земли, замки, лесные угодья и т.д. В борьбу вокруг этого соглашения были втянуты и власти Восточной Пруссии. На них оказывали влияние различные политические силы. Межпартийные переговоры ничего не дали, правительство Брауна оказалось в кризисе. В конечном итоге вопрос был внесён на плебисцит, результаты которого позволили заключить с Гогенцоллернами так называемое «компромиссное соглашение», что было явным сдвигом вправо.

Со второй половины 1920-х гг. правительство Пруссии окончательно встало на правые позиции. Обыденным явлением становится практика чрезвычайных декретов и наступление на демократические права населения.

На политическое положение Пруссии влияли также национал-социалисты, которые «на начальном этапе пренебрегали северонемецкой областью» [12, S.15]. По словам некоторых немецких историков, Восточная Пруссия была им абсолютно «не известна» вплоть до 1928 г. [12, S.16]. По планам «левых» нацистов, или «штрассеристов»,

«Германия должна быть централизована и разбита на кантоны по швейцарскому образцу. Пруссия, отделённая от Рейнланда, Гессена, Ганновера и Шлезвиг-Гольштейна, утратила бы гегемонию и попросту прекратила бы своё существование» [7, с.114]. Естественно, это встретило отпор со стороны правительства Пруссии. Заметим, что Штрассер смог заручиться поддержкой на севере и востоке Германии ещё в 1924 г. Он и заложил основы политической организации нацистов в Пруссии [6, с.154]. Помимо гау в Восточной Пруссии был учреждён дополнительный гау в Данциге [6, с.150].

В 1929 г. сворачивается деятельность коммунального управления, сокращается финансирование общин. Одновременно был повышен налог на минеральные воды, что нанесло ущерб экономике провинции [4, с.138]. Кризис 1929-1930 гг. вызвал массовые забастовки сельскохозяйственных рабочих против попыток снижения заработной платы [4, с.142].

Тем не менее правительство страны проводило прежнюю аграрную политику; стремясь разрешить кризис, свои аграрные программы выдвинули СДПГ и НДП (1927). СДПГ предлагала изъять у помещиков за выкуп и передать в руки общин излишки земли свыше 750 га [4, с.84]. Программа встретила серьёзный отпор крупных землевладельцев.

На съезде НДП была принята «Демократическая аграрная программа». Демократы не покушались на помещичье землевладение. Одним из пунктов программы была активизация переселения малоземельных крестьян в районы восточнее Эльбы. Правительство же страны видело единственный выход из сложившейся ситуации в продолжении субсидирования крупных хозяйств.

Важнейшим событием, повлиявшим на политическое положение в Пруссии, был переворот в июле 1932 г. Вплоть до 1933 г. управление землёй основывалось на чрезвычайных декретах. Вместе с устранением социал-демократов это облегчало установление власти нацистов в провинции и делало невозможным создание «единого фронта». Несмотря на оторванность от остальной территории Германии, экономическую слабость (по данным министра продовольствия социал-демократа Шмидта, Восточная Пруссия в 1919 г. поставила всего 13% продовольствия от запланированного) и положение дотационного региона, провинция усилила своё положение в республике. Её верхушке удавалось существенно влиять на политику, проводимую правительством Германии. Например, в вопросах распределения бюджета, таможенных пошлин руководство Восточной Пруссии, отражавшее во многом интересы юнкерства, стремилось подчинить центральные власти своим интересам. Это видно на примере отношения дворян и крупных землевладельцев к плану Дауэса и соглашению с Гогенцоллернами. Таким образом, Восточная Пруссия увеличивала своё политическое влияние в стране, при этом сохраняя во многом архаичную экономическую структуру и неразвитость.

Другая немаловажная черта положения Восточной Пруссии в Германии заключалась в том, что провинциальные власти и население испыты-

тывали на себе влияние почти всех политических партий и общественных объединений. Они использовали аграрный кризис и трудное экономическое положение провинции для привлечения сторонников в самой Германии. Все эти условия вкупе обеспечили благоприятные условия для развития фашизма.

Список литературы

1. *Восточная Пруссия. С древнейших времён до конца Второй мировой войны: Ист. очерки. Документы. Материалы.* Калининград, 1996.
2. *Драбкин Я.С.* Становление Веймарской республики. М., 1978.
3. *Иностранная военная интервенция в Прибалтике 1917-1920.* М., 1988.
4. *Кульбакин В.Д.* Германская социал-демократия 1924-1932 гг. М., 1978.
5. *Панкевич Ф.И.* Капповский путч в Германии. М., 1972.
6. *Ширер У.* Взлёт и падение третьего рейха. М., 1991.
7. *Штрассер О.* Гитлер и я. Ростов-н/Д., 1999.
8. *Энгельс Ф.* Прусская конституция // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1955. Т. 4.
9. *Bitter G.* Die Preußische Regierung zu Königsberg. 1918-1945. Pautenberg, 1988.
10. *Bracher K.D.* Dualismus oder Gleichschaltung: Der Faktor Preußen in der Weimarer Republik // Die Weimarer Republik 1918-1933. Bundeszentrale für politische Bildung. Bonn, 1987. S.535-551.
11. *Grimm G.* Geschichte Ostpreußens 1895-1941 // Die Entwicklung der Region Königsberg. Kaliningrad-München, 1997.
12. *Höner S.* Der nationalsozialistische Zugriff auf Preußen. Preußischer Staat und nationalsozialistische Machteroberungsstrategie. 1928-1934. Bochum, 1984.
13. *Möller H.* Parlamentarismus in Preußen 1919-1932. Düsseldorf, 1981.

РАЗДЕЛ 5 ИСТОРИОГРАФИЯ И БИБЛИОГРАФИЯ

ТЕМАТИКА ДИПЛОМНЫХ РАБОТ ПО ИСТОРИИ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА, ЗАЩИЩЁННЫХ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ КГУ (1979-2001)¹

1979

Кафедра истории СССР. 1. *Воронов Б. В.* Образование и первые годы деятельности Западного речного пароходства 1956-1965 гг.; 2. *Катаев А.А.* История целлюлозно-бумажной промышленности Калининградской области (1945-1950).

1980

Кафедра истории СССР. 3. *Быкова Е.Н.* История Пионерской базы океанического рыболовного флота (1946-1965). 4. *Забоев А.С.* Становление и развитие системы народного образования в Калининградской области (1946-1950 гг.); 5. *Зубарев В.С.* Освоение калининградскими рыбаками промыслов Северной Атлантики (1945-1957 гг.); 6. *Черкашина О.В.* Роль МТС в укреплении колхозов Калининградской области (1946-1958 гг.).

1981

Кафедра истории советского общества. 7. *Вирковская М.А.* История Калининградского вагоностроительного завода (1946 - середина 1950-х гг.); 8. *Григорян И.В.* Культурное строительство Калининградской области в 1946-1950 гг.; 9. *Гусева З.А.* Развитие специализации и концентрации сельскохозяйственного производства в Калининградской области (1970-1980 гг.); 10. *Максименкова А.В.* Сельское хозяйство Калининградской области в девятой пятилетке (1971-1975 гг.); 11. *Никанорова О.С.* История становления и развития звероводческих совхозов Багратионовского района (1960-1980 гг.); 12. *Райкевич Е.Э.* Развитие материально-технической базы колхозов и совхозов Калининградской области в 1959-1980 гг.; 13. *Рыжкевич В.М.* История восстановления и развития Калининградского морского торгового порта в 1945-1955 гг.; 14. *Тетерятникова Е.В.* История развития МТС в Калининградской области (1946-1958 гг.). *Кафедра дореволюционной отечественной истории.* 15. *Роек Б.М.* Формирование и развитие системы профессионально-технического образования в Калининградской области.

1982

Кафедра истории советского общества. 16. *Зайцев О.А.* Учителя-орденоносцы Калининградской области; 17. *Лисицкая М.А.* История завода «Торгмаш»; 18. *Партём Н.В.* Сельское хозяйство Калининградской области

¹ Учтены 204 работы по истории Балтийского региона, защищённые на различных кафедрах исторического факультета Калининградского государственного университета, в том числе сочинения по древнейшей истории Юго-Восточной Прибалтики, истории Восточной Пруссии и Калининградской области, а также Польши, Литвы, древней Скандинавии, Дании, Швеции и Финляндии. Не учтены работы по общей истории Германии. Реестр составлен зав. кабинетом истории *А.В. Тимофеевым*. Большая часть работ хранится в кабинете истории КГУ.

в годы восьмой пятилетки (1966-1970 гг.); 19. *Рубцов Ю.А.* Участие Балтийского флота в Восточно-Прусской операции (историография); 20. *Черткова Е.Г.* История Калининградской базы тралового флота; 21. *Штейман В.А.* Движение за коммунистический труд на Калининградском вагоностроительном заводе. **Кафедра дореволюционной отечественной истории** 22. *Любкин С.Л.* Топография, планировка и вещевой материал городищ железного века Калининградской области; 23. *Москаль С.В.* Керамика городищ Калининградской области I – начала II тысячелетия нашей эры; 24. *Попова Т.И.* Захоронения с конем на территории Калининградской области и Литвы в IX-XIII веках.

1983

Кафедра истории советского общества. 25. *Борисов В.Н.* История Черняховской комсомольской городской организации (1946-1955 гг.); 26. *Космачева Т.Н.* История Калининградского янтарного комбината (1948-1980 гг.); 27. *Креценко С.П.* Развитие Калининградского государственного университета (1967-1982 гг.); 28. *Мариенко Е.В.* Решение проблемы педагогических кадров в истории развития системы общеобразовательных школ Калининградской области (1956-1970 гг.); 29. *Никанорова Н.А.* История социально-экономического и культурного развития Черняховского района Калининградской области (1946-1950 гг.); 30. *Плиев Р.Д.* История Калининградской базы Антарктической китобойной флотилии.

1984

Кафедра истории советского общества. 31. *Бегишев О.А.* Развитие сельских подсобных хозяйств Калининградской области (1945-1952 гг.); 32. *Ермолаев В.В.* Формирование творческих союзов Калининградской области и их деятельность по коммунистическому воспитанию трудящихся (1950-1970 гг.); 33. *Есин Г.А.* История создания и развития физкультурного движения в Калининградской области (1946-1956 гг.); 34. *Кабанцова Н.В.* Развитие системы детских дошкольных учреждений в Калининградской области (1951-1966 гг.); 35. *Климко Л.Г.* История АТЛАНТниро (1962-1980 гг.); 36. *Чесноков И.А.* Развитие органов здравоохранения Калининградской области (1950-1965 гг.).

1985

Кафедра истории советского общества. 37. *Заболотина Г.А.* История Западной рыбной промысловой перспективной разведки (1958-1980 гг.); 38. *Крамаренко С.В.* Становление и развитие торговли в Калининградской области (1946-1965 гг.); 39. *Поджарова В.Г.* Становление и развитие социалистического соревнования между рыбодобывающими флотами Калининградской и Мурманской областей (1959-1965 гг.); 40. *Свинаков В.В.* Краснознаменный Балтийский флот в Восточно-Прусской операции (январь – апрель 1945 г.); 41. *Стрельцов Н.В.* Развитие сельского хозяйства Калининградской области в 1959-1965 гг.; 42. *Фомин А.Г.* История создания и развития Знаменских бумажных фабрик (1945-1970 гг.).

1986

Кафедра истории советского общества. 43. *Баранова Л.Н.* Культурное развитие Калининградской области (1971-1980 гг.); 44. *Василькова О.Н.* Становление и развитие Калининградского государственного педагогического института (1948-1966); 45. *Добровольский Ю.С.* Развитие здравоохранения

Калининградской области в 1965-1980 гг.; 46. *Егорова Н.И.* Становление и развитие курортной базы Калининградской области (Светлогорская зона, 1946-1975 гг.); 47. *Киценко Л.В.* Развитие рыболовецких колхозов Калининградской области (1951-1965 гг.); 48. *Климец А.Е.* Развитие Калининградского морского порта (1976-1985 гг.); 49. *Милавин С.Н.* Народное хозяйство Калининградской области в годы девятой и десятой пятилеток; 50. *Панченко А.А.* История Пионерской базы океанического рыболовного флота (1945-1985 гг.); 51. *Пономарёв А.И.* История Светлогорской городской комсомольской организации (1947-1957 гг.); 52. *Родин В.Н.* История комсомольской организации Славского района Калининградской области; 53. *Треубова С.И.* Становление и развитие сети школ-интернатов Калининградской области (1956-1986 гг.).

1987

Кафедра истории советского общества. 54. *Васьковская Л.И.* Социально-экономическое развитие Калининградского опытного механического завода 1960-1970 гг.; 55. *Гапоненко Т.А.* Развитие животноводства Калининградской области в 1965-1985 гг.; 56. *Данилюк Е.А.* Развитие сельского хозяйства Калининградской области (1965-1985 гг.); 57. *Казакова Н.Б.* Развитие земледелия Калининградской области в 1950-1960 гг.; 58. *Курбанов И.М.* Социально-экономическое развитие Калининградского вагоностроительного завода в 1966-1975 гг.; 59. *Фадеева И.Э.* Социально-экономическое развитие г. Советска Калининградской области в годы семилетки (1959-1965). *Кафедра дореволюционной отечественной истории.* 60. *Самохин А.В.* Изучение истории Калининградской области в 1950-80-х гг. (Образование и заселение области). *Кафедра всеобщей истории.* 61. *Мартынюк А.П.* Социально-политическая структура земель Восточной Прибалтики в начале XIII века; 62. *Соколов Л.В.* Проблема развития феодализма у народов Юго-Восточной Прибалтики.

1988

Кафедра истории советского общества. 63. *Котова Т.П.* История ордена Ленина колхоза имени Горького Правдинского района Калининградской области; 64. *Мисоченко Л.М.* Развитие машиностроительной промышленности Калининградской области в 1966-1975 гг.; 65. *Новикова Л.А.* Развитие здравоохранения Калининградской области в 1975-1985 гг. *Кафедра дореволюционной отечественной истории.* 66. *Агородникова А.А.* Развитие театра и кино в г. Калининграде (вторая половина 40-х – 80-е гг.); 67. *Голандзия Б.Р.* Экономические и культурные связи Калининградской области с другими регионами СССР (1945 - начало 1980-х гг.); 68. *Зевакин С.М.* Продовольственная программа: значение и пути ее реализации (на материалах Калининградской области). *Кафедра всеобщей истории.* 69. *Голоперова Е.Н.* Польское восстание 1830-1831 гг. в дореволюционной и советской историографии; 70. *Кальченко О.В.* Польские социал-демократы на II съезде РСДРП; 71. *Овчинникова А.Д.* Институты семьи и брака в скандинавском обществе второй половины первого – начала второго тысячелетия; 72. *Трунова Г.А.* Польский вопрос в программах декабристов; 73. *Федотов С.В.* Человек и общество в эпоху викингов.

1989

Кафедра истории советского общества. 74. *Асонова С.И.* Героизм моряков-балтийцев в борьбе с минной опасностью (1945-1955 гг.); 75. *Волынец А.В.* Становление и развитие сельского хозяйства Гусевского района (1945-1965); 76. *Захарова С.С.* Становление нефтедобывающей промышленности Калининградской области (1945-1975 гг.); 77. *Макогон Ю.И.* Клайпедский пограничный отряд в годы Великой Отечественной войны; 78. *Павлов А.Б.* Исторические и международно-правовые основы образования Калининградской области РСФСР; 79. *Павлюченко С.Е.* Становление и развитие опорно-показательного рыболовецкого колхоза им. С.М. Кирова (1949-1959); 80. *Панферова О.Е.* История комсомольской организации Калининградского государственного университета (1967-1987 гг.); 81. *Струченкова Г.Ф.* История Калининградского военного авиационно-технического училища (1944-1985 гг.); 82. *Хошотдикова Т.В.* Органы суда и прокуратуры в Калининградской области 1946-1965 гг. **Кафедра всеобщей истории.** 83. *Басюк Т.Н.* Конституция 3 мая 1791 года; 84. *Воробьева Л.В.* Образование КРПП; 85. *Клишова И.В.* Крайова Рада Народова; 86. *Новикова Е.А.* Польский вопрос в годы первой мировой войны; 87. *Федотов Д.И.* Создание Войска Польского; 88. *Хоромская Е.И.* Этногеография Северной Европы IX-XIII веков.

1990

Кафедра истории советского общества. 89. *Касьянова Л.Д.* Развитие целлюлозно-бумажной промышленности Калининградской области (1951-1965 гг.); 90. *Куровская Л.В.* Краеведческий материал в обучении истории в школах Калининградской области; 91. *Соколов П.И.* Хозяйственная деятельность Советской Армии на территории Кёнигсберга (апрель 1945 – апрель 1946); 92. *Хмельв С.А.* Чрезвычайные органы государственной власти на территории Калининградской области; 93. *Ходюк В.Г.* Прусский транспортный путь «Искры» и Кёнигсбергский процесс. **Кафедра всеобщей истории.** 94. *Бородко О.Г., Филонова С.Н.* Польско-советские отношения в 30-е годы XX века; 95. *Гальюлина Е.Э.* Отношения КПП и ППС между мировыми войнами; 96. *Козлов А.Ю.* Ятвяги; 97. *Рыжов М.Б.* Общественно-политические взгляды Юлиана Мархлевского; 98. *Свердличенко И.Р.* Внешняя политика Польши в X-XIII вв.

1991

Кафедра истории советского общества. 99. *Бойкова Н.И.* Охрана памятников истории и культуры на территории Калининградской области; 100. *Бурдукова О.А.* Культурное строительство в Калининграде в 1946-1950 гг.; 101. *Ефремова Е.В.* Калининградский историко-художественный музей; 102. *Жабин А.Б.* Становление города Калининграда в 1946-1950 годах (по материалам газеты «Калининградская правда»). **Кафедра всеобщей истории.** 103. *Гринёва Е.В.* Польский вопрос в политике Екатерины II; 104. *Доронина С.А.* Польский вопрос в наследии А.С. Пушкина; 105. *Литвиненок Р.С.* Проблемы образования Литовского государства; 106. *Мехреньгина В.Н.* Социально-экономическое и политическое развитие полабских и поморских славян в IX – XII вв.

1992

Кафедра истории Балтийского региона. 107. Александров Т.В. Восточно-Прусская операция 1914 г. в научной и художественной литературе; 108. Ермилов А.В. Культурная жизнь в Калининградской области в 1946-1950 гг. (по материалам прессы); 109. Колесникова Е.В. Проблемы охраны памятников истории и культуры на территории Калининградской области (по материалам областной периодической печати); 110. Кутцова С.П. Народное образование в Калининградской области в 1946-1955 гг.; 111. Милаш О.А. История Тевтонского Ордена; 112. Рак О.Н. Восточная Пруссия в период Семилетней войны. **Кафедра всеобщей истории.** 113. Ильина Л.В. Институт королевской власти в средневековой Польше.

1993

Кафедра истории Балтийского региона. 114. Калашишникова О.П. Россия и Тевтонский орден в начале XVI века; 115. Кирилюк Г.В. Ятвяги: проблемы современной историографии; 116. Панова Л.В. Социально-экономическое развитие Пруссии в середине XIII в.; 117. Сергеев В.А. Внешняя политика Тевтонского Ордена в Пруссии. Проблемы историографии; 118. Труляева Г.Е. Социально-экономическое развитие Гвардейского района в 1946-1950 гг.; 119. Шейко С.И. Поселения железного века на территории Калининградской области; 120. Штукель А.Б. Государство Тевтонского Ордена в Пруссии (проблемы историографии).

1994

Кафедра истории Балтийского региона. 121. Гаргун Л.В. Боевые действия на территории Восточной Пруссии в 1944-1945 гг. (историография Восточно-Прусской операции); 122. Иванов М.Г. Наполеоновские войны в Восточной Пруссии в 1806-1813 гг.; 123. Квач О.А. Религиозные организации и религиозная политика в Калининградской области (1945-1994 гг.); 124. Копылова Т.В. Советско-литовские отношения в 1920-1930-е гг.; 125. Кучеренко И.А. Становление экономических связей Калининградской области с другими регионами страны с 1946 по 1956 г. (по материалам «Калининградской правды»); 126. Петрова Ю.В. Бытовое обслуживание Калининградской области в 1946 – середине 60-х годов; 127. Чиркова Л.Л. Немецкое население Калининградской области (1945-1948 гг.).

1995

Кафедра истории Балтийского региона. 128. Игнатюк К.Б. Культурная жизнь Калининграда в 1980-е – начале 90-х гг.; 129. Казаков С.А. Проблема Малой Литвы; 130. Качанов Р.Ю. Орденские города в Пруссии в XIII – начале XVI вв.; 131. Михеенко Н.Э. Здравоохранение на территории Калининградской области (1966-1985); 132. Петрова Ю.В. Бытовое обслуживание Калининградской области в 1946 - середине 60-х годов.

1996

Кафедра истории Балтийского региона. 133. Арютова О.В. Формирование интеллигенции Калининградской области; 134. Беляева М.И. Сельское население Калининградской области (1946-1965 гг.); 135. Марцинюк О.И. Музейное дело на территории Калининградской области в 1946-1991 гг.; 136. Серегина А.В. Знания русских о Восточной Пруссии (конец XVII – XVIII век); 137. Строганова Н.А. Немецкие дети на территории Калининградской области. **Кафедра всеобщей истории.** 138. Дубровина А.В. Польша

под властью России и Пруссии во второй трети XIX века; 139. *Ерёмченко К.А.* Политика Англии в польском вопросе в годы второй мировой войны.

1997

Кафедра истории Балтийского региона. 140. *Акимов Н.В.* Действия 1-й русской армии в Восточно-Прусской операции 1914 года; 141. *Бусловская Н.В.* Формирование общественных организаций в первые послевоенные годы на территории Калининградской области; 142. *Долгова О.А.* Формирование и развитие торговли Калининградской области (до сер. 1950-х гг.); 143. *Казарина В.А.* Французская и Зальцбургская протестантская эмиграция в Восточную Пруссию; 144. *Корнева Е.Л.* Градостроительство на территории Калининградской области (до конца 60-х годов); 145. *Петрова А.А.* История Калининградского областного института повышения квалификации и подготовки работников образования; 146. *Лиманова А.К.* История конезаводства на территории Калининградской области; 147. *Рачковский Д.В.* История Ленинградского района города Калининграда; 148. *Скрынник А.В.* История целлюлозно-бумажного комбината N2 в 1945-1963 гг.; 149. *Филиппов Ю.Ю.* Дания в эпоху викингов. **Кафедра всеобщей истории.** 150. *Мышкин Е.И.* Дипломатическая борьба по польскому вопросу на завершающем этапе наполеоновских войн; 151. *Троценков К.В.* Проблема возрождения польского государства в годы первой мировой войны (международный аспект). **Кафедра истории России.** 152. *Авсеев В.В.* История православия в Калининградской области.

1998

Кафедра истории Балтийского региона. 153. *Арютов Н.В.* История китобойной флотилии «Юрий Долгорукий»; 154. *Гриценко В.С.* Шведская политика на Балтике во второй половине XVII века; 155. *Ефремов Л.А.* Прусская лепная погребальная керамика; 156. *Жуковский Д.Н.* Пруссия в антинаполеоновских коалициях 1799-1807 гг.; 157. *Костомаров Н.В.* Формирование городского населения Калининградской области (1946-1965 годы); 158. *Остапенко Е.М.* Российско-германские культурные связи в XIX - начале XX вв.; 159. *Слисаренко Н.Т.* Пруско-российские отношения во второй половине XVIII века; 160. *Тюхтин Д.Б.* Норвежское общество в эпоху викингов; 161. *Ферстер И.В.* Проблемы историографии и источниковедения Тевтонского Ордена; 162. *Чаяускас М.Е.* Антисоветское движение в Литве в 1940-е – начале 1950-х годов. **Кафедра всеобщей истории.** 163. *Ромашко А.В.* Княжество Варшавское.

1999

Кафедра истории Балтийского региона. 164. *Атрохова М.Б.* История Полесского района (1946-1965 гг.); 165. *Баркуссский И.В.* Евреи в Восточной Пруссии (XIX – начало XX вв.); 166. *Горбач В.Н.* Альбрехт Бранденбургский (исторический портрет); 167. *Ерлина А.Н.* Градостроительство Калининградской области с 1966 по 1985 г.; 168. *Петровская О.В.* Российская историография истории Восточной Пруссии начала XIX века; 169. *Потанов Н.В.* История развития электроэнергетической системы Калининградской области (1945-1991 гг.); 170. *Свиридюк И.И.* Пруссия в российской политике во второй половине XVII века; 171. *Смирнов С.В.* Военное строительство на территории Восточной Пруссии (1815-1914 гг.); 172. *Смирнова Н.Н.* Правоохранительные органы в Калининградской области (1946-1965); 173. *Тол-*

стоба С.В. Военная пропаганда в Гумбинненской операции 1944 года; 174. Тэргович М.Л. Рыцарские ордена в завоевании Восточной Прибалтики (до 1283 г.); 175. Чугунова О.В. Фридрих Вильгельм III и Луиза: исторический портрет. *Кафедра всеобщей истории*. 176. Журавлёва Л.В. Князь Адам Чарторыйский: жизнь и деятельность; 177. Руденко Е.В. Великий князь Константин Павлович – правитель Царства Польского.

2000

Кафедра истории Балтийского региона. 178. Васильева Н.В. Здравоохранение в Калининградской области в 1940-60-е годы; 179. Грекова Ю.С. Литовское национальное движение в Восточной Пруссии во второй половине XIX – начале XX веков; 180. Королёва А.В. Ливонское отделение Тевтонского ордена и русские земли (1237-1466 гг.); 181. Нежданова Е.В. Эпоха Просвещения в Восточной Пруссии; 182. Ожунь М.Л. Становление и развитие целлюлозно-бумажной промышленности Калининградской области в 1945-1955 гг.; 183. Патракеев С.С. Г. Штейн и К. Гарденберг в политико-административных преобразованиях Пруссии; 184. Ремпе М.А. Экономические связи Калининградской области (1946-1965 гг.); 185. Ротар О.В. Прусско-русские отношения в 1700-1713 гг.; 186. Сидорова И.А. Ливонский орден (1466-1561 гг.); 187. Скрябин А.А. История развития скульптуры Восточной Пруссии (XIX - нач. XX вв.); 188. Смирнова В.С. Проблема гегемонии на Балтике в шведской политике в первой половине XVII века; 189. Трачук А.Л. Оборонительные сооружения России на границе с Восточной Пруссией перед Первой мировой войной; 190. Тятлин Г.А. История Калининградской таможни; 191. Шужеева М.А. Прусский вспомогательный корпус наполеоновской армии. *Кафедра всеобщей истории*. 192. Бондаренко Н. Польско-советская война 1920 г.; 193. Виноградов М.В. Станислав Понятовский – последний король Речи Посполитой.

2001

Кафедра истории Балтийского региона. 194. Евсеев К.А. Социально-политическое развитие Лифляндии в XVII – середине XVIII вв.; 195. Жилиев Ю.А. «Литовский вопрос» в международных отношениях второй половины XVIII – начала XIX вв.; 196. Кириленко А.В. История Калининградской нефтедобывающей промышленности; 197. Кондратенко И.В. Мемельский вопрос в международной политике между двумя мировыми войнами; 198. Мишуrowsкий А.В. Развитие среднего специального образования в Калининградской области (1946-1965); 199. Мустафин И.Г. Великий курфюрст Фридрих Вильгельм (политический портрет); 200. Нечаевская Н.А. Организация концертов в Калининградской области (1946-1965 гг.); 201. Полищук М.С. История трамвайного хозяйства в Кёнигсберге – Калининграде; 202. Товбина А.И. Деятельность православных религиозных организаций в Калининградской области; 203. Швец Н.Р. Формирование и развитие курортной зоны Калининградской области (1946-1965); 204. Ширяева Е.А. Финляндский вопрос в политике европейских держав в XVIII - начале XIX веков.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ИНДЕКС

1. Историография и источниковедение истории Балтийского региона

- 1.1. Историография Тевтонского ордена: 112, 115, 117, 120, 161.
- 1.2. Историография истории Восточной Пруссии XIX-XX вв.: 107, 168.

- 1.3. Историография Второй мировой войны: 19, 121.
- 1.4. Изучение истории Калининградской области: 60, 96.

2. История Юго-Восточной Прибалтики – Восточной Пруссии – Калининградской области

- 2.1. Железный век (племена пруссов): 22, 23, 24, 61, 62, 119, 155.
 - 2.2. Орденский период: 111, 114, 116, 117, 120, 130, 161, 166, 174, 180, 186.
 - 2.3. Пруссия в XVI-XIX вв.: 112, 143, 165, 168, 171, 175, 179, 181, 183, 199.
 - 2.4. Наполеоновские войны в Пруссии: 122, 156, 175, 183, 191.
 - 2.5. Первая мировая война в Восточной Пруссии: 107, 140, 171, 173, 189.
 - 2.6. Пруссия в первой половине XX в.: 93, 165, 179.
 - 2.7. Российско-пруссские отношения в XVII-XX вв.: 136, 159, 170, 185, 189.
 - 2.8. Культура Восточной Пруссии в Новое время: 158, 181, 187.
 - 2.9. Вторая мировая война в Восточной Пруссии: 19, 40, 74, 121.
 - 2.10. Калининградская область. Общие работы: 74, 99, 172, 190.
- Образование области, формирование органов советской власти: 78, 82, 91, 92, 172.
- Социальные отношения, общественные и религиозные организации. Общественные организации: 141. Комсомольские органы: 25, 51, 52, 80. Религиозная политика и религиозные организации: 123, 152, 202. Немецкое население в области: 127, 137. Городское население области: 157. Сельское население области: 134.
- Экономика. Экономика в целом: 49, 67, 125, 126, 132, 144, 167, 184. Промышленность: 1, 2, 3, 7, 13, 17, 20, 21, 26, 30, 37, 39, 42, 47, 48, 50, 54, 58, 64, 76, 79, 89, 146, 148, 153, 169, 182, 196. Сельское хозяйство: 6, 9, 10, 11, 14, 18, 31, 41, 55-57, 63, 68, 75, 134. Торговля: 38, 142. Транспорт: 201.
- Культура и образование. Культура: 8, 29, 32, 43, 66, 67, 99-101, 108, 109, 128, 133, 135, 200. Образование: 4, 15, 16, 27, 29, 34, 44, 53, 80, 81, 90, 110, 145, 198. Наука: 35.
- Здравоохранение, спорт. Здравоохранение: 36, 45, 46, 65, 131, 178, 203. Спорт и физкультура: 33.
- История отдельных муниципальных образований области. Багратионовск: 11. Гвардейск: 118. Гусев: 75. Знаменск: 42. Калининград: 102, 147. Полесск: 164. Правдинск: 63. Светлогорск: 51. Славск: 52. Советск: 59. Черняховск: 25, 29.

3. История Польши

- 3.1. Польша в раннем средневековье: 98, 106.
- 3.2. Польша в средние века: 113.
- 3.3. Польша в Новое время: 69, 72, 83, 103, 104, 138, 150, 163, 176, 177, 193.
- 3.4. Польша в XX веке: 70, 84, 85, 86, 87, 94, 95, 97, 139, 151, 192.

4. История Литвы

- 4.1. Древнейшая история Литвы: 24, 96, 115.
- 4.2. Образование Литовского государства: 105.
- 4.3. Литва в Новое время: 194, 195.
- 4.4. Литва в первой трети XX века: 124, 197.
- 4.5. Литва в годы Второй мировой войны: 77.
- 4.6. Советский период истории Литвы: 162.
- 4.7. Проблема Малой Литвы: 129.

5. История Скандинавии

- 5.1. Древнейшая история Скандинавии: 71.
- 5.2. Скандинавия в средние века (эпоха викингов): 73, 88, 149, 160.
- 5.3. Скандинавские страны в Новое время: 154, 188, 204.

Справки об авторах¹

Брыц Агнешка, докторант ф-та журналистики и политических наук Варшавского ун-та (Республика Польша). Окончила магистратуру Института международных отношений (Варшава, 2000). **Сфера интересов:** внешняя политика России, процессы трансформации на постсоветской территории, вопросы региональной безопасности. **Контакт:** curgb@sec.polbox.pl

* **Дементьев Илья Олегович**, ассист. кафедры зарубежной истории и международных отношений Калининградского государственного университета. Окончил исторический ф-т КГУ (1997) и аспирантуру каф. зарубежной истории КГУ (2000). **Публикации:** «На пути между консерватизмом и либерализмом»: А. де Токвиль в истории западной политической мысли // *Национализм, консерватизм и либерализм в Новой и Новейшей истории Запада*. Межвуз. сб. науч. тр. Калининград, 1996. С. 88-93; *О некоторых оценках Алексиса де Токвиля в послевоенной зарубежной историографии* // *Проблемы источниковедения и историографии*. Калининград, 1999. С.80-88; *Понятия расы, нации и народа в политической теории Алексиса де Токвиля* // *Национальные отношения в Новое и Новейшее время: теория и политическая практика*. Калининград, 2000. С. 4-20; *Токвиль и христианство* // КС. Калининград, 2000. Вып.1. С.8-16; *Констан и Токвиль о свободе у древних и новых* // ПИФН. Калининград, 2000. С. 9-13; *Либерализм и консерватизм во Франции XIX века: к вопросу о целостности политической доктрины* // КС. Калининград, 2001. Вып. 2. С.11-17; *Истоки мировоззрения Токвиля в оценках зарубежных историков* // ПИИ. Калининград, 2001. С.106-114. **Контакт:** ktmoo@mail.ru.com

Дубровский Юрис, студент ф-та политических наук Гуманитарного института Латвийского ун-та. Член Латвийской ассоциации студентов политических наук. Член редколлегии он-лайнного журнала «POLIS». **Контакт:** yuradub@latnet.lv

* **Жуковский Игорь Игоревич**, аспирант кафедры истории России КГУ. Окончил исторический ф-т КГУ (2001). **Контакт:** joukovski_igor@mail.ru

* **Золошков Константин Александрович**, студент 5-го курса исторического ф-та КГУ. **Публикации:** *Прусская буржуазия и её отношения с юнкерством в XIX - начале XX в.* // КС. Калининград, 2000. Вып. 1. С. 80-85. **Контакт:** cuba_revolution@mail.ru

¹ Звёздочками отмечены авторы, состоящие в общественной организации «Молодёжь за свободу слова».

Карабешкин Леонид Александрович, аспирант Института Европы РАН, председатель «Балтклуба». Окончил ф-т международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета в 1999 г. Автор ряда *публикаций* по проблемам безопасности региона Балтийского моря, внутренней и внешней политике Литвы (газеты «Век», «Экономика и время», журнал «Нефть России»). *Контакт*: baltclub@mail.ru

Мальцев Леонид Алексеевич, канд. филол. наук (2001), ассист. кафедры зарубежной литературы и журналистики КГУ. Окончил филол. ф-т КГУ (1995), аспирантуру Института славяноведения РАН (2001). *Основные публикации*: «Апокалипсис нашего времени» В.В.Розанова как жанровая система // Актуальные проблемы лингвистической семантики и типологии литературы. Калининград, 1997; Христианство и «новое религиозное сознание» («Апокалипсис нашего времени» В.В.Розанова и «Антихрист» Ф.Ницше) // ПРФК. Калининград, 1997; Образ автора в художественной публицистике («Архипелаг ГУЛАГ» А.И.Солженицына и «Иной мир» Г.Херлинга-Грудзинского) // Александр Солженицын и Польша. Познань, 1997; Философско-исторические мотивы в книге В.Розанова «Апокалипсис нашего времени» // Кирилло-Мефодиевские чтения: Сб. ст. Калининград, 1998; Русская идея в философии истории К.Н.Леонтьева и В.В.Розанова // ПРФК. Калининград, 2000; Диптих «Створы алтаря» и его сакральная символика // Кирилл и Мефодий. Духовное наследие. Калининград, 2000; Проблема веры и традиции Ф.М.Достоевского в прозе Г.Херлинга-Грудзинского // Библейские мотивы в русской культуре и литературе. Познань, 2000; Роман Г.Херлинга-Грудзинского «Иной мир» в контексте русской прозы // Славяноведение. 2000. №5; Г.Херлинг-Грудзинский: жанр биографической прозы и её философская проблематика // КС. Калининград, 2001. Вып. 2. С. 61-67. *Контакт*: lamaltsev@mail.ru

Маслов Евгений Александрович, старший преподаватель кафедры истории России КГУ. Окончил исторический ф-т КГУ (1993). *Основные публикации*: Монастырское строительство и объединение русских земель и княжеств. XIV – первая половина XV в. // Монастыри в жизни России. Калуга-Боровск, 1997; Национальные аспекты религиозной политики СССР в первые послевоенные годы (по материалам Калининградской области) // Национальные отношения в Новое и Новейшее время: теория и политическая практика. Калининград, 2000; Религия и политика в новейшей истории Калининградской области: теоретические аспекты проблемы // ПИФН. Калининград, 2001; Архивные материалы по истории религиозной политики в Калининградской области во второй половине 40-х – 60-х годов // ПИИ. Калининград, 2001. С.74-81.

Новиков Александр Сергеевич, студент 5-го курса исторического ф-та КГУ.

Олехнович Дмитрий Антонович, магистрант гуманитарного факультета Даугавпилсского университета, ассистент кафедры истории ДУ. Окончил Даугавпилсский педагогический университет по специальности «история и социальные науки» (2000). Сфера интересов – новая история Латвии (1940-1946), история Холокоста и антисемитизма в Латвии. **Контакт:** history@dpu.lv

* **Повилайтис Владас Ионо**, канд. философских наук (1999), доцент кафедры философии и культурологии КГУ. Окончил исторический факультет КГУ (1995), аспирантуру кафедры философии и культурологии КГУ (1998). **Публикации:** *Проблема единства и многообразия культур в религиозно-философском учении Л.П.Карсавина* // ПРФК. Калининград, 1999. С. 68-76; *Идея всеединства в философии истории Л.П.Карсавина* // ПРФК. Калининград, 2000. С. 22-31; *О философской концепции Л.П.Карсавина* // КС. Калининград, 2000. Вып. 1. С. 16-24; *О проблеме свободы в философии всеединства* // ПРФК. Калининград, 2001. С. 35-45; *Карсавин в Литве* // КС. Калининград, 2001. Вып. 2. С.36-47. **Контакт:** vladas73@mail.ru

* **Сивкова Анна Вадимовна**, аспирантка кафедры общего и русского языкознания КГУ. Окончила факультет славянской филологии и журналистики КГУ (2001). **Публикации:** *Особенности двоемирия Э.По и Газданова* // Газданов и мировая культура. Калининград, 2000. С. 53-62; *Концепт времени в цикле рассказов К.Чапек «Распятое»* // Санкт-Петербург – Прага. Ежегодник Общества братьев Чапек в Петербурге. СПб., 2000. С. 31-35; *Швейк – Санчо Панса и Дон-Кихот (дуализм образа)* // КС. Калининград, 2000. Вып. 1. С. 115-121. **Контакт:** sivkov@baltnet.ru

Сиданмаки Веера, студентка 4-го курса отделения политологии факультета социальных наук Хельсинкского университета. **Сфера интересов:** современная история Северного региона, PR. **Контакт:** vsydanma@mappi.helsinki.fi

* **Фонова Евгения Геннадьевна**, соискатель в отделе литературы стран Запада и сравнительного литературоведения Института мировой литературы им. А.М.Горького РАН. Окончила романо-германский факультет КГУ (2001). **Публикации:** *Мотив путешествия в творчестве Бодлера и Газданова* // Газданов и мировая культура. Калининград, 2000. С. 63-74; *Портрет Бодлера в русском медальоне. Часть 1* // КС. Калининград, 2000. Вып. 1. С. 109-114; *Часть 2* // КС. Калининград, 2001. Вып. 2. С. 115-121. **Контакт:** eugeniefonova@mail.ru

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

КС – Культурный слой. Исследования по истории европейской культуры.

ПИФН – Проблемы исторических и философских наук: Материалы постоянных научных семинаров

ПИИ – Проблемы источниковедения и историографии: Сб. науч. тр.

ПРФК – Проблемы русской философии и культуры: Сб. науч. ст.

Центр «Молодёжь за свободу слова»

– Калининградская региональная молодёжная общественная организация,
учреждённая 11 февраля 1998 г. и зарегистрированная 3 марта 1998 г.

Тел./факс (0112) 21 92 54

e-mail: krmoo@mailru.com

1. Образовательные проекты.

- Летний творческий гуманитарный лагерь «*Янтарное перо*» (совместно с отделом по делам молодёжи мэрии Калининграда, 1996-1999, 2001 гг.).
- Проект «*Права ребёнка в Калининградской области*» (при поддержке Детского фонда ООН ЮНИСЕФ, 2000-2001 гг.) – серия семинаров для педагогов и учащихся. Издание справочника «Права ребёнка в Калининградской области».
- Проект «*32-я статья Конвенции о правах ребёнка: правовое воспитание школьников*» (при поддержке фонда «Новые перспективы», 2001) – семинар для педагогов, издание справочника «Правосубъектность несовершеннолетних в РФ» (2002).
- *Методическая поддержка педагогов* (сборники методических материалов «Альтернативные технологии в сфере дополнительного образования» и «Правовое воспитание школьников», 1999 и 2001 гг., при поддержке ЮНИСЕФ).

2. Культурные проекты.

- Проект «*Обновление культурной политики в Калининградской области*» (при поддержке Фонда Сороса, 2000-2001 гг.) – серия семинаров для руководителей учреждений культуры. Издание доклада «Культурная политика в Калининградской области» и методического пособия «Культурные проекты: привлечение ресурсов».
- Первый международный фестиваль современного танца «*Танц-транзит*» (Калининград, апрель 2001 г., совместно с театром танца «Инклюзы» при поддержке Фонда Сороса и мэрии Калининграда).
- Проект «*Откуда мы?*» (совместно с Ольштынским обществом аниматоров культуры на селе, при поддержке Фонда Стефана Батория с 2002 г.) – обучение руководителей сельских учреждений культуры организация исторических выставок.

3. Проекты в поддержку гражданского общества.

- *Подготовка молодых журналистов* (семинары для журналистов при поддержке ЮНИСЕФ, 1999 г.; при поддержке Совета Европы, 2000 г.).
- Проект «*Трёхстороннее сотрудничество*» (совместно с Фондом НИДА и Фондом развития местной демократии, Ольштын, 2001 г.). Обучение муниципальных служащих, предпринимателей и сотрудников НКО из Гусева, Калининграда и Светлого.
- Издание *Атласа некоммерческих негосударственных организаций Калининградской области* (при поддержке программы RITA, 2001).
- Проект *INFURST* – контактная точка для развития партнёрства между калининградскими и польскими НКО.
- Ежегодная конференция «*Прибрежный: прошлое, настоящее, будущее*» (со школой №48 с 2000 г.). Издание одноимённого сборника материалов конференции.

4. Научно-исследовательские проекты.

- *Научные чтения*: Гашековские чтения, 1999 г.; Газдановские чтения, 2000 г. (при поддержке Фонда Сороса); Чапековские чтения, 2000 г.; Гофмановские чтения, 2001 г. Издание сборника статей «Газданов и мировая культура» (2000, при поддержке Фонда Сороса).
- *Молодёжная археологическая экспедиция* в пос. Прибрежном (совместно с Неолитическим отрядом БАЭ ИА РАН и школой №10, 1998-2001 гг.).
- Издание ежегодного сборника научных трудов по гуманитарным наукам «*Культурный слой*» (с 2000 г.).

Научное издание

БАЛТИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник научных трудов

Ответственный редактор И.О. Дементьев

Редактор Н.Н. Мартынюк

Подписано в печать 11.03.2001. Формат 60 x 90 1/16
Гарнитура «Таймс». Бумага для множительных аппаратов.
Ризограф. Усл. печ. л. 6,3. Уч.-изд. л. 6,7. Тираж 120 экз. Заказ

Издательство Калининградского государственного университета,
236041, г. Калининград, ул. А.Невского, 14